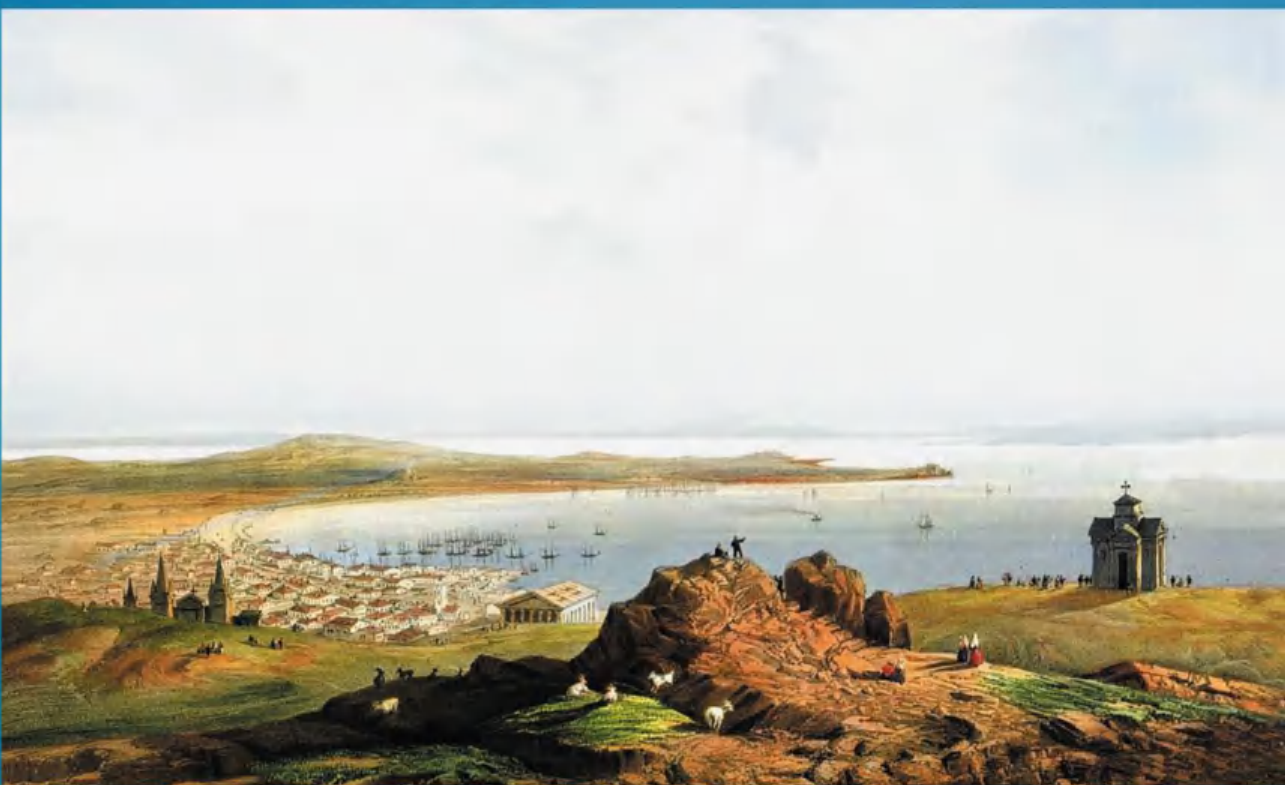

Крым в истории, культуре
и экономике России

РОССИЙСКИЕ АРХЕОЛОГИ
XIX – НАЧАЛА XX в.
И КУРГАННЫЕ ДРЕВНОСТИ
ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**РОССИЙСКИЕ АРХЕОЛОГИ
XIX — НАЧАЛА XX в.
И КУРГАННЫЕ ДРЕВНОСТИ
ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА**

**Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2017**

УДК 904
ББК 63.3(0)32
Р76

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 15–31–10151. Не подлежит продаже*

Р е ц е н з е н т ы:

д. и. н. *Л. Б. Кирчо* (ИИМК РАН), д. и. н. *И. Л. Тихонов* (СПбГУ)

Р76 Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора: коллективная монография / Отв. ред. В. А. Горончаровский. — СПб.: Издательство РХГА, 2017. — 152 с. : ил., [72] с. ил.
ISBN 978-5-88812-880-0

В коллективной монографии рассматриваются различные аспекты изучения начального этапа исследования российскими археологами курганных комплексов Восточного Крыма античного периода. Авторы использовали, прежде всего, материалы Научного архива ИИМК РАН. Некоторые из них впервые вводятся в научный оборот.

Издание предназначено для археологов, историков и специалистов в смежных областях естественных наук.

**УДК 904
ББК 63.3(0)32**

*В оформлении обложки использована картина Карло Боссоли
«Общий вид Керченского пролива с горы Митридат» (1840–1842)*

© В. А. Горончаровский (отв. ред.), Ю. А. Виноградов,
М. Ю. Вахтина, Т. Н. Сmealова, Ю. Л. Белик,
О. В. Шаров, М. В. Медведева, Н. В. Молева, 2017
© Институт истории материальной культуры РАН, 2017
© Издательство РХГА, 2017

ISBN 978-5-88812-880-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Российские археологи и курганные древности Восточного Крыма античного периода.....	7
1.1. У истоков боспорской археологии: Поль Дюбрюкс «на краю Европы» (опыт биографии на фоне эпохи) (В. А. Горнчаровский).....	7
1.2. Керченские археологи во время Крымской войны (Ю. А. Виноградов).....	23
1.3. История раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам Научного архива ИИМК РАН) (М. Ю. Вахтина).....	44
1.4. В. Ф. Гайдукевич и изучение курганов боспорской аристократии (Ю. А. Виноградов).....	68
Глава 2. Историческая топография и современное состояние боспорских курганных некрополей у Нимфея, на Темир-Горе и мысе Ак-Бурун (Т. Н. Смекалова, В. А. Горнчаровский, Ю. Л. Белик).....	74
Глава 3. Погребальные комплексы боспорских курганов (архивные материалы и проблемы интерпретации).....	86
3.1. Гробницы 1, 2 и 6 в некрополе Нимфея (М. Ю. Вахтина).....	86
3.2. Склеп Деметры в Керчи (по материалам Научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) (М. В. Медведева, О. В. Шаров).....	96
Глава 4. Деревянные конструкции в насыпях боспорских курганов (Ю. А. Виноградов).....	124
Приложение. Дела давно минувших дней... (из истории Керченского историко-археологического музея в годы Великой Отечественной войны) (Н. В. Молева).....	130
Заключение.....	136
Литература.....	138
Список сокращений.....	150

ВВЕДЕНИЕ

В разработке вопросов, связанных с историей и культурой Боспорского царства, самого крупного государственного образования из тех, что сложились на северном берегу Черного моря в результате греческой колонизации, изучению курганов Керченского полуострова принадлежит особое место. С одной стороны они характеризуют культуру местной элиты, в которую входили представители как эллинской, так и варварской знати, с другой — служат своеобразным индикатором развития греко-варварских связей на протяжении почти тысячелетнего существования античного Боспора. Собственно, боспорская археология и начиналась с изучения курганов. Первым научным изысканием ее «отца» Поля Дюбрюкса стало обследование в 1811 г. известного Золотого кургана. С накоплением полевого опыта он выработал определенную методику изучения и фиксации археологических памятников, проявлял интерес к отдельным рядовым находкам. В дальнейшем именно раскопки погребений с яркими эффектными вещами на территории Европейского Боспора побуждали богатых меценатов выделять деньги на продолжение такого рода исследований. Открытие богатейшего погребения в кургане Куль-Оба положило начало уже государственному финансированию археологических исследований на юге России, ориентированных на пополнение коллекций Императорского Эрмитажа. Руководили ими такие археологи, связанные с Керченским музеем, как А. Б. Ашик и Д. В. Карейша. Количество исследованных курганов росло, как правило, в ущерб качеству произведенных работ.

Ту же цель получения ценных находок, по крайней мере на первых порах, преследовала и созданная в 1859 г. Императорская Археологическая Комиссия. Надо сказать, что курганная тематика преобладала в деятельности археологов, работавших на Боспоре, вплоть до событий 1917 г. При этом обстоятельства открытия ряда курганных комплексов Европейского Боспора и полученные результаты до сих пор не рассмотрены в полном объеме. Вплоть до недавнего времени изучение боспорских курганов фактически оставалось на уровне знаний середины прошлого века, поскольку основное внимание уделялось раскопкам античных городов, сельских поселений, святилищ и других археологических памятников. Ситуация стала меняться только сравнительно недавно, когда Институт истории материальной культуры РАН совместно с Центром археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра» (г. Керчь) подготовил две коллективные монографии по курганам Юз-Обы (*Виноградов и др., 2012; Бутягин, Виноградов, 2016*). Можно упомянуть также первую исчерпывающую публикацию материалов

погребения с золотой маской, открытого в 1837 г. в одном из курганов к северо-востоку от Керчи (*Тайна золотой маски*, 2009). Между тем это лишь часть научного наследия первых исследователей боспорских курганов и сотрудников Императорской Археологической Комиссии, которое еще предстоит сделать в полной мере доступным для изучения.

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография подготовлена сотрудниками Отдела истории античной культуры ИИМК РАН при финансовой поддержке гранта РФФИ а(ц) № 15-31-10151. Она включает несколько глав, первая из которых связана с историей изучения курганов Восточного Крыма российскими археологами от Поля Дюбрюкса до В. Ф. Гайдукевича, уделявшего большое внимание анализу комплексов боспорских элитных курганов, раскопанных в дореволюционный период (В. А. Горнчаровский, Ю. А. Виноградов, М. Ю. Вахтина).

Вторая глава, подготовленная Т. Н. Смекаловой, В. А. Горнчаровским и Ю. Л. Беликом, посвящена исторической топографии и современному состоянию боспорских курганных могильников у Нимфея, на Темир-Горе и мысе Ак-Бурун. Это в полной мере мультидисциплинарное исследование с использованием дистанционных (архивные аэрофотографии, космические снимки) и геофизических (магниторазведка) методов, а также привязкой курганов к современной карте.

В третьей главе коллективной монографии рассматриваются архивные материалы по отдельным погребальным комплексам Пантикапея и Нимфея и проблемы их интерпретации (М. Ю. Вахтина, О. В. Шаров, М. В. Медведева). С проблемой конструктивных особенностей погребальной архитектуры боспорских курганов связана четвертая глава (Ю. А. Виноградов).

В качестве приложения в книгу включена статья к. и. н., доцента кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета Н. В. Молевой о деятельности керченских археологов после начала Великой Отечественной войны и в период фашистской оккупации, поскольку здесь прослеживается определенная перекличка между описанными Ю. А. Виноградовым событиями периода Крымской войны и теми, что происходили там же почти девяносто лет спустя.

Конечно, авторы коллективной монографии ни в коей мере не претендуют на решение всех вопросов, связанных с заявленной темой. Это всего лишь вклад в работу над большой научной проблемой, окончательное решение которой еще впереди.

В. А. Горнчаровский (ИИМК РАН)

Глава 1

РОССИЙСКИЕ АРХЕОЛОГИ И КУРГАННЫЕ ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОГО КРЫМА АНТИЧНОГО ПЕРИОДА

1.1. У ИСТОКОВ БОСПОРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ: ПОЛЬ ДЮБРЮКС □ НА КРАЮ ЕВРОПЫ □ (опыт биографии на фоне эпохи)

«Изгнанник на краю Европы» — так назвал себя в письме французскому королю Карлу X один из тех, кто стоял у истоков античной археологии Северного Причерноморья — Поль Августин Дюбрюкс (1770–1835). Ему выпала интересная и нелегкая судьба: покинуть родину из-за революционных потрясений конца XVIII в. и после долгих скитаний поселиться в Восточном Крыму, чтобы там, на земле России, обрести свое подлинное призвание.

Как выяснилось недавно, благодаря усилиям французских архивистов, П. Дюбрюкс родился 31 августа 1770 г. в маленьком городке Жамуань герцогства Люксембург, тогда принадлежавшего Австрийской империи, в той его части, которая теперь входит в состав современной Бельгии (*Гавинье и др.*, 2010. С. 102). Впрочем, семья Поля по своим языку, культуре, да и чисто практическим интересам, больше тяготела к расположенной неподалеку Франции. Своей фамилией он был обязан отцу — дворянину Селестену Алексису Симону Гийому, прозванному Дюбро или Дюбрю, что на местном диалекте означало «густые лесные заросли, где скрывается дичь». Такие прозвища не даются зря, и, видимо, оно отражало всепоглощающую страсть к охоте, которая позднее переросла в жажду военных подвигов. Вскоре после начала Семилетней войны 1756–1763 гг. восемнадцатилетний Селестен Дюбрюкс стал солдатом набиравшегося для французской армии корпуса королевских добровольцев, где вскоре дослужился до офицерского чина. Он участвовал в Ганноверской (1757), Антильской (1759) и Корсиканской (1768) кампаниях. Затем начались годы размеренной пограничной службы. Где она протекала, неясно, но если позднее, уже в России его сын указывал в качестве своей родины провинцию Франш-Конте на границе со Швейцарией, то, скорее всего, именно она стала местом последней службы Дюбрюкса-старшего при старом режиме. Здесь, видимо, и прошли юные годы будущего археолога. Возможно, уже тогда пробудился его еще неосознанный интерес

к древностям. Ведь на улицах Безансона, столицы провинции, можно было видеть включенные в городскую архитектурную среду такие памятники прошлого, как остатки римского акведука и так называемые Черные ворота — триумфальную арку императора Марка Аврелия (161–180 гг. н. э.). На этом взметнувшемся ввысь почти на семнадцать метров сооружении (рис. 1) вполне естественно проступали изъеденные временем рельефы, изображавшие Диоскуров и Дедала, битву олимпийских богов и гигантов и эпизоды войны между такими гигантами, как Рим и Парфия. Позднее он вспоминал, что его внимание привлекали остатки римских дорог во Фландрии и Люксембурге.

Поль, старший из четырех сыновей Селестена Дюбрюкса, поначалу не особенно задумывался над проблемой жизненного выбора и решил пойти по стопам отца. В 1784 г. он в чине младшего лейтенанта вступил в полк альпийских стрелков, а через пять лет поднялся еще на одну ступеньку военной карьеры и стал лейтенантом. Видимо, с этим периодом связано знакомство молодого офицера с собраниями античных древностей в Париже. Впоследствии он не упустил случая осмотреть «антики» в кабинетах редкостей в Мюнхене и Мангейме (*Тункина*, 2010. С. 31).

Вскоре Великая французская революция положила конец спокойному существованию семейства Дюбрюксов. В 1792 г. его глава, уже собравшийся было уйти в отставку, утратил право на пенсию, предоставленную морским ведомством. Короля Людовика XVI к тому времени уже лишили власти, но Дюбрюксы не собирались отречься от роялистских взглядов и вскоре оказались за границей, в немецком городке Кобленце. Здесь Поль, вместе с отцом и братом, Этьеном Гуссенем, вступил в армию принца Людовика-Жозефа Конде (1736–1818) (рис. 2), где уже было более 5 тысяч эмигрантов, в основном офицеров и генералов, готовых вместе с австрийцами воевать против революционной Франции (*Бовыкин*, 2006. С. 77–86). Последовавший призыв «Граждане, Отечество в опасности!» всколыхнул всю страну, и битва при Вальми 20 сентября 1792 г. похоронила надежды на скорую реставрацию прежних порядков. Чтобы продолжать борьбу, нужны были значительные средства, и принц Конде обратился за помощью к Екатерине II. Она ненавидела революцию и откликнулась на эту просьбу, послав к эмигрантам их соотечественника, герцога Армана Эммануэля Ришелье (1766–1822)¹ (рис. 3), с двумя бочками золота и предложением основать французскую колонию на восточном берегу Азовского моря. Деньги были с благодарностью приняты, но от прочего Конде предпочел уклониться. Пять лет походов и сражений завершились поражением Австрии и Кампо-Формийским миром 1797 г., продиктованным молодым генералом Наполеоном Бонапартом. Этот мир обрекал армию Конде на изгнание. Единственной страной, готовой

¹В будущем этот человек стал градоначальником Одессы и генерал-губернатором Новороссийского края.

ее принять, оказалась Россия. Наверное, немалую роль в данном случае сыграло личное знакомство принца с Павлом I и его супругой Марией Федоровной, которых под именем графа и графини Северных он за пятнадцать лет до того по-царски принимал в своем поместье Шантийи.

Последовавший на восток корпус принца Конде за три месяца совершил переход от берегов Баденского озера в южной Германии до западной границы России в районе Южного Буга. 1 января 1798 г. французы перешли через реку, и вечером того же дня Поль Дюбрюкс, как и прочие его соратники, принес присягу российскому императору (рис. 4). К тому времени он уже был обременен семьей и имел двоих детей, необходимость заботиться о которых, конечно, осложняла его весьма скромное существование.

Когда весной 1799 г. Павел I приказал начать военные действия против революционной Франции, эмигрантское воинство после непривычно суровой зимы и скуки провинциальной жизни с радостью выступило в поход. Ему предстояло действовать в Швейцарии вместе с войсками генерал-лейтенанта А. М. Римского-Корсакова. Поль участвовал в этой военной кампании до самого конца, не пропустив ни одного из сражений (*Тункина*, 2010. С. 21). Впрочем, ветер большой политики скоро переменялся: русский император начал сближение с Наполеоном, а корпус Конде расформировали. Вскоре судьба разбросала в разные стороны ранее сражавшихся под одним знаменем Дюбрюксов. Отец и младший брат, Этьен Туссен, сначала безуспешно просили у эрцгерцога Австрийского назначения в армию, как подданные его императорского величества, вполне владеющие немецким языком и имеющие родственников на австрийской службе, но потом воспользовались амнистией, объявленной в 1802 г. для большей части эмигрантов, и вернулись во Францию.

Тысячи французов, не принявших революцию, в те годы оказались не у дел и рассеялись по Европе в поисках средств к существованию. Многие из них нашли приют в России, даже герцог Прованский, впоследствии король Людовик XVIII, которому предоставили замок в Митаве (совр. г. Елгава, Латвия). Самую простую возможность заработать и какое-то время просуществовать в ожидании лучших времен давало преподавание французского языка. Характерные черты учителя-француза этого времени и настроения большей части эмигрантов ярко отразил в своих мемуарах современник П. Дюбрюкса, Ф. Ф. Вигель, который в 1827–1828 гг. занимал должность керчь-еникальского градоначальника. Он писал: «Наш гувернер, шевалье де Ролен де Бельвиль, французский подполковник, человек лет сорока... старался со всеми быть любезен и умел всем нравиться, старым и молодым, господам и даже слугам... Об отечестве своем говорил, как все французы, без чувства, но с хвастовством и с состраданием... Революционеры, новые титаны, по словам его, только временно овладели сим Олимпом, но, подобно им, будут низвергнуты в бездну» (*Вигель*, 1928. С. 81–82).

Для верного своим убеждениям Поля Дюбрюкса никаких сомнений не было: он считал, что настоящий француз ни в коем случае не должен служить узурпатору. Даже в жестокой нужде, когда отец в 1805 г. исхлопотал ему возможность занять место во французском Департаменте вод и лесов, последовал решительный отказ принести присягу новому режиму. Оставалось одно: окончательно связать свою судьбу с приютившей его Российской империей и искать любые способы заработать на жизнь себе и своей семье. Сначала Поль пошел по наиболее простому пути и стал «наставником», т. е. домашним учителем, скорее всего, в одной из помещичьих усадеб на Волыни, хотя и писал по-французски с ошибками. Гораздо больше возможностей в отношении поиска работы давала столица, куда в конце концов он и перебрался с семьей. В Петербурге можно было рассчитывать на помощь соотечественников, завязать знакомства с нужными людьми, наконец, просто получить какую-нибудь должность. Об этом периоде его жизни никаких определенных сведений не сохранилось, но мы знаем, что «ум и любезность» обеспечили ему в 1810 г. предложение «служить по таможенной части» (*Тетбу де Мариньи*, 1848. С. 229), а если точнее, скромное место пакгаузного инспектора Еникальской таможенной заставы. Когда-то Еникале — мощная крепость, возведенная под руководством французских инженеров (рис. 5), была резиденцией турецкого паши и своеобразным ключом к Керченскому проливу, поскольку отсюда полностью простреливался фарватер. Фактически, как и Керчь, она отошла к России без боя в 1771 г., а через три года, после успешного завершения войны с Турцией, это стало одним из пунктов мирного договора.

И вот бывший армейский капитан Павел Алексеевич Дюбрюкс (как его теперь можно называть) поступает на гражданскую службу тем же чином IX класса по Табели о рангах, т. е. титулярным советником. Чин этот многим знаком больше по роману А. С. Даргомыжского на стихи П. И. Вейнберга «Он был титулярный советник, она — генеральская дочь», хотя упоминание о нем можно часто встретить в произведениях русской литературы XIX в. Достаточно вспомнить среди его обладателей незабвенного Акакия Акакиевича Башмачкина из гоголевской «Шинели». Большая часть чиновников застревала на этой ступеньке надолго потому, что VIII класс уже давал права потомственного дворянства, и, чтобы перейти в него, обычно нужно было иметь протекцию. Судьба обрекла П. Дюбрюкса до конца жизни пребывать в кругу тех, кого называли «вечными титулярными советниками», но на первых порах это, видимо, не особенно его тяготило.

Крепость Еникале в те годы представляла собой единое административное целое с Керчью, которую назвать настоящим городом было достаточно сложно (рис. 6). Павел Сумароков в своих «Досугах крымского судьи» отмечал, что в начале XIX в. там было всего «80 скудных дворов» и две улицы, а «приморское положение почти здесь бесполезно» (*Сумароков*, 1805. С. 106–107), т. е. это было типичное российское захолустье. Даже в 1817 г. число

жителей Керчи не превышало 600 человек. Таким образом, не случайно организованное позднее градоначальство размещалось именно в Еникале.

Сам П. Дюбрюкс так описывал свое первоначальное местопребывание на юге России: «Городок Еникале, где не более трех улиц, расположен амфитеатром на склоне горы, выходящем к морю. Хотя дома здесь большей частью воздвигнуты достаточно скверно и в азиатском вкусе, вид городка с моря очень живописен» (*Дюбрюкс*, 2010. С. 280). В бухте порой останавливалось до тридцати греческих и турецких торговых судов, следовавших далее в Таганрог или обратно. Рядом, в предместье, кипела торговля. Десятки торговцев держали здесь свои небольшие лавки и предлагали фрукты, рыбу, кожи, войлок, табак и другие товары.

Конечно, должность инспектора таможни при отсутствии хорошо оборудованного порта оказалась чисто номинальной, как, впрочем, и жалованье — всего 400 рублей ассигнациями в год (=108 рублей серебром). Что можно было купить на эти деньги? Две хорошие лошади или по 8 кг ржаной муки в день. Если бы не помощь рыбаков, иногда снабжавших П. Дюбрюкса соленой рыбой, ему вряд ли удавалось бы сводить концы с концами.

12 февраля 1811 г. состоялся перевод П. Дюбрюкса в Керченскую таможенную заставу, что не улучшило его материального положения. Со временем за счет ссуды в 2000 руб. он сумел построить на выезде из Керчи в Феодосию дом, окруженный садом (*Тункина*, 2010. С. 23)², но этот долг, несмотря на доход от сдачи в аренду части комнат, еще долго не давал ему спокойно жить. Постоянная нужда в деньгах не помешала П. Дюбрюксу пожертвовать какую-то сумму на войну с Наполеоном, но, видимо, он был готов взяться за любую работу, особенно в условиях обрушившегося на Новороссию неурожая и роста цен. Грозный 1812 г. ознаменовался для юга России также страшной эпидемией чумы, унесшей тысячи жизней. Павел Алексеевич тогда временно исполнял в Еникале обязанности комиссара по медицинской части. За это он получил благодарственный отзыв от князя А. Б. Куракина и даже был представлен к награде, которой так и не получил. Своеобразным признанием его заслуг стало назначение 24 июля 1813 г. комиссаром I квартала Феодосийской портовой карантинной конторы, где «за отличное исполнение порученности» он был «удостоен Высочайшего благоволения» (*Тункина*, 2010. С. 24), видимо не сопровождавшегося денежным вознаграждением. Разочарование в государственной службе подвигло П. Дюбрюкса стать управителем имения коллежского советника Гурьева, расположенного у деревни Чурубаш, но и здесь он не нашел себя. 8 июля 1814 г. последовало назначение надзирателем Керченской таможенной заставы, хотя и в этом качестве П. Дюбрюкс прослужил всего полгода.

²Современный адрес: ул. Пирогова, 22. Дом не сохранился, но на этом месте установлена мемориальная доска.

В 1815 г. положение скромного керченского чиновника несколько улучшилось в связи с получением новой, более выгодной в материальном отношении должности смотрителя Керченских соляных озер и «магазина» Крымской соляной экспедиции. Пропадая две трети года в районе Тобечикского озера, он сумел добиться существенных успехов, увеличив объем соледобычи более чем в одиннадцать раз. Впрочем, этот человек, по словам академика П. И. Кеппена (1793–1864) относившийся к числу тех, кто «общественное благо предпочитали собственной пользе» (Тункина, 2010. С. 25), так и не сумел использовать новые возможности для личного обогащения. Он честно добивался признания своих заслуг не только в России, но и перед королевским режимом, окончательно реставрированным во Франции в 1815 г. Неоднократно П. Дюбрюкс направлял прошения о награждении военным орденом Святого Людовика³ (рис. 7), присвоении очередного воинского звания и предоставлении пенсии на пропитание своей многочисленной семьи. Орден в 1817 г. ему дали, но остальные просьбы были оставлены без внимания. Именно тогда П. Дюбрюкс вплотную приступил к изучению античных городов и некрополей в окрестностях Керчи.

Впрочем, интерес к археологии пробудился у П. Дюбрюкса с самого момента переезда в Крым. Не раз он становился свидетелем случайных находок античных древностей, которые буквально валялись под ногами. Английский профессор минералогии М. Кларк, побывавший на юге России в 1800 г., выразил свои впечатления от пребывания в Керчи следующим образом: «Ни в каком другом месте Крыма путешественник не встретит, вероятно, такого количества древностей... Крестьяне продают за несколько копеек древние монеты этих краев. Стены города покрыты мраморными плитами, целыми и разбитыми, с барельефами и надписями, оставленными без внимания или разрушенными. Эти мраморные плиты используют для ступеней перед дверьми домов, или, как в Еникале, они используются для строительства вперемешку с самыми грубыми материалами» (Кларк, 1999. С. 27).

Сам П. Дюбрюкс так описывает одно из своих первых открытий: «Прогуливаясь однажды по морскому берегу в 1S верстах от города в сторону Еникале, я увидел небольшую гробницу и, раскопав ее своей тростью... извлек... маленькое этрусское (так называли тогда сосуды, расписанные в краснофигурном стиле. — В. Г.) блюдечко... В том же месте я нашел чашку красивой формы» (Дюбрюкс, 2010. С. 134). Конечно, специальных знаний у П. Дюбрюкса не было. Тем не менее основу для подобных занятий создавало образование, полученное еще в юношеские годы. В век Просвещения

³ Этот военный орден, обычно дававшийся за 28 лет на службе короне, был учрежден Людовиком XIV в 1693 г., упразднен в годы Великой французской революции и Первой империи, затем восстановлен в 1816 г. Людовиком XVIII.

кто только ни воспитывался на героических образах Древней Греции и Рима, запечатленных Плутархом и другими древними авторами, а искусство и литература были переполнены сюжетами, связанными с античной мифологией и историей.

Все больше входя во вкус, начинающий археолог заручился официальным разрешением от генерал-губернатора Новороссии А. Э. Ришелье на изыскания и раскопки в Керчи. В 1811 г. он начал обследование Золотого кургана, а копая ров возле своего дома за старой таможней, наткнулся на фундамент «сложенной из обтесанных камней» оборонительной стены Пантикапея толщиной около 2,2 м (*Тункина*, 2010. С. 33, 288). По-видимому, для П. Дюбрюкса, как и для многих его современников, и гора в центре Керчи, носящая имя царя Митридата VI Евпатора, непримиримого врага Рима, и разбросанные повсюду античные руины — все это было окутано романтическим ореолом. Именно с таким настроением посетил эти места 15 августа 1820 г. Александр Пушкин, следовавший вместе с семьей генерала Н. Н. Раевского с Кавказских минеральных вод в Кишинев: «Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я... Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками». Упоминает он и П. Дюбрюкса как какого-то француза, присланного «из Петербурга для разысканий — но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится» (*Пушкин*, 1937. С. 18)⁴.

Уже в начале своего пребывания в Восточном Крыму «француз» успел заразить своим энтузиазмом в отношении «антиков» феодосийского градоначальника С. М. Броневского, и в 1811 г. они «положили основание» местного музея (*Тункина*, 2010. С. 34). Тогда же П. Дюбрюксу было поручено разыскивать для него в Керчи, Севастополе и на Таманском полуострове мраморы и другие древности, спасенные таким образом от уничтожения. Постепенно его исследования начинают приобретать научный характер с довольно высоким для того времени уровнем фиксации найденного материала: ведется дневник, составляются чертежи открытых объектов, делаются рисунки находок, в том числе и рядовых, в отдельных случаях собирается антропологический материал. С помощью местных жителей коллекция

⁴ Пушкин имел бы больше сведений о П. Дюбрюксе, если бы не отправился в южную ссылку в начале мая 1820 г. Дело в том, что через месяц состоялось собрание объединявшего петербургскую интеллектуальную элиту «Вольного общества любителей российской словесности» (1816–1825). В отчете, опубликованном в «Отечественных записках», неизвестный автор писал, что участники собрания ознакомились с небольшим «музеем редкостей», в котором были «разные глиняные изделия, как-то статуйки Меркурия и царицы Омфалы, слепки с маски, которые римляне ставили на гробницах и за коими женщины, скрываясь, плакали о покойниках, лампы и проч.», и специально отмечалось, что «сии вещи доставлены Обществу членом-корреспондентом его г. де Бруксом, имеющим поручение от правительства на приискание древностей в разрываемых могилах Керчи и Еникуля. В непродолжительном времени напечатается любопытный журнал его с приложением разного рода чертежей» (*Публичное собрание*, 1820. С. 95–96).

древностей смотрителя соляных озер стала быстро увеличиваться, заполняя шкафы в доме и пространство перед ним.

Со временем П. Дюбрюкс нашел понимание у своего соотечественника, новороссийского генерал-губернатора графа де Ланжерона (1763–1831) (рис. 8), который уже на следующий год после своего вступления в должность, а именно в ноябре 1816 г., выделил на раскопки 100 руб. личных средств. Он поручил П. Дюбрюксу заняться «раскапыванием керченских курганов и открытием в них древностей» (Тункина, 2010. С. 34). Дополнительные средства (до 50 руб. в месяц) давала продажа обработанных блоков и бутового камня для нужд строительства в Керчи. Так в жизни скромного археолога-любителя начался «курганый» период, в течение которого были обнаружены некоторые «весьма драгоценные памятники древности» (Скальковский, 1838. С. 263). Эти находки побудили А. Ф. Ланжерона запросить в Министерстве народного просвещения 500 руб. на продолжение исследований, и необходимая сумма была вскоре получена, что стало первым случаем выделения государственных средств на археологические изыскания. Скорее всего, определенную роль тут сыграл интерес к античным памятникам Боспора со стороны будущего императора, великого князя Николая Павловича (1796–1855) (рис. 9), совершавшего образовательную поездку по России и побывавшего в Керчи проездом 1–2 июля 1816 г. Он ознакомился не только с собраниями местных древностей, но и побывал на раскопках П. Дюбрюкса.

Проявленное высочайшее внимание и покровительство А. Ф. Ланжерона способствовали тому, что в июле 1817 г. таврический губернатор А. С. Лавинский официально предписал оказывать П. Дюбрюксу содействие в отыскании древностей «в холмах и древних гробницах в окрестностях и самом городе Керчи, а всем прочим воспретить раскапывать... дабы не могли какие драгоценности быть похищены» (Тункина, 2010. С. 35). Еще больше укрепил позиции керченского археолога визит в сентябре того же года великого князя Михаила Павловича (1798–1849) (рис. 10), который, как и старший брат, отправился в образовательное путешествие по стране в сопровождении генерала И. Ф. Паскевича. Михаил Павлович посетил проводившиеся П. Дюбрюксом раскопки трех курганов и даже спускался в большой склеп, в котором увидел семь непо потревоженных костяков на ложах и на полу. На одном из них сохранилась часть одежды из верблюжьей шерсти, другой был покрыт тканью с золотым шитьем. Затем великий князь открыл своим именем подписной лист на сбор средств для дальнейших работ (Дюбрюкс, 2010. С. 134). Сам он пожертвовал на это 500 руб. и приказал провести раскопки у подножия и на вершине горы Митридат. Не зря про него говорили, что люди, «которые обращались к нему с просьбою в своих трудах... никогда не получали отказа». В результате при участии уроженца Генуи Р. Скасси, керченского чиновника и коммерсанта, были найдены

мраморные фрагменты «торса Эскулапа», «торс Геракла» (рис. 11), статуя сидящей Кибелы (рис. 12), «бюст Юноны без головы» и часть алтаря с барельефом (Тункина, 2010. С. 35–36).

Апрель 1818 г. ознаменовался для П. Дюбрюкса тем, что после рассмотрения его дневника раскопок боспорских некрополей 1816–1817 гг. в Академии наук было высказано пожелание продолжать исследования, но «по более совершенному плану» и «под более надежным руководством, чем ранее» (Тункина, 2010. С. 38). Впрочем, вряд ли он знал об этом, когда 10–11 мая в Керчь приехал сам Александр I в сопровождении большой свиты из генералов М. А. Милорадовича, П. М. Волконского, А. А. Аракчеева, Ф. П. Уварова и принца Гессен-Гомбургского. Император вместе со всеми поднялся на гору Митридат и «восхищался прелестным оттуда видом», а потом заметил: «Жаль только, что эти моря не оживлены торговыми кораблями!» (Санжаровец, 2015а. С. 63). Затем он пожелал осмотреть открытые местным энтузиастом археологии склепы и катакомбы, а также его дом, превратившийся в музей. О том, что предстало перед высочайшим взором, мы можем судить благодаря описанию самого владельца «древлехранилища»: «В нем много золотых вещей, таких как браслеты, ушные серьги, перстни, женские и звериные фигурки и пр., фрагментов мраморных статуй... Много надгробных камней с изона монументах, воздвигнутых в правление боспорских царей... более двухсот медалей (монет. — В. Г.), многие из которых хорошо сохранились и интересны. Кроме только что описанных мной вещей, имеется большое количество склянок вроде слезниц (бальзамариев. — В. Г.) и прочего, терракотовых ваз разных форм и размеров... Один шкаф и две стеклянные витрины заполнены мелкими терракотовыми и гипсовыми статуэтками и бюстами... Маленькую статуэтку из голубого камня, изображающую мумию, покрытую иероглифами, я получил ее от капитана корабля, вернувшегося из Египта, и передал в музей и т. п.» (Дюбрюкс, 2010. С. 290–292). О непосредственном впечатлении от знакомства с П. Дюбрюксом в те дни флигель-адъютант императора А. И. Михайловский-Данилевский (1790–1848) (рис. 13), будущий известный военный историк, вспоминал следующим образом: «...человек сей неучен, то доказывает самое короткое с ним свидание; он по-латыни не знает, об успехах, сделанных в филологии в новейшие времена, и не слышал, и даже по-французски говорит дурно, мало учился... его старания заслуживают благодарность, ибо до него ни один из наших соотечественников не занимался изысканиями таврических древностей...» (Михайловский-Данилевский, 1897. С. 92–96). Император пожаловал П. Дюбрюксу те находки, которые были собраны на казенных землях, и поручил продолжать свое дело. Получил он и официальную награду, отмеченную в послужном формуляре: «перстень, бриллиантами осыпанный» (Тункина, 2010. С. 39). Что представлял собой этот царский подарок для вечно нуждавшегося П. Дюбрюкса в денежном выражении?

Обычная практика подобных награждений предусматривала соответствие стоимости перстня тому положению, которое человек занимал в обществе⁵. Так, в январе 1830 г. статский советник⁶ Н. И. Гнедич получил «за поднесение» перевода «Илиады» бриллиантовый перстень с аметистом за 1198 руб., а надворный советник⁷ М. Н. Загоскин за роман «Юрий Милославский» бриллиантовый перстень с аквамашином за 746 руб. Больше соответствует нашему случаю пожалование есаула⁸ Выровникова «за доставку от уральского казачьего войска Его Императорскому Величеству икры и рыбы» бриллиантового перстня с гранатом за 202 руб. (Зимин, Соколов, 2013. С. 486), т. е. в половину годового жалованья П. Дюбрюкса. Возможно, во исполнение устных пожеланий Александра I в сентябре 1818 г. несколько имевшихся у П. Дюбрюкса ценных находок были отосланы им вдовствующей императрице Марии Федоровне (Дюбрюкс, 2010. С. 151–153).

Весной 1820 г. П. Дюбрюкс посетил Петербург, передав, как уже упоминалось, некоторые свои находки в «музеум древностей» «Вольного общества любителей российской словесности». Тогда же он был принят великим князем Михаилом Павловичем, который не только выделил ему небольшую субсидию на раскопки в размере 500 рублей, но и пожелал получить подробные сведения о памятниках древности на берегах Боспора Киммерийского. Это обстоятельство подтолкнуло исследователя к созданию главного труда его жизни — «Планы и описания остатков и следов древних городов и поселений, бывших некогда на Боспоре Киммерийском, на европейском побережье, от входа в пролив вплоть до и включая гору Опук на Черном море», заложившего основы археологической топографии Керченского полуострова и зафиксировавшего то, что позднее было безвозвратно утрачено. Нередко, положив в карман кусок хлеба и немного табака, он отправлялся пешком вдоль побережья или в глубь полуострова, изучая остатки древних поселений. Критически оценивая свой вклад в науку, археолог-самоучка тем не менее отмечал: «Прежде всего я твердо решил составить чертежи со всей возможной точностью, будучи убежденным, что это станет единственным достоинством моего труда, коль скоро я отнюдь не ученый и могу лишь предоставлять описания почти документальные. Я пользовался веревкой в 20 сажень для измерения расстояний и планшетом с компасом для определения угловых измерений как можно точнее. И я выверял свои планы трижды, дабы со всей возможной точностью описать такие-то развалины как остатки такого-то города или поселения» (Дюбрюкс, 2010. С. 275). Занимался Павел Алексеевич этими изысканиями только в холодное время года,

⁵ Существовала специальная «Табель о назначении подарков по чинам» (Зимин, Соколов, 2013. С. 499, табл. 39).

⁶ V класс по Табели о рангах.

⁷ VII класс по Табели о рангах (= подполковник в пехоте).

⁸ IX класс по Табели о рангах.

с октября по апрель, когда каменные кладки не были покрыты травой. Подлинная страсть звучит в написанных им строках: «...чтобы убедиться в существовании города, от которого почти ничего не осталось на месте, там, где его существование предполагается, необходимо бы самое тщательное обследование, надо изучить, так сказать, каждый камень, каждое возвышение, ибо малейший след может привести к самым интересным и самым удивительным открытиям» (Дюбрюкс, 2010. С. 303).

Одновременно на средства великого князя Михаила Павловича и графа Н. П. Румянцева, пожертвовавшего 3000 руб., П. Дюбрюкс продолжил раскопки «гробниц с земляными насыпями», но почти все они оказались ограбленными (Тункина, 2010. С. 44). Между тем в конце декабря 1820 г. он получил известие о случайном обнаружении склепа с уступчатым перекрытием в кургане, расположенном на западной окраине Керчи, недалеко от дороги на Феодосию, но не нашел времени осмотреть его. Добывавшие здесь камень матросы забрали оставшийся в склепе инвентарь богатого погребения и передали все своему командиру. Это был человек, фамилией которого и стал называться впоследствии курган — участник Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., капитан-лейтенант (в конце карьеры контр-адмирал) Н. Ю. Патиниоти⁹ (ок. 1775–1838) (Гарский, 1902. С. 368–369). В 1820 г. по распоряжению командующего Черноморским флотом он был назначен командиром транспортной флотилии из 12 судов для перевозки провианта в мингрельские и крымские магазины (склады. — В. Г.) под началом графа А. Ф. Ланжерона. К нему в Одессу и отправили основную часть находок, среди которых были изготовленные из золота массивная гривна с львиными головками на концах, два браслета, небольшая «статуйка» скифа с ритонном в руке и множество нашивных бляшек; бронзовые котлы с бараньими костями и наконечники стрел, а также гераклеяская амфора с английским клеймом на горле. Кое-что из вещей, украденных матросами, П. Дюбрюксу позднее удалось собрать и переслать Н. П. Румянцеву.

В октябре 1821 г. развитие Керчи пошло более быстрыми темпами благодаря учреждению здесь градоначальства, торгового порта и карантина. С этого времени городу начали придавать особое значение в административном и торговом отношении. Соответственно градоначальник назначался непосредственно императором по представлению Министерства внутренних дел, как правило, из старших и высших офицеров или чиновников высокого ранга. Облик Керчи начал стремительно меняться: уже при первом градоначальнике, полковнике Е. И. фон Дене (1822–1823), дороги и улицы были выровнены, посыпаны песком, а вдоль проезжей части проложены канавки. Уже на следующий год после его отставки был учрежден штат

⁹ Именно так, а не Патиниоти, как это утвердилось в отечественной археологической литературе. Данный факт вскользь уже отмечался И. В. Тункиной (2010. С. 46).

полиции, затем учреждается должность городского архитектора, строится новый карантин (*Санжаровец*, 2015б. С. 91).

В начале 1820-х гг. многие просвещенные люди, осевшие в Новороссии, выдвигают идею создания здесь новых археологических музеев с постоянным финансированием (Р. Скасси и др.). Тогда же предлагается обширная программа изучения классических древностей юга России, предусматривавшая создание сводов письменных и археологических источников, проведение научных раскопок, составление планов археологических памятников, меры по их консервации и охране. Автором этой программы стал полковник Иван Алексеевич Стемпковский (1789–1832) (рис. 14), в прошлом участник боевых действий против кавказских горцев и заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Долгое время он пребывал во Франции в составе оккупационного корпуса, используя эти годы для пополнения собственного образования. Дружба с известным археологом Д. Рауль-Рошеттом (1790–1854) (рис. 15) открыла ему дорогу в Парижскую академию надписей и словесности, членом-корреспондентом которой он позднее был избран. Молодой офицер был искренне убежден в необходимости углубленного археологического изучения Южной России и организации с данной целью специального общества. Оставив военную службу, И. А. Стемпковский поселился в Одессе и вплотную занялся археологией. Сначала П. Дюбрюкс переписывался с ним, сообщая о новых эпиграфических и нумизматических находках, а затем со съемки плана Мирмекия и разведок у Павловской батареи в 1820 г. началась их совместная работа. Позднее, отдавая дань памяти И. А. Стемпковского, Дюбрюкс проникновенно вспоминал своего искренне любимого друга как «человека благодетельного без хвастовства» и «ученого без тщеславия» (*Жиль*, 1854. С. XIV).

Вскоре идеи Р. Скасси и И. А. Стемпковского о создании музеев на юге России, в частности в Одессе и Керчи, получили поддержку со стороны новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова (1782–1856) (рис. 16). 1 апреля 1825 г. он представил соответствующий доклад на имя Александра I и получил с его стороны полное одобрение. В этих целях были использованы 10 тысяч руб., отпущенные ранее на охрану и реставрацию крымских древностей. Дело пошло очень быстро. Уже 9 августа 1825 г. был открыт музей в Одессе, а менее чем через год в Керчи. Директором обоих музеев был назначен И. П. Бларамберг (1772–1831) (рис. 17), еще один иностранец на русской службе, которому покровительствовал М. С. Воронцов. Уроженец Фландрии, он попал в Россию, как и Дюбрюкс, в 1797 г. Не имея специального образования в области классической археологии и филологии, И. П. Бларамберг приобрел определенный авторитет в ученых кругах посредством изысканий в области нумизматики и исторической географии. В Керчи он тесно сотрудничал с П. Дюбрюксом, передавшим местному музею собранные им античные древности в виде безвозмездного дара. Единствен-

ная выгода, которую фактический основатель музея извлек из своего поступка, — это поступавшая до 1833 г. арендная плата в размере 400 руб. в год за комнату в его собственном доме, где на первых порах размещались экспонаты.

В 1826–1827 гг. П. Дюбрюкс вместе с И. П. Бларамбергом занимался раскопками пантикапейских курганов и обследованием остатков древних городов и поселений Керченского полуострова (*Тункина*, 2010. С. 52–55). Наиболее плодотворный этап его жизни начался с назначением И. А. Стемпковского на пост керчь-еникальского градоначальника (1828–1832), который много сделал для вверенного ему города: благодаря ежегодным 50-тысячным субсидиям ведутся большие строительные работы, появляется уездное училище, возводятся храмы, создается большой общественный сад.

Сразу после переезда в Керчь И. А. Стемпковский пожелал ознакомиться с результатами разведок П. Дюбрюкса на территории Восточного Крыма. К тому времени неутомимый француз в своих археологических прогулках обследовал побережье Керченского полуострова от Еникальского маяка до горы Опук и начал снимать планы ряда уже известных и обнаруженных им археологических памятников. Так появились постоянно уточнявшиеся планы Пантикапея, Мирмекия, Нимфея, Китея и Киммерика. В одном случае П. Дюбрюкс отделился от береговой полосы и основательно обследовал на землях губернского секретаря Федора Падалки к западу от Чурубашского озера руины древнего поселения под татарским названием Кермечик¹⁰. Тогда было впервые нанесено на план городище, отождествленное впоследствии с боспорским городом, носившим название Илурад, упомянутое в «Географии» Клавдия Птолемея. Исходя из собственного понимания сведений античных авторов, И. П. Бларамберг локализовал здесь другой город — Тиритаку. В воображении же П. Дюбрюкса эти руины связывались с бурными событиями конца IV в. до н. э., описанными Диодором Сицилийским, когда на Боспоре шла борьба за власть между сыновьями царя Перисада I (*Diod. XX*, 20–23). Ему представлялось, что именно здесь находилась крепость царя племени фатеев Арифарна, поддержавшего одного из претендентов, или, на худой конец, загородный дворец боспорских царей, что не исключали и другие исследователи. В конце жизни он вспоминал: «Когда в 1828 г. вместе с покойным г-ном Стемпковским... мы дошли до северной башни, и, осматривая внимательно местность, он сказал: “Вот что напоминает дворец царей Боспора”» (*Дюбрюкс*, 2010. С. 310). Конечно, сейчас такие суждения представляются надуманными, но безусловной заслугой П. Дюбрюкса является тщательная, добросовестная фиксация и описание прекрасно сохранившихся оборонительных сооружений древнего города и прочих строительных

¹⁰ Известны и другие варианты этого названия, например Кермеш-Келечик или Кермеджик. В наши дни близ городища расположена современная дер. Ивановка (в 17 км к юго-западу от Керчи).

остатков, в том числе и на прилегающей территории. В деталях, с приложением подробного описания, последний план городища был завершён не позднее 1833 г. (рис. 18). Как проклятый, Дюбрюкс возвращался сюда раз за разом, надеясь подметить что-то новое. Иногда это приносило свои плоды. При описании развалин построек на территории городища Дюбрюкс писал: «Большая засуха последних двух лет настолько обнажила все остатки этих внутренних сооружений, что можно было снять очень точные планы всех улиц, очень узких, но проложенных по струнке. Побывав здесь в прошлом сентябре месяце, чтобы еще раз выверить свою работу... я снял [план] нескольких улиц и формирующих их строений, расположенных ближе всего к воротам и стоявших на некоторых уличных перекрестках. Большинство этих строений имеет одно большое помещение (очевидно, имелся в виду двор. — *В. Г.*) и несколько маленьких каморок, предназначенных для спален. Уникальная форма зданий этого поселения обязывала меня также показать на плане некоторые из них» (*Дюбрюкс*, 2010. С. 308). Относительно неоднократных визитов сюда П. Дюбрюкса, вспоминается давний эпизод из экспедиционной жизни в Илурате, когда местный мальчишка принес на раскоп луидор с профилем Людовика XVI, якобы найденный на холме возле Ивановки. Быть может, эта монета когда-то принадлежала керченскому французу?

В 1830 г. П. Дюбрюкс сыграл большую роль в открытии всемирно известного погребения скифского царя в кургане Куль-оба. Этот эпизод в истории боспорской археологии достаточно подробно описан рядом отечественных авторов¹¹, в том числе и с публикацией всех архивных материалов¹², что избавляет от необходимости его рассмотрения. Заслуги П. Дюбрюкса не были по достоинству оценены современниками. Кроме того, часто он оказывался в тени более предприимчивых людей. И. П. Бларамберг бессовестно обокрал его, выдав в Петербурге снятые П. Дюбрюксом планы целиком за свои и получив за это производство в чин действительного статского советника (IV класс по Табели о рангах = чину генерал-майора). В случае с Куль-Обой молодой и бойкий на язык канцелярский чиновник IX класса Д. В. Карейша (1808–1878), которому поручили доставить в Петербург найденное золото, представил дело таким образом, что большая часть вещей была найдена им самим. Он же передал в «Одесский вестник» первое известие о сенсационных находках. Сокровища, доставленные из Керчи, произвели на Николая I такое впечатление, что он, недолго думая, пожаловал «самозванцу» бриллиантовый перстень с гранатом стоимостью 496 рублей¹³

¹¹ Брашинский, 1979. С. 38–60; Власова, 2000. С. 27–33; 2006. С. 47–53; Тункина, 2010. С. 57–63.

¹² Дюбрюкс, 2010. С. 178–222.

¹³ Такой подарок был сделан явно не по чину (полагался лицам не менее V класса по Табели о рангах), а, как тогда говорили, «по заслугам» (*Зимин, Соколов*, 2013. С. 499).

«за труды, понесенные при разыскании древностей и зв усердие по сему предмету» (Тункина, 2002. С. 163). Две тысячи ассигнациями Д. В. Карейша получил на дальнейшие раскопки в окрестностях Керчи в поисках ценных экспонатов для Императорского Эрмитажа (рис. 19). Этим на регулярно выделяемые средства Министерства императорского двора он и занимался, обретая чины и награды, вплоть до 1852 г. Кстати, чин коллежского асессора (VIII класс), которого так и не дождался П. Дюбрюкс, он получил в возрасте 25 лет.

Тогда же П. Дюбрюкса обошел еще один молодой человек — чиновник для особых поручений при керчь-еникальском градоначальнике А. Б. Ашик (1801–1854), назначенный после смерти И. П. Бларамберга директором Керченского музея с окладом 1500 руб. серебром в год. Он также регулярно стал получать деньги от правительства на пополнение коллекций и проведение раскопок, которые должны были обогатить Императорский Эрмитаж. Только в 1832 г. последовала запоздалая оценка открытий П. Дюбрюкса: Николай I повелел передать ему за представленное описание Куль-Обы и ряда других памятников бриллиантовый перстень с аметистом стоимостью 500 руб. (Тункина, 2002. С. 170). Этот перстень вручил ему И. А. Стемповский, который в том же году скончался и был погребен согласно завещанию на вершине горы Митридат, где его могилу увенчала в 1834–1835 гг. напоминающая античный храм часовня высотой около девяти метров (рис. 20).

Материальное положение П. Дюбрюкса постепенно ухудшалось. В 1833 г. с завершением строительства нового здания музея древностей (т. н. Тезейона) в дорическом ордере он лишился ежегодной арендной платы за размещение коллекций в своем доме. К тому же, несмотря на выдающиеся археологические открытия, в отношении научного признания П. Дюбрюксу фатально не везло. Маститые ученые обычно свысока относились к его деятельности и изложенным на бумаге результатам исследований. Ведь этот человек не обладал изящным слогом и не ссылался по любому поводу на античных авторов. Ни одна из его работ, направленных по совету И. А. Стемповского на имя президента парижской Академии надписей, так и не получила никакого отклика. В России если они и были, то далеко не положительного свойства. Так, А. Н. Оленин (1763–1843) (рис. 21), президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки, «тысячеискусник», как его называл Александр I, писал в своем отзыве: «Описание г. Дю-Брюкса... весьма сбивчивое и планы его и разрезы весьма неисправные... Жаль, что навык г. Дю-Брюкса находить и открывать древние гробницы не отвечает его познаниям, не токмо в археологии, но даже в природном его языке. Тому причиною, что он подобными делами токмо случайно занимался...» (Тункина, 2002. С. 168). В другой рецензии Оленин посчитал необходимым «вывести обстоятельное заключение о бесполезности труда г-на Дюбрюкса...

приложенные... планы развалин очень дурны; ...если добавить, что г-н Дюбрюкс пишет дурным слогом, даже с разными ошибками противу правописания, то при всей скромности нельзя не сказать, что этот труд г. Дюбрюкса не стоит печати, и что подносить Его величеству подобные вещи едва ли можно счесть приличным» (Тункина, 2002. С. 171). Оленину вторил такой авторитетный специалист, занимавший должность хранителя Императорского кабинета гемм и медалей, как академик Г. К. Кёлер (1765–1838): «...исторические и топографические его замечания о местоположении разных мест в Крыме несправедливы и без пользы. Впрочем, темный слог его сочинения и обстоятельность одного причиняют великие затруднения в понятии одного» (Тункина, 2002. С. 168, 170).

Несмотря на негативные отзывы, П. Дюбрюкс продолжал работать над совершенствованием своих планов и рукописей. Самая поздняя из них, направленная на высочайшее имя, датируется 1834 г. Тем не менее денег на продолжение исследований не выделили. Слабым утешением был только еще один бриллиантовый перстень, пожалованный великим князем Михаилом Павловичем. Впрочем, эта награда не спасла Павла Алексеевича от смерти в обстановке полной нищеты. Незадолго до своей кончины (13 августа 1835 г.) он писал: «С начала февраля у меня нет огня в комнате; случается часто, что по два, по три и по четыре дня сряду я не знаю другой пищи, кроме куса дурного хлеба. Давно уже отказался я от моей бедной чашки кофе без сахару, которую пил я по утрам. Солдатский табак покупаю я тогда, когда у меня есть лишние две копейки» (Тетбу де Мариньи, 1848. С. 231). Похоронили Дюбрюкса на вершине горы Митридат, там же, где упокоился умерший от чахотки его друг И. А. Стемпковский. К сожалению, это архитектурное сооружение, несомненно украшавшее город, пострадало в 1944 г. при строительстве обелиска Славы и было окончательно разрушено в начале 1950-х гг.

Что касается рукописей Дюбрюкса, то при жизни они так и не были опубликованы. Лишь в 1841 г. Одесское общество истории и древностей приобрело «Описание остатков и следов древних городов и поселений...» на французском языке за 60 рублей серебром у подпоручика Подольского егерского полка Александра Павловича Дюбрюкса, старшего сына археолога. К сожалению, там отсутствовали планы городищ и чертежи, что значительно снизило ценность последующего издания перевода, сделанного внуком исследователя, А. Г. Дюбрюксом, в «Записках Одесского общества истории и древностей» (1858).

В полной мере наследие «отца боспорской археологии» получило признание только в XX в., когда начались планомерные исследования тех античных городов, где он первым побывал с научными целями и отметил немало тех существенных подробностей, которые исчезли с лица земли вследствие интенсивного разрушения археологических памятников. По-настоящему

достойной данью памяти П. Дюбрюкса, так много сделавшего для своей «любимой родины», как он в конце жизни стал называть Россию (*Гавинье и др.*, 2010. С. 109), стало изданное к 240-й годовщине со дня его рождения иллюстрированное издание всех опубликованных и неопубликованных его статей, заметок, писем, рисунков, планов и рукописей с обширными комментариями специалистов-археологов.

В. А. Горончаровский (ИИМК РАН)

1.2. КЕРЧЕНСКИЕ АРХЕОЛОГИ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Крымская (Восточная) война (1853–1856) сыграла очень важную роль в истории нашего отечества, и этот факт невозможно оспаривать. Другое дело, что не все боевые операции той войны исследованы специалистами в должной степени. О событиях, связанных с захватом Керчи неприятелем в мае 1855 г., в общедоступных исторических изданиях сказано не очень много, что и неудивительно, поскольку для России керченская операция оказалась абсолютно бесславной. Неудивительно, что Н. В. Быковская назвала этот эпизод «неизвестной войной» (*Быковская*, 2015. С. 29–46). По сути такое определение верно, хотя с формальным отношением не вполне адекватно, поскольку речь идет не о войне, а о «неизвестной» кампании очень хорошо известной войны. Еще меньше мы знаем о делах керченских археологов в эти суровые годы. В своей статье я постараюсь осветить их деятельность на фоне разразившихся тогда военных действий. Особое внимание при этом будет уделено не самим этим действиям, а их влиянию на поведение людей, скорее даже наоборот — поведению людей, очутившихся в непривычных для себя, экстремальных условиях. По такой причине совсем не второстепенное значение приобретают вопросы о том, что же тогда требовало от археологов петербургское начальство, насколько эти требования были разумны, как они исполнялись и т. п. Напомню, что за археологические исследования в Российской империи тогда отвечал министр уделов, граф Л. А. Перовский (рис. 22) (о нем см.: *Майков*, 1902. С. 541–550; *Петрова*, 1997. С. 190–191; *Тункина*, 2002. С. 252–255), а главными действующими лицами были археологи — директор Керченского музея древностей А. Е. Люценко (рис. 23; 24) (о нем см.: *Лазенкова*, 2001а. С. 97–107; 2001б. С. 287–292; 2003. С. 23–29; *Тункина*, 2002. С. 303–304, прим. 140; *Зуев*, 2007. С. 8–13) и его помощник К. Р. Бегичев (рис. 25) (*Виноградов*, 2016. С. 82–91).

Еще раз отмечу, что об обстоятельствах захвата Керчи десантом неприятеля 25 мая 1855 г. мы знаем не очень много, хотя в специальных изданиях, особенно в тех, которые увидели свет до Октябрьской революции 1917 г.,

эти события описаны достаточно подробно (*Богданович*, 1876а. С. 318–326; *Дубровин*, 1900в. С. 143–177). В археологической литературе, однако, лишь К. К. Гёрц уделил им несколько страниц (*Гёрц*, 1898. С. 139–143), но он писал, так сказать, почти по горячим следам. А вот большинство современных археологов, профессионально изучающих боспорские древности, по всей видимости, без труда вспомнят всего один факт, связанный с захватом города, — это разорение Керченского музея древностей (*Марти*, 1926. С. 21–23; *Тункина*, 2002. С. 305), хотя в этом вопросе, на мой взгляд, остается много неясностей.

Керченские археологи в начальной войне

Начало войны (Синопская баталия и боевые действия на Дунайском и Кавказском театрах) не оказало особенного воздействия на положение дел на берегах Керченского пролива. Война грохотала где-то далеко, и о ее последствиях простые люди, скорее всего, задумывались мало. Археологи продолжали заниматься своим привычным трудом. К примеру, с 9 ноября 1853 г. по 1 января 1854 г. велись довольно масштабные раскопки знаменитого в боспорской археологии Золотого кургана (НА ИИМК, ф. 9, д. 40, л. 76–79). Именно во время войны (1853–1854) под руководством А. Е. Люценко в насыпи кургана был обнаружен ограбленный четырехугольный склеп с уступчатым перекрытием и ведущим к нему дромосом. Его размеры составляли 27,30 кв. м (т. е. значительно больше, чем в Царском кургане!), высота — около 5 м (см.: *Гайдукевич*, 1981. С. 17). Дромос, также имевший уступчатое перекрытие, был пристроен к восточной стене склепа, при этом прохода из него в погребальную камеру не было сделано. Это открытие имеет очень важное значение для понимания Золотого кургана как усыпальницы сыновей боспорского царя Перисада I — Сатира, Притана и Евмела (*Виноградов*, 2007; 2010).

Несмотря на территориальную удаленность театра военных действий от Керченского пролива, у археологов уже в то время возникли опасения относительно возможности вражеского нападения на Керчь и, соответственно, угрозы для древностей, хранившихся в Керченском музее. Из письма А. Е. Люценко, направленного Л. А. Перовскому 6 апреля 1854 г., известно, что тот 23 февраля этого года дал предписание, чтобы в случае необходимости все заслуживающие внимания древние вещи, хранящиеся в Керченском музее, были надлежащим образом упакованы и вывезены из Керчи (НА ИИМК, ф. 9, д. 40, л. 118). Керчь-еникальский градоначальник при этом объявил, «что в случае помянутой необходимости, все таковые вещи будут отправлены на пароходе в один из портов Азовского моря» (Там же).

Всего через несколько дней, 24 апреля 1854 г., К. Р. Бегичев докладывал министру уделов (Там же, л. 137–138): «По распоряжению г. градоначальника древние вещи, отобранные согласно секретного предписания Вашего Сиятельства от 23 февраля № 289, отправляются сегодня на пакет-ботном пароходе “Таганрог” в г. Бердянск для хранения впредь до востребования в ведомстве Бердянской таможни. В числе отправляемых вещей заключаются почти все наши рисованные вазы; стеклянные, глиняные и другие мелочи, наиболее замечательные и все без исключения золотые вещи. Также <будут вывезены> замечательнейшие из книг библиотеки музеума.

Вчерашний день четыре неприятельских фрегата, из коих два винтовых, показали на высоте Такильского маяка. Один из сих последних в погоне за купеческим судном, шедшим из пролива под греческим флагом, приблизился к проливу, пушечным выстрелом заставил остановиться судно, и по допросе шкипера о числе войск в Керчи и пушек, возвратился назад. На обратном пути, не доходя Такильского маяка, фрегат наткнулся на мель. Фрегат этот был французский. С помощью других <неприятельских кораблей>, через 12 часов (около полуночи) он снялся с мели. На рассвете к ним присоединилось еще шесть пароходов, и вся эскадра заняла линию в расстоянии более удаленном от берега.

Директор музеума г. Люценко выехал третьего дня из Керчи в г. Феодосию и далее, для исполнения возложенного на него Вашим Сиятельством поручения».

Эпизод с французским фрегатом, описанный в этом рапорте, конечно, представляет большой интерес. Вполне очевидно, что уже в апреле 1854 г. положение в Керченском проливе стало весьма опасным, и необходимо было срочно решить «археологический вопрос»¹⁴. К чести властей надо признать, что они своевременно отреагировали на возникшую угрозу. Л. А. Перовский в рапорте на имя Николая I, представленном императору 29 августа, писал (НА ИИМК, ф. 9, д. 40, л. 145): «По всеподданнейшему докладу моему от 16 апреля сего (т. е. 1854. — Ю. В.) года, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть приостановить нынешним летом археологические разыскания в Крыму и Тамани. Полагая ныне, что в течение предстоящей осени можно будет произвести опять некоторые раскопки, осмеливаюсь испрашивать Высочайшего разрешения поручить директору Керченского музеума приступить к разысканиям, которые, по его усмотрению, не потребуют продолжительного времени и могут привести

¹⁴ В качестве примера можно указать, что в 1877 г., в начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., раскопки в Керчи были вообще остановлены, но потом, правда, продолжены вновь (Виноградов, 2012. С. 143). Впрочем, тогда боевые действия развивались очень далеко от границ России, а тут неприятель уже начал совершать вторжения на ее территорию.

к успешным результатам, отложив до другого времени работы большого объема; вместе с сим употребить для сказанных занятий служащего в Таганроге губернского секретаря Мазирова, с причисление его к Керченскому музеуму, ежели не встретится к тому препятствия со стороны нынешнего начальства сего чиновника».

Император дал соответствующее распоряжение о раскопках. Что касается губернского секретаря А. Мазирова, служившего ранее переводчиком в Канцелярии таганрогского военного губернатора, то он был причислен к Керченскому музею «для занятий по предмету археологических разысканий» 26 октября 1854 г. (НА ИИМК, ф. 9, д. 30, л. 47, 57).

К. Р. Бегичеву, однако, и летом пришлось достаточно плотно заняться археологическими вопросами. Об обстоятельствах одного открытия он докладывал Л. А. Перовскому (Там же, л. 142–143; см. также: *Гёри*, 1898. С. 138–139): «В одном из курганов древней Фанагории, лежащих поблизости хутора Чижевского, между берегом Таманского залива и почтовой дорогой — в кургане средней величины, полуразрушенном в прежнее время, черно-рабочий Семеняки, добывая камень, открыл случайно на глубине 2¼ сажён (т. е. 4,80 м. — Ю. В.) от поверхности кургана земляную гробницу, вырытую в насыпи на половине высоты кургана и покрытую небольшими каменными плитами. В гробнице этой, по словам г. Семеняки, кроме частиц гнилого дерева от гроба, не было никаких вещей и самых костей покойника им не замечено. Но сбоку гробницы, с одной стороны оказался скелет лошади и при нём перержавленные железные удила и обломки железного копья; с другой же стороны, в углублении наподобие ниши, вырытом сбоку гробницы, найдены остатки древнего седла, представляющие полуистлевший деревянный ленчик замечательного устройства и формы. Ленчик этот, как открытие оригинальное, ещё не встречавшееся, я имею честь представить при сём Вашему Сиятельству».

Седло в Петербурге было получено, но там распорядились, чтобы были присланы также удила и обломок железного копья (НА ИИМК, ф. 9, д. 30, л. 144). К. Р. Бегичев в письме от 17 августа признался, что эти предметы «по незначительности своей» он оставил на месте раскопок. Желая исправить такое упущение, Кирилл Родионович отправился в Сенную, но эта поездка оказалась крайне неудачной (Там же, л. 146): «<...> я отправился на станцию Сенную для отыскания требуемых предметов; но, по несчастию, накануне моего туда приезда шёл сильный дождь — яма, в которой открыта гробница, была наполнена грязью, и я едва мог отыскать только некоторые весьма мелкие части копья и *медных пряжек от узды*. Потому в благоприятное время я непременно разыскать снова остальные кусочки копья и упомянутые мною удила и буду иметь честь представить Вашему Сиятельству всё вместе с глиняными предметами, открытыми мною <в> последнее время в Керчи, с которых я оканчиваю теперь рисунки».

Важное археологическое открытие, сделанное в ноябре 1854 г.

Между тем лето 1854 г. миновало, и уже 3 сентября Л. А. Перовский направил А. Е. Люценко письмо следующего содержания (НА ИИМК, ф. 9, д. 30, л. 147): «По случаю настоящих обстоятельств остановлены были летом сего года археологические разыскания в Крыму и Тамани. Но так как ныне, в течение предстоящей осени можно будет опять произвести некоторые раскопки, то Государь Император, по всеподданнейшему моему о сём докладу, разрешить соизволил приступить вновь к разысканиям. На сём основании поручаю Вам начать производить раскопки, которые, по усмотрению Вашему, не потребуют продолжительного времени; работы же большего объёма, которые не могут быть приведены к совершенному окончанию в короткое время, отложить до другого времени, дабы предпринятых ныне раскопок никак не оставлять не оконченными до будущей весны.

О работах, к которым Вы приступите, имеете Вы мне донести».

А. Е. Люценко в ответ на это послание писал, что к раскопкам приступил как раз 3 сентября «с западной стороны террасы, окружающей гору Митридат, где есть ещё места не вполне расследованные и где в отсутствие моё производимы были уже работы помощником моим. По сим причинам систематическое расследование курганов с левой стороны Карантинной дороги, предположенное в сём году, отложено до будущего года» (Там же, л. 155). Раскопки осени 1854 г. на горе Митридат привели к очень хорошему результату. Директор Керченского музея сообщал о них в Петербург Л. А. Перовскому подробным рапортом, который стоит привести полностью (Там же, л. 163–166): «Имею счастье донести Вашему Сиятельству о новом открытии, сделанном мною 20-го числа сего месяца (ноября. — Ю. В.), в день Празднования Восшествия на престол Его Императорского Величества.

Продолжая расследовать оставшиеся ещё не расследованными части насыпей и курганов, лежащих на северной покатости Митридатовой горы <...>, я начал раскопку одного небольшого кургана, находящегося поблизости так называемого Скалистого кургана, возле северной дороги, идущей над Татарской слободкой, который хотя и был уже раскопан по середине в прежнее время Ашиком, но представлял ещё значительные боковые части нетронутыми.

Сделав первый разрез у самой подошвы с западной стороны кургана, я открыл на материке следы отёсков мягкого камня, идущих к середине кургана. После чего, следя по матерiku за отёсками, я в несколько перевалов достиг до центра кургана, где у самого разреза, сделанного Ашиком, но только на аршин глубже, обнаружилась довольно большая каменная гробница, устроенная в материке на глубине полуторы сажени от поверхности кургана, покрытая четырьмя толстыми каменными плитами.

Гробница оказалась совершенно не тронутаю. Плиты, ея покрывавшие, лежали в порядке, плотно одна возле другой; две средние из них от давления насыпи были надломаны и выгнулись несколько внутрь. Длина плит была $2 \frac{1}{2}$ аршина, ширина до $1 \frac{1}{4}$ арш., толщина около $\frac{1}{2}$ арш. По снятию плит представилась гробница обыкновенного устройства, но более значительных размеров, сложенная из плит керченского камня, тщательно отёсанных. Длина гробницы внутри $3 \frac{1}{4}$ ар., ширина и глубина до 2-х ар. Внутри гробницы стоял деревянный гроб в виде простороннего ящика без дна и крышки, величиною почти во всю гробницу. Он не имел никаких наружных украшений, но отличался большою правильностью и чистотою отделки. Доски гроба, кипарисовые, полированные, сохранились, можно сказать, весьма хорошо и были вынуты из гробницы, за исключением немногих, почти в целости. Поперечные стенки гроба были выведены кверху, на подобие фронтона, вероятно, для утверждения покрывки, которая, как кажется, была деревянная, драпированная толстой, сетчатообразной тканью, остатки которой уцелели на одной из досок, обвалившихся внутрь гроба. В глубине гроба, на каменном помосте гробницы, покрытом местами истлевшею тканью и разным мусором, образовавшемся от времени, лежал скелет женщины, по-видимому, молодых лет, обращённый головой на восток. Возле скелета не было заметно никаких сосудов, а также никаких особенных украшений. Можно было подумать, что гробница была совершенно бедна.

По очистке праха покойницы от покрывавшего его мусора, оказалось: возле ног с левой стороны плетённая из пеньки круглая коробка, совершенно истлевшая, бронзовый стержень с продолговатою головкою на одном конце, перержавленный, и в обломках небольшой деревянный гребень простой работы и остатки веретена пальмового дерева с узором, также в обломках. В противоположном углу гробницы, с правой стороны, возле головы покойницы были: другая такая же коробочка, плетённая из пеньки, но несколько побольше первой, в которой находилось до десяти бронзовых головных шпилек, сделанных из проволоки в виде змеек, из коих некоторые сохранились; остатки коробочки, сделанной из тонкой древесной коры тёмного цвета с узором, покрытым голубою краскою, совершенно истлевшие; обломки алебастриды и куски шерстяной ткани фиолетового цвета. Кроме того, во многих местах на дне гробницы попадались куски толстой дубовой коры, на которой, вероятно, покоилась погребённая. Затем, перейдя к самому скелету, в ушах его были особенного устройства серьги массивного золота в виде завитков с пирамидальными оконечностями, украшенные филигранною работою. На шее превосходное золотое ожерелье филигранной работы, состоящее из розетки с подвесками и других розеток с эмалью в виде незабудок с подвешенными к ним головками Пана или Силеня; также множество золотых бус, гладких и узорчатых. На руках, возле локтей, два серебряные с львиными золотыми головками по концам браслета художественной от-

делки. На пальцах левой руки два золотые перстня, один филигранной работы с изображением сидящей женской фигуры, сделанной рельефно, другой гладкий с вырезанною на нём фигурою сидящего на курульном кресле воина со стрелой в руках, луком у ног и подписью в поле с одной стороны: ΑΘΗΝΑΔΗΣ. Фигура воина, костюмированная особенным образом, отличается необыкновенною рельефностию и тщательностию отделки всех подробностей, показывающих высокое искусство древних в резьбе. Подобные перстни, сколько известно, составляют замечательное явление, весьма редкое в пантикапейских гробницах. Наконец, возле той же руки отыскана овальной формы плоская монета из горного хрусталя с вырезанным на ней грифоном.

Все эти вещи я спешу предоставить Вашему Сиятельству при особой у сего описи, уложенные в небольшом ящичке, докладывая при том, что по внимательному рассмотрению прочих курганов, разрытых в этих местностях большею частию Ашиком, мною будет приступлено по возможности теперь же к правильной, систематической их раскопке и о последующих донести Вашему Сиятельству».

Суммируя информацию, содержащуюся в рапорте, следует сказать, что А. Е. Люценко удалось открыть весьма любопытный археологический памятник (онём см.: *Уильмс, Огден*, 1995. С. 152–158; *Kalashnik*, 2007. Р. 147–151). На страницах научной литературы это погребение датировалось по-разному — последняя четверть V в. до н. э. (*Силантьева*, 1976. С. 127), вторая половина IV в. до н. э. (*Сокольский*, 1969. С. 41), IV–III вв. до н. э. (*Сокольский*, 1971. С. 139), но, как оказалось, все найденные здесь вещи укладываются в хронологические рамки 400–380 гг. до н. э. (*Уильмс, Огден*, 1995. С. 152–158). Погребение, соответственно, можно относить к концу первой четверти IV в. до н. э.

О размерах кургана, расположенного на северной покатости горы Митридат, А. Е. Люценко информации не привёл, но отметил, что тот уже раскапывался А. Б. Ашиком. Гробница была обнаружена на глубине один аршин (т. е. около 0,70 м) от уровня более раннего раскопа. Она была построена из камня; размеры сооружения составляли 2,30 × 1,40 м, глубина — около 1,40 м. Перекрытие состояло из каменных плит (1,80 × 0,90 м). Погребение, к счастью, не было ограблено и хорошо сохранилось. Гробница явно принадлежала женщине, покоившейся в деревянном саркофаге. Об этом саркофаге трудно сказать что-либо определённое (*Сокольский*, 1969. С. 41–42, № 38), но сам факт его наличия свидетельствует о высоком социальном статусе погребённой. В составе сопровождающего инвентаря представлен набор прекрасных ювелирных изделий, а также несколько неплохо сохранившихся деревянных предметов, что само по себе чрезвычайно ценно для нас. Деревянный гребень относится к категории находок, известных в боспорских курганах IV в. до н. э. (*Сокольский*, 1971. С. 139), то же самое можно сказать о веретене (*Сокольский*,

1971. С. 219) и коробочках, коих было три-две плетёные и одна, сделанная из «тонкой древесной коры» (Сокольский, 1971. С. 253).

О драгоценных украшениях следует сказать особо. В их составе имеется паразолотых спиралевидных серег (Силантьева, 1976. С. 126, рис. 3, б; Уильямс, Огден, 1995. С. 152, № 93), золотое ожерелье с подвесками (Уильямс, Огден, 1995. С. 152–155, № 94; Kalshnik, 2007. Р. 150–151, N. 57), золотое ожерелье из гладких гранулированных бусин (Уильямс, Огден, 1995. С. 156, № 95), два серебряных браслета, украшенных золотыми львиными головками на концах (Уильямс, Огден, 1995. С. 156–157, № 96; Kalshnik, 2007. Р. 148–149, N. 56) и два золотых перстня. На одном из перстней представлена сидящая фигура женщины, как принято считать, Пенелопы (Уильямс, Огден, 1995. С. 158, № 98; Kalshnik, 2007. Р. 147, N. 54); другой, на котором имеется подпись мастера Афинада, является подлинным шедевром греческого ювелирного искусства, на нем изображена фигура сидящего перса со стрелой в руках (см.: Максимова, 1955. С. 440–441, табл. I, 3; 1956. С. 193, рис. 3; Неверов, 1986. С. 19, 145, табл. 2, 4; Уильямс, Огден, 1995. С. 158, № 97; Boardman, 1970. Р. 220, pl. 681; Kalshnik, 2007. Р. 148, N. 55).

Необходимо признать, что пантикапейская гробница 1854 г. имеет важное значение для изучения элитарной культуры Боспора при ранних Спартокидах. По составу находок ее можно сопоставить с кремацией конца V — начала IV в. до н. э., открытой на Темир-Горе в 1869 г. (Яковенко, 1977; Виноградов, 2017. С. 167–168).

Золотые предметы, найденные в Керчи в 1854 г., были доставлены в Петербург и представлены Николаю I. На монарха они произвели очень хорошее впечатление; он при этом отметил, «что при нынешних обстоятельствах в Крыму трудно было ожидать столь значительных открытий», и повелел объявить благодарность А. Е. Люценко (НА ИИМК, ф. 9, д. 30, л. 171). Вещи, естественно, сразу были переданы в Императорский Эрмитаж.

Война в Крыму

Археологическое открытие, о котором речь шла выше, было сделано тогда, когда военная ситуация кардинальным образом изменилась, — в сентябре 1854 г. неприятельские войска высадились в Крыму под Евпаторией (Тарле, 2005. С. 45), а затем осадили главную базу Черноморского флота — город Севастополь. Казалось бы, в такой ситуации было вообще не до археологических раскопок на Боспоре, поскольку крупная вражеская армия и огромный флот находились совсем недалеко.

Военное положение действительно была чрезвычайно серьезным. Дело в том, что Керчь в середине XIX в. не имела никаких укреплений, но руководство русскими войсками тешило себя надеждой, что тяжелые неприятельские корабли не сумеют войти в мелководный Керченский пролив, а значит,

не появятся и в Азовском море, что, по понятным причинам, угрожало бы снабжению армии продуктами питания, которое осуществлялось через тамошние порты (см.: *Зайончковский*, 1908. С. 711–712; *Быковская*, 2015. С. 29–30).

Первые неприятельские корабли, как уже частично говорилось, появились перед входом в пролив еще 26 апреля (8 мая) 1854 г., и один из них даже дошел до Камыш-Буруна. Отражать это нападение, по существу, было нечем — в Керчи для этого просто не было пушек (*Дубровин*, 1900а. С. 103).

Надо было принимать срочные меры, и они были приняты. Орудия в Керчь были доставлены из Ростова-на-Дону, но без лафетов. Иными словами, они были непригодны для стрельбы, правда, наши специалисты сделали необходимые чертежи, и местные умельцы изготовили эти лафеты (*Дубровин*, 1900а. С. 108). Теперь пушки можно было установить на батареи, но не все было так просто. Имелась и другая беда — в городе не было профессиональных артиллеристов. Орудийные расчеты пришлось формировать на месте из числа казаков и карантинной стражи. Новых артиллеристов следовало обучить стрельбе, что и было начато, но тут опасения стал вызывать большой расход зарядов и пороха, их надо было всячески экономить (*Дубровин*, 1900а. С. 110). Как тут можно было подготовить хороших артиллеристов, трудно сказать. Складывается впечатление, что начальство прежде всего думало о том, чтобы на складах сохранилось побольше снарядов, но эта забота, как показало время, была напрасной — их пришлось взорвать после высадки десанта вражеской коалиции, но об этом будет сказано ниже.

Несмотря на все недочеты, артиллерийские батареи худо-бедно были созданы, и их было 6: Павловская (на Павловском мысу), Николаевская (на Ак-Бурунском мысу), Городская (непосредственно в Керчи), Георгиевская (на Карантинном мысу, т. е. на Мирмекийском городище), Еникальская (в самом узком месте пролива) и напротив нее — батарея на косе Чушка. Батареи, конечно, не гарантировали отражения вражеского флота в случае его вторжения (*Дубровин*, 1900а. С. 148). Вооружение их было весьма слабым, к тому же все они, по существу, были открыты с тыла (*Богданович*, 1876. С. 319), что очевидно само по себе.

По этой причине еще в 1854 г. было принято решение о заграждении Керченского пролива. Сначала попытались устроить бон из бревен и железных цепей у Павловского мыса, но шторм разметал его (*Дубровин*, 1900в. С. 146). Тогда, как и в Севастополе, решили затопить 20 или 30 кораблей. Казенных судов для этого мероприятия было мало, и их пришлось покупать у частных лиц. Благодаря этому к началу июня удалось создать две линии заграждений из 53 затопленных кораблей (у Павловского мыса и у Еникале). Весной 1855 г. здесь дополнительно были установлены мины — по 40 у Павловского мыса и около Еникале, а кроме того, 20 мин поставили на керченском рейде (*Богданович*, 1876. С. 320).

Заграждения оказались не очень надежными, их разрушали течения, а когда случился очередной шторм, то досками от затопленных кораблей были завалены берега пролива, и керченские жители, естественно, их тут же собрали и потом отапливались бесплатной древесиной всю зиму. Злые языки утверждали, что перед погружением из кораблей вытащили все скрепляющие их железные скобы и гвозди, вот корабли и рассыпались (*Дубровин, 1900а. С. 109–110; 1900в. С. 147*). Как видим, военные власти готовились к обороне города, но принятых мер было явно не достаточно. Даже человеку, не сведущему в военном деле, ясно, что береговые батареи были полностью беззащитны с суши, и, по существу, противник на Керченском полуострове вполне мог повторить свой «севастопольский маневр». Сил для его отражения было недостаточно.

Отвечающий за оборону района генерал-майор М. Г. Хомутов, понимая сложность ситуации, считал, что без создания полноценных фортов Керчь с суши защитить невозможно. Тем не менее он признавал, что для отражения неприятеля следует строить береговые батареи. Если же произойдет высадка, то город следует оборонять штыками, а в случае неудачного развития ситуации необходимо отступить к Еникале и защищаться в этой крепости до подхода подкреплений. Николай I в целом одобрил этот план, хотя было понятно, что новых воинских формирований для отправки под Керчь найти не удастся (*Дубровин, 1900в. С. 149–150*).

Возвращаясь непосредственно к событиям, стоит отметить, что в начале декабря 1854 г. два вражеских парохода появились у Такильского маяка. Один из них затем прошел до Павловской батареи, но здесь был обстрелян, после чего оба корабля ушли в море (*Дубровин, 1900б. С. 329*). В течение зимы неприятельские корабли все время сновали около Керчи, а один из них постоянно сторожил вход в пролив. В январе 1855 г. «пароходы доходили до самого льда», т. е. заходили в пролив, делали промеры глубин и т. д. Винтовая вражеская канонерская лодка 21 января 1885 г. дошла до линии затопленных судов и напоролась на одно из них (значит, не все эти суда были разбиты штормом). Между ней и Павловской батареей началась перестрелка, при этом русские артиллеристы с удивлением отметили, что их ядра не долетают до канонерки, а ядра, выпущенные с лодки, перелетали наши позиции (*Дубровин, 1900в. С. 153*). Чем это можно объяснить? Только ли большей мощностью корабельной артиллерии? В общем, канонерка сумела сняться и благополучно уйти.

Становилось все более и более ясным, что неприятель Керчь в покое не оставит. Генерал-майор М. Г. Хомутов докладывал начальству, что располагает всего двумя тысячами штыков, и если противник высадит под Керчью хотя бы 4 тыс. десанта, то «я со стыдом и без боя должен отступить и бросить Керчь со всеми батареями, госпиталями, заведениями и запасами». Он указывал также, что «за Керчью следует Азовское море, а за Азовским морем

уничтожение всех наших запасов» (*Дубровин*, 1900в. С. 155). Тогда, по его словам, «острый русский штык без сухарей будет туп» (*Дубровин*, 1900в. С. 152). Генерал отмечал также, что в случае вражеского десанта ему непременно будут содействовать 40 тыс. татар. Это тоже было проблемой, о которой никак не следовало забывать.

Донесение М. Г. Хомутова было получено в С.-Петербурге, где его внимательно изучили и приняли решение... снять генерала с занимаемой должности. Если использовать терминологию более позднего времени, то причину отставки, вероятно, следовало бы определить следующим образом — «за паникерские настроения». Командование войсками было возложено на генерала-лейтенанта К. К. Врангеля (*Дубровин*, 1900в. С. 156; *Быковская*, 2015. С. 32). От этой перестановки существенных перемен не наступило, и надо признать, что военные действия под Керчью развивались точно по сценарию, нарисованному М. Г. Хомутовым. Но давайте дадим слово керченским археологам.

Наука около «линии фронта»

Директор музея А. Е. Люценко докладывал Л. А. Перовскому 3 марта 1855 г., когда лед на проливе растаял, и противник стал действовать здесь более активно (НА ИИМК, ф. 9, д. 47, л. 31–32): «Археологические разыскания наши¹⁵, как я имел честь донести Вашему Сиятельству, окончились осенними раскопками в прошлом году на северной покатости Митридатовой горы. С наступлением весны я имел надежду предпринять вновь какие-либо работы на той же местности или на другой по предварительному соизволению Вашего Сиятельства, если положение дел в Керчи будет тому благоприятствовать.

В ожидании этого времени, я избрал по примеру прошлого года несколько надежнейших курганов и полагал приступить к расследованию их не позже начала марта месяца.

Между тем, с приближением весны положение Керчи значительно изменилось и сделалось не только неблагоприятным для археологических разысканий, но даже не безопасным для самого пребывания нашего здесь. Возле Камыш-Буруна в проливе постоянно стоят теперь неприятельские пароходы, блокирующие наш порт. Нередко они подходят к нашим батареям и завязывают с ними дело, следствием которого бывает обыкновенно тревога в городе, заставляющая нас покидать свои занятия и принимать меры предосторожности.

Некоторые пункты по соседству нашему, как, например: Южная Коса против Павловской батареи, Бугаз и другие подвергались также нападениям неприятеля.

¹⁵ Здесь и далее слова, выделенные курсивом, в цитируемых документах подчеркнуты карандашом.

Обстоятельства эти заставили уже многих жителей Керчи выехать из города. Одни только служащие чиновники, большею частию холостые, остались здесь до времени, готовые уехать также при первой необходимости.

При таком положении дел я не могу приступить ни к каким серьёзным занятиям по разысканию древностей, и если обстоятельства не изменятся, то едва ли можно надеяться предпринять что-либо в течение предстоящего лета.

С другой стороны, принимая в соображение возможность случая, по которому пребывание наше в Керчи может сделаться крайне затруднительным и даже опасным в такой мере, что чиновники музея должны будут выехать отсюда, я считаю долгом испросить на этот случай предварительно приказания Вашего Сиятельства относительно музея и чиновников оного для дальнейшего их назначения.

В экстренном случае я имею в виду (как меру временную и более удобную к исполнению) просить градоначальника принять музей в своё владение, оставив при нём сторожа оного, самому же со всеми чиновниками и надсмотрщиками переместиться на время на Таманский полуостров, именно на станцию Сенную, где имеется казённое помещение для чиновников, которое может быть в скором времени совершенно окончено, и, ежели обстоятельства позволят, чего можно надеяться по удалённому несколько положению этого пункта от места военных действий, приступить там к археологическим разысканиям, хотя не в значительных размерах, на что я ныне же имею честь испросить разрешения Вашего Сиятельства. <...>

Некоторые предметы, заслуживающие более внимания из числа открытых мною в последнее время, изготовлены к отправлению в г. Бердянск и будут перевезены туда по распоряжению градоначальника с первым рейсом парохода, для хранения их вместе с прочими, доставленными туда прошлою весною в ведомство Бердянской таможни. Другие же вещи, как, например: глиняные статуйки и некоторые сосуды, предназначенные мною для помещения в Императорском Эрмитаже и уже реставрированные, по изготовлению с них рисунков, которыми занимается теперь помощник мой Бегичев, будут переданы Вашему Сиятельству в непродолжительном времени».

А. Е. Люценко просил Л. А. Перовского назначить чиновника А. Мазирова на место А. С. Линевича, для которого «по многим причинам» необходимо было подыскать иное место службы «вне Керченского музея древностей» (Там же, л. 33). Александр Ефимович просил также оказать археологам денежную поддержку, и, надо признать, Л. А. Перовский нашел для этого необходимые средства (Там же, л. 38).

В рапорте, отправленном 15 марта, директор Керченского музея сообщал: «Мы старались реставрировать всё, что было возможно. Прочие же вещи, найденные в значительном количестве при производстве помянутых раско-

пок, помещены в музей. В числе их, между прочим, находится несколько урн без рисунков и один большой стеклянный сосуд об одной ручке, наполненный какою-то прозрачною жидкостью с красноватым осадком на дне» (Там же, л. 34об.).

Вполне понятно, что А. Е. Люценко очень волновала сохранность всех этих предметов, и их тоже следовало бы вывезти в какое-нибудь безопасное место. Между тем, несмотря на все опасности, весной 1855 г. в Керчи все-таки были предприняты раскопки. Об их проведении А. Е. Люценко доложил Л. А. Перовскому 5 мая (НА ИИМК, ф. 9, д. 47, л. 41–44): «Имею честь донести Вашему Сиятельству, что в половине прошлого апреля месяца, после весенних дождей в некоторых курганах и насыпях, лежащих близ г. Керчи на северной покатости Митридатовой горы, против Татарской слободки и по направлению Карантинной дороги, появились внезапно провалы и другие признаки, представлявшие возможность к случайному открытию в них каких-либо гробниц. Таковые признаки побудили меня заняться подробным исследованием сих курганов и насыпей, которое продолжалось с 13 по 26 апреля и привело к следующим результатам.

По Карантинной дороге. В боковых частях некоторых курганов и насыпей, лежащих с правой стороны ея, на открытой местности, по берегу пролива, и с левой на местности, застроенной обывательскими домами и огородами, открыты 4 земляные гробницы с каменными обвалившимися крышками и одна простая глиняная урна о 4 ручках с жжёными костями. Упомянутые гробницы заключали в себе почти совершенно истлевшие деревянные гробы, в которых кости покойников лежали в порядке, но при них, кроме простых глиняных сосудов, окисших бронзовых пряжек и обыкновенной стеклянной посуды, ничего замечательного не найдено. В урне же оказались одни жжёные человеческие кости.

На северной покатости Митридатовой горы, несколько ниже большого скалистого кургана, возле верхней дороги.

1. В продолговатой насыпи, лежащей параллельно означенной дороге, с левой стороны ея, открыта большая жжёная земляная гробница, оказавшаяся расхищенною в прежнее время.

2. Несколько подальше, в боковых частях одного средней величины кургана, раскопанного уже в прежнее время посередине, открыто у подошвы его 5 земляных гробниц с обвалившимися каменными крышками, под которыми в истлевших и засыпанных землёю деревянных гробах лежали мужские скелеты. При них найдены были вещи, совершенно подобные выше описанным. Возле же центра этого кургана с западной стороны его на глубине $\frac{1}{2}$ сажени (чуть более 1 м. — Ю. В.) найдена была 6-ая значительной величины земляная гробница с обвалившеюся каменною крышею, в которой под слоем земли глубиною около 2 аршин (1,42 м. — Ю. В.), в истлевшем деревянном гробу покоился прах женщины, обращённой головою на юг.

Возле нея найдены были следующие вещи: в ногах стеклянный сосуд с одной ручкой в виде кувшина, раздавленная землёю стеклянная чашка, в которой стояла другая глиняная чашечка, несколько повреждённая, красивая палочка из перевитого стекла длиной около 5 вершков (22 см. — *Ю. В.*) с кольцеобразною ручкою и плоскою оконечностию, три маленьких слезницы, острие стрелы и несколько обломков от деревянной шкатулки, окованной медью. На правой руке выше кисти <находился> браслет из лигнитовых бус, повреждённых временем; на пальцах левой руки — золотой перстень со вставленным в него большим, выпуклым сирийским гранатом, на котором искусно вырезана саранча, и железное колечко с простым камешком. В ушах же покойной найдены были простые серьги из гладкой золотой проволоки. Сверх того, на груди скелета и вокруг черепа его отыскано несколько треугольничков, сделанных на подобие листьев зори, которые, вероятно, принадлежали одежде и погребальному венчику покойницы. Из числа сих вещей золотой перстень, серьги и стеклянная палочка переданы мною помощнику моему Бегичеву для представления их Вашему Сиятельству вместе с другими находками, которые могут быть сделаны нынешним летом на Таманском полуострове.

4 (№ 3 в тексте рукописи отсутствует). На гребне продолговатой каменной насыпи с скалистым основанием, лежащей впереди вышеописанного кургана. В насыпи этой сделано было два глубоких разреза возле ям, вырытых в прежнее время, в которых найдены были урны самого древнего стиля с замечательными рисунками. Выбранные для этого выпуклости гребня подавали некоторую надежду на открытие в них каких-либо гробниц; однако же надежда эта не оправдалась, ибо по достижении скалы в сделанных разрезах никаких гробниц не найдено.

5. В кургане, лежащем позади означенной насыпи, который был раскопан в прежнее время почти со всех сторон, но по середине остался нетронутым. По сделании в этом кургане сквозного разреза от запада к востоку и небольшой приёмки с северной стороны его, открыта в нём на глубине 3 сажён (6,40 м. — *Ю. В.*) превосходная каменная гробница, устроенная на материке из тёсаных плит и имеющая в длину более $\frac{1}{2}$ сажени (более 1,07 м. — *Ю. В.*). К сожалению, гробница эта была уже расхищена в прежнее время. Два пролома, сделанные грабителями в поперечных стенах ея, к которым от поверхности кургана едва заметны проведены были мины, свидетельствовали об этом расхищении положительным образом. И действительно, в прахе, собранном на помосте этой гробницы, который был просеян сквозь решето, найдено было только 10 сердоликовых бус от ожерелья, несколько обломков от глиняных статуек и одна детская серьга из тонкой золотой проволоки».

Надо признать, что особо ценных находок во время раскопок в Керчи в апреле 1855 г. обнаружено не было, но раскопки отнюдь не были напрас-

ными, и некоторые из открытых тогда археологических комплексов имеют безусловный научный интерес. К тому же важно подчеркнуть, что раскопки велись почти на виду у вражеских матросов.

Того же числа, т. е. 5 мая, А. Е. Люценко писал министру уделов (Там же, л. 45–46): «В исполнение предписания Вашего Сиятельства от 5 апреля сего года № 751 имею честь почтительнейше донести, что *чиновники вверенного мне музеума переехали сего числа на Таманский полуостров* для производства там разысканий в мере возможности. Что же касается до меня, то я ныне же отправляюсь в Екатеринославскую губернию для исполнения возложенного на меня Вашим Сиятельством поручения.

К сему долгом считаю присовокупить, что на основании распоряжения г. градоначальника я передал все дела Керченского музеума помощнику моему титулярному советнику Бегичеву с тем, чтобы он, находясь на Таманском полуострове и занимаясь там разысканиями, заведывал также на время отсутствия моего из Керчи и самым музеумом. Равным образом я передал ему шнурованные книги музеума и все находившиеся в моём распоряжении деньги, а именно: 1) 1400 руб., оставшиеся от расходования сумм, ассигнованных в 1853 и 1854 годах на археологические разыскания в окрестностях Керчи, с тем, чтобы он расходовал их по мере надобности на производство разысканий, предназначенных в сём году на Таманском полуострове, для которых других сумм в виду не имеется. 2) 307 руб. оставшиеся от штатных расходов музеума в текущем году по 1 мая. 3) 300 руб. определённые в выдачу отставному войсковому старшине Семеняке за постройку им казённого помещения для чиновников музеума и рабочих на Таманском полуострове, которая ныне приводится к окончанию, и 4) 300 руб. определённые на покупку мебели и проч. для помянутого казённого помещения, всего же 2307 рублей серебром».

Что касается А. Е. Люценко, то он тогда отправился в Екатеринославскую губернию для раскопок Александропольского кургана (Луговой могилы), т. е. одного из самых известных скифских царских курганов (см.: *Артамонов*, 1966. С. 54–58; *Алексеев*, 2003. С. 227–230, 273–275). Но не это сейчас представляется особенно важным! Важнее дать высочайшую оценку деятельности директора Керченского музея, направленной на спасение ценностей, в нем находящихся. В общем, после захвата Керчи англичане и французы ничего особенно ценного в музее найти не смогли. Английские газеты подняли тогда большой шум по поводу «похищения сокровищ Керченского музея» (см.: *Жиль*, 2009. С. 264). На самом деле никакого похищения не было, а его основные коллекции были заблаговременно эвакуированы в безопасное место. В связи с этими обстоятельствами стоит напомнить еще об одном обстоятельстве. В Петербурге в 1851 г., как известно, было закончено строительство здания Нового Эрмитажа с его «Керченским залом» (открытие состоялось 5 февраля 1852 г.). Лучшие экспонаты из Керченского

музея уже с 1851 г. на вполне законном основании, разумеется, по меркам того времени (меркам международным, а не только императорской России), передавались в Эрмитаж. Настоящие сокровища находились именно там, а отнюдь не в Керчи! Однако вернемся к боевым действиям в районе Керченского пролива.

Захват Керчи

Уже в апреле 1855 г. союзное командование решает провести операцию под Керчью и Еникале. По словам лорда Ф.-Д. Г.-С. Раглана, необходимо было «отделить Азию от Европы и отнять у русских средства снабжать свою армию припасами, которые они получают по Азовскому морю» (см.: *Дубровин*, 1900в. С. 114). В сторону пролива была двинута крупная эскадра с десантом на борту.

Об обстоятельствах захвата Керчи К. Р. Бегичев докладывал Л. А. Перовскому в письме из Сенной 14 мая 1855 г. (НА ИИМК, ф. 9, д. 47, л. 52–53):

«Ваше Сиятельство, граф Лев Алексеевич,

Третьего дня неприятельский флот в числе 80 судов с десантом от 25 до 30 т. человек внезапно появился у Керченского пролива и начал высаживать войска в Камыш-Буруне. Батареи наши не могли держаться и были взорваны одна за другою. Вслед за тем неприятель овладел проливом и городами Керчь и Еникале.

Нападение неприятеля было так быстро, что никто не успел выехать из города. По слухам, все военные и гражданские чиновники достались в руки неприятелю, в числе последних должен быть чиновник Лазаревский, который отпросился у меня на три дня в Керчь и как раз попал на это время.

Вчера утром 34 неприятельские парохода вошли в Азовское море....

Положение наше на Таманском полуострове сделалось критическим. Если не подоспеют войска, ожидаемые с правого фланга, то трудно предвидеть, что может случиться. При первой возможности я поспею переехать в г. Ставрополь, куда постараюсь перевезти также дела и другие принадлежности музеума, доставленные для хранения на станцию Сенную.

Казённый дом, совершенно меблированный и почти оконченный, я оставляю на попечение войскового старшины Семеняки, который по средствам своим решается держаться на хуторе до последней крайности.

Работы по раскопке курганов, предпринятые близ ст. Сенной, будут сегодня прекращены. Об них я буду иметь честь донести Вашему Сиятельству в первую свободную минуту.

При мне находится только чиновник Мазиров; он отправится также в Ставрополь.

Милостию Вашего Сиятельства мы обеспечены в средствах к перемещению и дальнейшему существованию и никогда не перестанем чувствовать,

как много обязаны мы Вашему Сиятельству, но к несчастью с потерей Керчи мы лишились почти всего нашего имущества...»

Вряд ли стоит упрекать К. Р. Бегичева в том, что он преувеличил силы неприятеля (преувеличенную информацию, кстати, получили и военные власти). На самом деле к проливу подошли не 80, а 57 судов, на борту которых находилось не 30 тыс., а 16 400 человек десанта (3 тыс. англичан, 7400 французов и 6 тыс. турок) при 11 полевых батареях (см.: *Богданович*, 1876. С. 321).

Теперь дадим слово военным историкам. Когда неприятельский флот 12 мая 1855 г. появился у Такильского маяка и об этом было доложено К. К. Врангелю, сразу же на горе Митридат был поднят флаг тревоги, и в район предполагаемой высадки был направлен отряд полковника Карташевского: 1848 человек при 4 орудиях (соотношение сил с неприятельскими — 1 : 9!). В городе остался отряд, насчитывавший всего 300 военных под началом градоначальника П. А. Антоновича, в его состав входили пограничники, жандармы и карантинная стража. Этих сил, как тогда оценивали, хватало разве что для защиты христианского населения от насилия татар (*Дубровин*, 1900в. С. 168).

Вражеские корабли миновали мыс Эльтиген, построились в три линии около Камыш-Буруна и приступили к интенсивному обстрелу берега. Через два часа была произведена стремительная высадка, и войска под прикрытием огня с пароходов двинулись к Старому Карантину. Карташевский, опасаясь того, что его отряд будет отрезан от Керчи, принял решение отступить к Феодосийской дороге (*Дубровин*, 1900в. С. 170).

Когда об обстоятельствах дела было доложено К. К. Врангелю, он отдал приказ всем пароходам уходить из Керченской бухты. Сам же отправился на Павловскую батарею, которая уже обстреливалась одной канонерской лодкой с большого расстояния. Увидев неприятельские колонны, обходившие батарею, и поняв безнадежность ситуации, К. К. Врангель приказал заклепать пушки, сжечь лафеты и взорвать пороховые погреба, а также и минные заграждения (*Дубровин*, 1900в. С. 170–171; *Быковская*, 2015. С. 35). Он распорядился также об уничтожении всех береговых батарей и истреблении всего снаряжения и всех запасов, которые нельзя было спасти (*Богданович*, 1876. С. 322). Неприятель, после взрыва наших батарей, направил пароход, который, делая промеры, прошел через первое заграждение (у Павловского мыса), за ним последовали и другие суда (*Богданович*, 1876. С. 323).

Градоначальник П. А. Антонович тоже приказал уничтожить все запасы, находящиеся в городе и каботажные суда в бухте. Когда же выход из бухты был заблокирован врагом, в ней еще находились два парохода — «Могучий» и «Дон». Они были взорваны, при этом не обошлось без жертв — были раненные и убитые (*Богданович*, 1876. С. 323–324; *Дубровин*, 1900в. С. 172–173; *Тарле*, 2005. С. 453). Пароходы, ушедшие из Керчи в Бердянск, тоже затем

были взорваны, поскольку они не имели возможности войти в Дон (*Дубровин, 1900в. С. 173–174*).

По подсчетам специалистов, в Керчи было уничтожено 100 тыс. четвертей провианта (*Горев, 1955. С. 394*)¹⁶, были взорваны погреба, заключавшие в себе до 1,5 тыс. пудов пороха (это порядка 24 тонн) (*Богданович, 1876. С. 324*). Вспомним при этом, что порох экономили при проведении учебных стрельб. Зачем нужна была такая экономия?!

Неприятельские корабли почти беспрепятственно вошли в пролив. Некоторые из них дошли до Еникале, но там были встречены огнем артиллерии. В общем, последней батареей, которая вела огонь по врагу, была Еникальская. С наступлением темноты она тоже была оставлена; артиллеристы и отряд прикрытия двинулись на запад, вслед за П. А. Антоновичем (*Дубровин, 1900в. С. 173–174; Быковская, 2015. С. 37*). Печально осознавать, что в Еникале был оставлен госпиталь, в котором находились на излечении защитники Севастополя. Правда, позднее удалось достичь соглашения с командованием союзников и вывезти раненых из крепости (*Богданович, 1876. С. 324; Дубровин, 1900в. С. 174–175, 180; Горев, 1955. С. 395*).

Керченские жители, сильно встревоженные разразившимися боевыми действиями, стали толпами уходить из города, который пустел на глазах. В общей сложности из 12 тыс. населения в Керчи осталось не более 2 тыс. (*Богданович, 1876. С. 325*).

«Рано утром 13-го мая, с музыкой и барабанным боем союзный экспедиционный корпус двинулся на Керчь» (*Дубровин, 1900в. С. 177*). Город был оставлен на разграбление мародерам. По словам очевидцев, в Керчи воцарились «пьянство, буйство, грабежи» (*Дубровин, 1900в. С. 179*). В этих бесчинствах принимали участие как солдаты экспедиционного корпуса и матросы корабельных команд, так и местные татары. Тогда был разграблен музей (точнее, разграблено, то, что еще оставалось в музее), при этом были вывернуты даже мраморные плиты пола. Что под ними искали мародеры, трудно сказать.

Войска коалиции в Керчи не остановились, а прошли к Еникале, где и устроили свой лагерь. Я почти не сомневаюсь, что охотники поучаствовать в грабежах нашлись среди англо-франко-турецких войск, но за их поведением должна была следить военная полиция. Впоследствии в Керчи была создана местная полиция из 50 человек, которым было выдано оружие (*Богданович, 1876. С. 326; Дубровин, 1900в. С. 179*). Однако, даже учитывая наличие оружия у этих полицейских, с трудом можно представить, каким образом они могли противостоять распоясавшимся английским или фран-

¹⁶ Трудно сказать, о каких четвертях идет речь в данном случае. Наиболее известна четверть как мера объема, составляющая чуть более 3 литров. До середины XVIII в. ее измеряли в пудах, одна четверть равнялась 8 пудам, а вот «вошная четверть» составляла 12 пудов.

цузским солдатам, тем более арестовать их за противозаконные действия. Почти нет сомнения, что местная полиция должна были наводить порядок среди своих соотечественников, оставшихся в городе. В общем, порядка в Керчи не смогли навести до самого окончания оккупации.

Союзники после захвата Керчи и Еникале, как известно, совершили ряд рейдов на русские города, расположенные на берегах Азовского моря: Арабат, Бердянск, Таганрог, Мариуполь, Ейск (*Богданович*, 1876. С. 327–339; *Дубровин*, 1900в. С. 183–196; *Горев*, 1955. С. 395). Считается, что в «Азовской операции» неприятель не смог достичь существенного результата (*Бестужев*, 1956. С. 127), и, очевидно, так оно и было на самом деле. Тем не менее, если даже союзники не стали полными хозяевами на Азовском море, они смогли продемонстрировать страшную уязвимость приазовских русских городов.

Еще хуже было положение русских городов на Кавказском побережье. Новороссийск был сдан без боя, гарнизон из Анапы тоже без боя был выведен в Темрюк. По существу, все северо-восточное побережье Черного моря оказалось беззащитным против вражеских нападений. Не зря английские газеты пропели дифирамб победам своего оружия; понятно и то, почему в наших исторических книгах керченской операции союзников отводится всего несколько строк. Россия оказалась не в состоянии защитить свои рубежи.

После падения Керчи

К. Р. Бегичев в рапорте от 25 мая 1855 г. докладывал Л. А. Перовскому о сложившейся ситуации (НА ИИМК, ф. 9, д. 47, л. 59–60): «Имею честь почтительнейше донести Вашему Сиятельству, что вследствие опасности, угрожающей Таманскому полуострову со стороны неприятеля, мы вынуждены были оставить оный и переехать в другие места: чиновник Мазиров отправился в г. Ростов, а я переехал в г. Ставрополь. Казённое имущество, за исключением рабочего инструмента и хозяйственных принадлежностей, вывезено почти всё, частью со мною в Ставрополь на перекладных, частью на особых обывательских подводах в станицу Полтавскую, которые отправлены при обозе войскового старшины Семеняки, с тем, чтобы в случае надобности они были бы отправлены им далее в безопасное место.

При вещах сих я командировал одного из конных надсмотрщиков, который должен будет находиться при них постоянно, впредь до распоряжения. Другому надсмотрщику я приказал следовать за собою в Ставрополь.

Казённая постройка близ ст. Сенной с оставшимся при ней по недостатку подвод рабочим инструментом и хозяйственными принадлежностями, поручена надзору одного из чернорабочих, нанятого мною обще с Семенькой.

Расход по настоящему переезду, сделанный мною на счёт возврата из археологической суммы, составляет сто пятнадцать рублей серебром, а именно:

На переезд мой до г. Ставрополь на двух перекладных — 30 р.

На наём пяти обывательских подвод под своз тяжестей, отправленных в стан. Полтавскую — 35 р.

Для дальнейшей транспортировки сих тяжестей на случай надобности выдано Семеняке примерно 50 р.

Издержки на переезд чиновника Мазирова мне ещё не известны.

При переезде моём в Ставрополь я встречал по дороге во многих местах, в особенности по берегу Кубани, большие и малые курганы с виду похожие на наши керченские или таманские, между которыми есть много совершенно не тронутых. Вообще курганы, лежащие по Кубани в Ставропольской губернии, как мне сообщил о том здешний гражданский губернатор генерал-майор Волоцкой, никем ещё не были расследованы с учёною целью и, по мнению его, заключают в себе много любопытного. Несколько таких курганов находятся поблизости самого Ставрополя. В ожидании приказа Вашего Сиятельства о дальнейшем нашем назначении, я постараюсь ознакомиться здесь с местностью и курганами на тот конец, чтобы по требованию Вашего Сиятельства, я бы мог составить о них более или менее верное изображение».

В высшей степени показательно, что К. Р. Бегичев даже в такой, мало располагающей к археологическим наблюдениям обстановке, продолжал уделять внимание прикубанским и ставропольским курганам. Здесь, однако, стоит обратить внимание на другое важное обстоятельство — Кирилл Романович регулярно поставлял Л. А. Перовскому боспорские монеты, в основном золотые и серебряные, и для этой цели им была создана целая агентурная сеть (*Богданов, Захаров, 2015. С. 210–214*).

Посылки с монетами поступали в С.-Петербург довольно регулярно и во время войны. Так, буквально накануне захвата Керчи неприятелем, 18 апреля 1855 г., Л. А. Перовский получил 9 золотых монет, он был ими очень доволен и послал в подарок агенту в Анапе серебряные часы стоимостью 70 руб. (РО РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 204). Через три дня, сообщив о получении 9 золотых монет (тех самых?), он выслал К. Р. Бегичеву 300 руб. для новых приобретений (Там же, л. 206). Посылка, дошедшая до столицы 11 мая, состояла из 1 электровой и 13 золотых монет; за них Лев Алексеевич заплатил 375 руб. (Там же, л. 207). Вряд ли стоит специально говорить, сколь большими были эти суммы! Получал ли К. Р. Бегичева какое-либо вознаграждение за оказанные графу услуги, мы, к сожалению, не знаем, но, скорее всего, получал.

Стоит отметить, что накануне Крымской войны многие ценные монетные находки поступали к К. Р. Бегичеву с Северного Кавказа. Действия вражеских десантов должны были парализовать или, во всяком случае, сильно затруднить функционирование этого механизма. И на самом деле, археологу пришлось пожаловаться министру уделов 18 августа 1855 г. (РО РНБ,

ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 208): «Относительно приобретения золотых монет <...> агент мой отозвался, что по переселении его теперь из Анапы в Екатеринодар он не надеется на успех, поэтому именно, что вследствие занятия г. Анапы неприятелем русские не имеют сношений с горцами».

Однако непреодолимых ситуаций, как известно, не бывает, особенно в тех сферах, которые касаются денег. И вот 3 июня 1856 г. в письме, написанном в Екатеринославе, К. Р. Бегичев информировал своего шефа (Там же, л. 212): «По слухам на руках у горцев находится более 300 золотых монет, которые с восстановлением Анапы могут быть приобретены по-прежнему».

Со своей стороны полковник Бабич изъявил готовность разыскивать эти монеты посредством своих лазутчиков и представлять мне к представлению Вашему Сиятельству».

Поставке коллекционных монет в С.-Петербург военные действия, как видим, помешали не очень сильно. Между тем после нападения кораблей союзников на приазовские города стали возникать большие опасения относительно древностей, хранившихся в Керченском музее и эвакуированных в г. Бердянск. Новый керчь-еникальский градоначальник Д. Н. Гагарин общал по этому поводу Л. А. Перовскому через месяц после захвата Керчи, что был обеспокоен гибелью «в прибрежных городах Азовского моря многого казённого имущества, в число которого могли входить и керченские древности», но был обрадован донесением, что «*при первом известии о вторжении неприятельского флота в Азовское море ящики с древностями были вывезены из Бердянска и сложены в колонии Грунау, в 70 верстах от Бердянска и в 50-ти от Мариуполя*». Д. Н. Гагарин считал полезным «до окончания войны отправить древности в С.-Петербург или Москву» (НА ИИМК, ф. 9, д. 47, л. 62–63).

Эвакуированные коллекции Керченского музе, однако, не были переправлены в российские столицы, они оказались в Екатеринославе, в окрестностях которого А. Е. Люценко раскапывал упоминавшийся выше Александропольский курган. На помощь ему весной 1856 г. из Петербурга был направлен П. С. Савельев, который стал свидетелем пожара, охватившего дом, где хранились древности. Ему удалось спасти часть этих древностей, но другая часть все-таки погибла от огня (*Григорьев*, 1861. С. 104–105; *Тункина*, 2002. С. 304–305).

Война завершилась. В марте 1856 г., как известно, был подписан Парижский мирный договор, но оккупационные войска ушли из Керчи лишь в июне месяце (*Быковская*, 2015. С. 45). Вскоре после этого, 10 ноября 1856 г., скончался Лев Алексеевич Перовский — один из главных участников истории, рассказанной выше. Несмотря на такую потерю, археологические исследования в Восточном Крыму стали постепенно входить в обычное русло. А. Е. Люценко провел раскопки курганного некрополя Феодосии с 9 октября по 19 декабря 1856 г. (*Тункина*, 2011. С. 216–222). Через недолгое время

археологические исследования были перенесены на берега Керченского пролива (Виноградов, 2012. С. 7–8).

Крымская война, несмотря на героическую оборону Севастополя, оказалась одной из самых неудачных в истории России. Что касается Керченской операции, то российское воинство не сумело отстоять город, а в сложившейся тогда ситуации и не могло этого сделать. Поражение под Керчью, так сказать, было неизбежно.

На этом фоне поведение археологов выглядит образцом почти воинской доблести, во всяком случае, образцом организованности и дисциплинированности. Они заблаговременно эвакуировали собрание древностей из Керченского музея. Раскопки велись в Керчи и на Таманском полуострове до вторжения неприятеля, при этом были сделаны весьма важные археологические открытия. Во время вражеского десанта К. Р. Бегичев сумел спасти документацию музея и имеющиеся в нем денежные средства, за что заслуженно был награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг. (НА ИИМК, ф. 1, 1861, д. 3, л. 3).

У военных под Керчью все это получилось гораздо хуже, но не нам и не сейчас их судить... Крымская война с полной очевидностью продемонстрировала насущную необходимость проведения в России самых серьезных преобразований. Как известно, преобразования коснулись и археологии — в 1859 г. была создана Императорская Археологическая Комиссия.

Ю. А. Виноградов (ИИМК РАН)

1.3. ИСТОРИЯ РАСКОПОК КУРГАНА НА ТЕМИР-ГОРЕ (по материалам научного архива ИИМК РАН)

Темир-Гора — самая высокая возвышенность к юго-западу от современной дер. Юркино на восточной оконечности Керченского полуострова (рис. 26, 1). Она расположена на расстоянии приблизительно 6 км от г. Керчь, в 2,5 км к северо-востоку от большого поселения Глазовка (бывш. Баксы). Высота этого скалистого холма, стоящего в цепочке природных возвышенностей, 154,4 м. В переводе с тюркского Темир-Гора означает «Железный холм»; возможно, происхождение этого названия связано Баксинским месторождением железной руды (www.crimea.ru/item_info_big.htm). Примерно в 400 м к северу расположен родник с пресной водой. У подножия горы и на ее склонах сохранились остатки реликтовой растительности — боярышника, шиповника, терна, крушины. В процессе восхождения и особенно с вершины горы открывается великолепный панорамный вид на равнины, дороги, населенные пункты и Керченский пролив (рис. 26, 2). Красота этого

РОССИЙСКИЕ АРХЕОЛОГИ XIX — НАЧАЛА XX в. И КУРГАННЫЕ ДРЕВНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА
места, открывающийся оттуда «широкий обзор», как правило, производят

большое впечатление. П. И. Хицунов, первый исследователь кургана, в своем «Журнале археологических разысканий» писал, что «Темир-Гора, со стоящим на вершине ее курганом, значительно выдается своей огромностью из рядовых окружающих ее скалистых возвышенностей» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 69, л. 28). А вот как более чем через 70 лет писал об этом месте В. Ф. Гайдукевич: «С вершины горы открывается широкая панорама: виден Керченский пролив и противоположный берег Таманского полуострова, Азовское море, на юго-западе в излучине Керченской бухты отчетливо видна Керчь» (*Гайдукевич*, 1941. С. 45).

Во время Великой Отечественной Войны у этой преобладающей на местности возвышенности шли жестокие бои. В память об этих событиях на ее склоне установлен памятник пограничникам, погибшим в неравном сражении с немецкими оккупантами 15 мая 1942 г. (рис. 27).

В древности на вершине горы был возведен скифский курган, известный в литературе как курган на Темир-Горе или курган Темир-Гора. Он был исследован в 1869–1870 гг. П. И. Хицуновым и А. Е. Люценко (ОАК, 1869. С. XII–XIII; ОАК, 1870–1871. С. XX–XXIII). Вид горы к моменту завершения раскопок запечатлен на рисунке в альбоме Ф. И. Гросса (рис. 28), хранящемся в Рукописном отделе научного архива ИИМК РАН (Р I, д. 693, л. 7). В то время у подошвы Темир-Горы располагался «виноградный сад» г. Калафати, а несколько ниже — сад г. Кумича «с древнейшим и замечательнейшим по форме колодцем пресной воды» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4, л. 27 об.), которые, очевидно, и изображены на рисунке за невысокими каменными оградами.

Раскопки показали, что насыпь кургана была сооружена в эпоху архаики над его основным погребением. В последующие периоды он продолжал использоваться для захоронений, что указывает на высокое «сакральное» значение этого памятника в сознании древних обитателей региона (*Виноградов*, 2001. С. 87). Несмотря на то, что курган на Темир-Горе и отдельные вещи, найденные в процессе раскопок, хорошо известны специалистам, история изучения памятника и комплексы погребений, на наш взгляд, все еще изучены недостаточно.

Первым исследователем, проанализировавшим весь «пласт» захоронений в кургане и посвятившим им специальную статью, была Э. В. Яковенко (*Яковенко*, 1972. С. 259–267). Она привлекала и материалы Научного архива ИИМК РАН, повествующие о раскопках кургана. Обращаясь к комплексам Темир-Горы, современные исследователи обычно опираются на эту работу, вышедшую более полувека назад. Позже Т. М. Кузнецова предложила свою интерпретацию «могильника на Темир-Горе» (*Кузнецова*, 2002. С. 85–89, рис. 1). Э. В. Яковенко отмечала, что «раскопки проводились со значительными перерывами» (*Яковенко*, 1972. С. 259), в чем, впрочем, не было ничего необычного. Таким же образом, в несколько приемов, был исследован целый

ряд грандиозных курганов Северного Причерноморья, в числе которых — Большая и Малая Близницы, курган на Васюринской горе и многие другие. Однако курган на Темир-Горе, значительный по величине, все же уступал насыпям аристократических курганов Боспора IV в. до н. э. Причины, из-за которых этот курган копался двумя исследователями и в течение двух сезонов, сводились (как это обычно бывает) к целому ряду конкретных обстоятельств. Они отражены в материалах научного архива ИИМК РАН, к которым мы и обратились.

П. И. Хицунов и события, предшествующие раскопкам кургана

Личность и биография одного из исследователей Темир-Горы, директора Керченского музея древностей А. Е. Люценко, заслуженно привлекает внимание исследователей (*Лазенкова*, 2001; 2003. С. 23–28; *Виноградов*, 2009. С. 250 след.). Другой, П. И. Хицунов, оставил менее яркий след в истории археологической науки. Попытки оценить вклад этого исследователя-энтузиаста в изучение природы и истории юга Российской империи стали предприниматься сравнительно недавно (*Амельченко*, 2004. С. 221; *Вахтина*, 2016б. С. 74–76). Живое внимание П. И. Хицунова привлекали достопримечательности, в том числе древности, юга Российской империи. Его перу принадлежат «Заметки по пути от реки Дона до Пятигорска, с кратким описанием Ставрополя, Пятигорска и окрестных Минеральных Вод», вышедшие в журнале «Отечественные записки» в 1841 г. (*Хицунов*, 1841).

В период, предшествующий раскопкам кургана на Темир-Горе, надворный советник Петр Иванович Хицунов находился в отставке, однако активно проявлял себя на общественном и научном поприще. Сохранилась подробная докладная записка от 18 марта 1868 г. (НА ИИМК, ф. 1, 1868, д. 41, л. 10), адресованная директору Керченского музея древностей А. Е. Люценко, в которой П. И. Хицунов выражал желание заняться изучением древностей. Приведем выдержки из этого документа, как нам кажется, прекрасно характеризующие этого разностороннего и любознательного человека: «Давно заявлял я желание принять деятельное участие в разысканиях древностей, и Ваше Превосходительство всегда одобряли мысль мою, содействуя мне опытными советами и руководствами по этой части.

На днях я узнал, что заведовавший Феодосийским музеем древностей, предположивший с весны нынешнего года производить в окрестностях Феодосии раскопки, — недавно умер, а за смертью его столь важные для науки изыскания в замечательной местности остаются неисполненными.

Если справедлив слух, что дело находится в таком положении, то я с истинною ревностью любителя готов посветить себя на служение столь полезной отрасли исторической науки. Мне кажется, что я с пользою мог бы

заступить должность умершего хранителя музея в Феодосии, по указаниям просвещенных членов Археологической Комиссии и Вашим руководством заниматься обследованиями Феодосийской почвы.

Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать мне в содействии Вашем касательно определению меня в должность хранителя Феодосийского музея и производства там разыскания древностей.

Касательно вознаграждения мне по означенной должности, на действительной ли это будет службе или частным образом, я совершенно представляю усмотрению Начальства... [.....]. Надеюсь, что Ваше Превосходительство, зная меня лично, не оставите выразить о мне благоприятного отзыва перед Высшим Начальством. При сем имею честь на обороте сего присовокупить о себе краткие сведения из имеющихся документов, в готовности по первому требованию представить их в подлиннике. Отставной Надворный Советник Петр Хицунов».

Вакансия в Феодосийском музее освободилась после смерти его директора Н. А. Чекалева; после его кончины в марте 1868 г. должность директора принял на себя И. С. Бескровный, имевший, как и П. И. Хицунов, чин надворного советника (Тункина, 2011. С. 182).

«Краткие сведения», изложенные в «Записке о надворном Советнике Петре Ивановиче Хицунове», также сохранились в архивном деле. Приведем почти полностью текст этой, как мы сказали бы теперь, краткой автобиографии¹⁷. Из нее следует, что П. И. Хицунов получил образование «... в Главном Педагогическом Институте по филолого-историческому факультету в 1839 г., где кроме греко-римской словесности слушал лекции о древностях классических у профессоров Грефе и Гримма и проч. факультетские предметы. Поступив затем на службу в Кавказскую Областную Гимназию старшим учителем (и библиотекарем гимназии) по Русской словесности, состоял вообще в Кавказском и Закавказском крае на службе до половины 1850 года в должностях инспектора Инспектора Гимназии, директора Училищ в Кавказской обл. и Черномории и инспектора классов Закавказского Института благородных девиц. В продолжение своей службы всегда заслуживал отличные отзывы начальства, но по случаю сильного расстройства здоровья должен был оставить оную, прослужа беспорочно по учебному ведомству около 12-и лет, да прежде в общегражданской службе более 8-ми лет; удостоин получить полную пенсию по учреждениям Государыни Императрицы. Кроме прямых своих обязанностей по службе, Начальству угодно было мне давать разные другие порученности — разбор старинных архивов на Кавказе, редакцию Кавказского календаря, редакцию и сотрудничество газет “Кавказа”, “Закавказского Вестника” и разработку данных по Истории, Статистике, Географии и Этнографии края, описание городов, Заведование

¹⁷ Орфография и пунктуация автора сохранены.

делами Статистического Комитета и т. д. В разных периодических изданиях по означенным частям напечатано довольно моих статей, начиная с 1839 года. И последнее время не оставляю продолжать моих слабых трудов по литературе, сообщая свои описания из путешествий, совершенных мною по разным странам. Обязанным считаю присовокупить, что после поправления здоровья я выслушал курс Медицинских и естественных наук в Медико-Хирургической Академии в С. Петербурге, с половины 1851 до половины 1857 года. Для усиления средств к содержанию себя и совершению путешествий, кроме занятий в периодич. изданиях, время от времени продолжал частно заниматься педагогией, как в С. Петербурге, так и в провинциях, между прочим заведовал Благотворительным Пансионом при Варшавской Русской гимназии и преподаванием учебных предметов в Ставропольской и Черноморской Гимназиях. Петр Хицунов» (НА ИИМК, ф. 1, 1868, д. 41, л. 11).

А. Е. Люценко откликнулся на просьбу П. И. Хицунова и рекомендовал его Археологической Комиссии. В 1868–1869 гг. директор Керченского музея занимался раскопками в Керчи и на Тамани (1868, д. 41, л. 58–67). Много сил и времени весной 1868 г., очевидно, отнимала у него и конфликтная ситуация с керчь-еникальским градоначальником вице-адмиралом А. А. Спицыным — первым, требовавшим прекращения раскопок на г. Митридат. Документы, направленные градоначальником в Комиссию, и ответные пояснительные записки А. Е. Люценко, повествующие об этой достаточно длительной и, по-видимому, неприятной «тягбе», также хранятся в деле (1868, д. 41, л. 15–17; *Виноградов*, 2009. С. 298–301). В этот период директор Керченского музея неоднократно обращался в Комиссию с просьбами об увольнении по состоянию здоровья, которое неуклонно ухудшалось (НА ИИМК, ф. 1, 1868, д. 41, л. 13; *Лазенкова*, 2003. С. 26–27).

Благодаря хлопотам председателя Археологической Комиссии, графа С. Г. Строганова, А. Е. Люценко был предоставлен четырехмесячный отпуск. В письме от 15 апреля 1869 г. (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 7, л. 12) А. Е. Люценко благодарит его за хлопоты, сообщает, что готовится к отъезду и ждет приезда В. Г. Тизенгаузена «для временной передачи ему Музея, что, конечно же, было бы удобнее сдачи его больному моему помощнику Ф. Гроссу». В том же письме он упоминает и о П. И. Хицунове, к этому времени, очевидно, активно помогавшему ему в работе. «Относительно П. Хицунова, имею честь доложить, что уверенный заранее в благосклонности Вашего Сиятельства на мое о нем представление от 7-го февраля, я допустил его к участию в раскопках, которые пока мы производим с ним совокупно, с помощью буровых скважин, в боковых частях полуразрытых курганов, лежащих поблизости от Керчи между селениями: Глинице и Катерлес, причем в случае болезни или дурной погоды, препятствующих мне приезжать на работы, он согласился бескорыстно заменять меня, наблюдая за правильным их производством, при содействии опытных надсмотрщиков Музея.

Результатом этих раскопок, начатых 10-го марта, было открытие в упомянутых курганах 4-х черепичных и 2-х каменных уцелевших гробниц, из которых в одной — каменной, с прахом сожженного на костре покойника, отыскано не менее 45 золотых, поврежденных огнем золотых вещей довольно изящной работы...

Приготовляясь в дорогу, я привожу Музей в более систематический порядок... [...] Что же касается до г. Хицунова, то, присмотревшись к механическим приемам моих раскопок, он теперь изучает местность и старается выбрать несколько курганов, наименее тронутых прежними искателями, чтобы при благоприятной погоде приступить самому к разысканиям, получив от меня для этого некоторую сумму, согласно разрешению Вашего сиятельства... Вообще, усердие, добросовестность и научные познания этого деятеля не позволяют сомневаться в пользе, которую он может принести своими трудами археологии» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 7, л. 12–13).

Дождавшись приезда В. Г. Тизенгаузена и передав ему 12 июня 1869 г. руководство музеем, А. Е. Люценко 22 июня уехал за границу. Отъезд пришлось немного отложить и «из-за перемещения на другую квартиру» (л. 15). Сначала А. Е. Люценко отправился в Вену, а оттуда, после консультации с врачами, на минеральные воды в Карлсбад.

В его отсутствие должность заведующего музеем вскоре, вероятно, вследствие занятости В. Г. Тизенгаузена раскопками на Тамани (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4, л. 14) временно перешла к Ф. И. Гроссу. Меж тем П. И. Хицунов начал свои, по-видимому, первые самостоятельные археологические изыскания на Тамани и в Керчи. На Тамани он занимался раскопками Острого кургана, «лежавшего близ Лысой горы» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, л. 19–20), а вскоре после этого приступил к исследованиям кургана на Темир-Горе.

Раскопки кургана на Темир-Горе

Э. В. Яковенко писала о том, что слабая изученность основного погребения кургана объясняется не только «малочисленностью данных об обстоятельствах раскопок, но и крайне сжатой, а зачастую и путаной публикацией отчетов П. И. Хицунова и А. Е. Люценко» (Яковенко, 1972. С. 259). Однако «Журналы археологических разысканий» обоих исследователей, хранящиеся в научном архиве ИИМК РАН, достаточно подробны и позволяют судить о различных этапах работы на Темир-Горе. Архивные документы содержат подробные описания открываемых комплексов и отдельных вещей, описи находок, в том числе находок, переданных в Археологическую Комиссию, описи сделанных фотографий и иллюстраций (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4; 1870, д. 23). По этим материалам можно судить и об общем уровне (и методике) проведенных раскопок — достаточно высоком и хорошо документированном для своего времени. Исследователи постоянно отмечали размеры,

расположение и ориентировку раскопов. А. Е. Люценко, подводя итоги проделанным работам, писал: «Сделано с разных сторон, в насыпи означенного кургана, [...] несколько раскопов, обнаруживших почти всю внутренность того кургана, между оградною его стеною и центром» (НА ИИМК, ф. 1, 1870, д. 23, л. 29 об.). Судя по описанию хода работ и рисунку Ф. И. Гросса (НА ИИМК, ф. Р I, д. 693, л. 7 об.), насыпь кургана была пересечена несколькими траншеями, а вершина разобрана (рис. 29). Следы старых раскопов и траншей, пересекающих насыпь кургана, отчетливо видны и в наши дни (рис. 30).

П. И. Хицунов начал раскопки 1 сентября 1869 г. и завершил их 7 октября этого года. Его «Журнал археологических разысканий» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4, л. 24–30), по стилю и оформлению очень близок «Журналам» А. Е. Люценко, которые, очевидно, были взяты за образец. Описание раскопок на Темир-Горе (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4, л. 27–29) предваряет образное и одновременно точное описание расположения кургана. «Так называемая Темир-Гора, в 4,5–5,5 верстах (4,8–5,9 км. — *М. В.*), на северо-востоке от Керчи и 4-х (4,3 км) на севере от Еникале. Она состоит в скалистой цепи холмов, которые тянутся полукругом с запада на восток по северной окраине Керченского полуострова, ограничивая с той стороны г. Керчь и оканчиваясь скалами у Азовского моря. На природных возвышениях этой цепи насыпаны курганы, начиная с известного огромного кургана Кара-Оба. [...] По предварительному осмотру и приблизительному барометрическому измерению высоты этой местности, считая от морского берега Керчи более 37 саж. (приблизительно 79 м. — *М. В.*), от подошвы же своей до вершины кургана более 22 саж. (50 м); сам курган вышиною около 4 саж. (8,5 м), а в окружности у подошвы до 42 саж (90 м); вершина его, по видимой впадине, кажется давно снята, и разрушены раскопами в разных местах западная и восточная стороны у подошвы кургана; южная, покатая сторона кургана сохранилась неприкосновенною».

П. И. Хицунов начал раскопки в юго-западной части кургана, недалеко от его подошвы, где исследовал «южное пепелище», «в предположении открыть здесь фундаменты древних зданий или мраморы с надписями». С этой целью им было сделано два разреза на расстоянии 15 сажений (примерно 32 м) друг от друга, глубиной до материка. Один из них имел 3 сажени в длину, 2 сажени в ширину $\frac{3}{4}$ сажени в глубину (соответственно $6,41 \times 4,27 \times 1,6$ м), второй — 9 сажений в длину, 1,5 в ширину и $\frac{7}{9}$ в глубину ($19,2 \times 3,20 \times 1,66$ м). Здесь были обнаружены обломки «грубых статуэток», клеймо с надписью АΣΤΙΝΟΜ... ΕΛΚΙΝΙΟΥ... ΤΟΥ... ΤΑΙ..., «в конце надписи рельефный бюст какого-то лица» (л. 28), а также монета с изображением лука, стрелы и надписью ΠΑΝ. П. И. Хицунов полагал, что здесь существовало поселение. Вскоре был обнаружен «жженный точок» (остатки трупосожжения) где 18 сентября были найдены первые золотые украшения (НА ИИМК, ф. 1,

1869, д. 4, л. 29). В конце «Журнала» П. И. Хицунов писал, что должен был отлучиться, «тогда как прибывший из-за границы А. Е. Люценко изъявлял желание продолжить мой раскоп и доследовать под насыпью точок, который я предполагал докончить раскрытием по своем возвращении, то я и согласился на это, передав г. исполнявшему тогда обязанности Директора Ф. И. Гроссу оставшуюся тогда у меня на руках небольшую сумму от аванса, с выражением своего согласия на продолжение в отсутствие мое означенного раскопа» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4, л. 30). Прервав раскопки, П. И. Хицунов уехал в Таганрог, где он тогда проживал и где 29 ноября 1869 г. и завершил свой «Журнал». К раскопкам кургана на Темир-Горе он более не вернулся.

Мы можем сейчас только гадать, что побудило П. И. Хицунова покинуть раскопки Темир-Горы в столь интересный и ответственный момент — не завершив исследования «точка», из которого извлекались золотые вещи. Неясно, были ли это неотложные семейные дела или же иные обстоятельства. Возможно, не последнюю роль сыграло и досрочное возвращение в Керчь директора Керченского музея древностей, по всей вероятности проявившего активный интерес к проводившимся на Темир-Горе исследованиям. Вскоре П. И. Хицунов был направлен Археологической Комиссией на Нижний Дон, где в 1870–1871 гг. провел раскопки городища Танаис и одного кургана из группы «Пять Братьев» (ОАК, 1870–1871. С. XXIII–XXIV; *Шелов*, 1967. С. 29–30). Более в археологических исследованиях под эгидой Керченского музея П. И. Хицунов не участвовал.

Что же касается раскопок кургана на Темир-Горе, то они были успешно продолжены и завершены директором музея. А. Е. Люценко вернулся в Керчь в конце сентября 1869 г., за месяц до окончания своего четырехмесячного отпуска. Не вступая официально в должность, он принимал «некоторое участие в трудах помощника моего Гросса и П. Хицунова, чему особенно благоприятствовала прекрасная погода»¹⁸. В своем отчете за 1869 г. А. Е. Люценко писал также, что «...по случаю кратковременной отлучки в Таганрог г. Хицунова, мне довелось окончательно расследовать замечательную жженую гробницу, открытую им в кургане, находящемся на Темир-Горе» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 7, л. 17). Здесь «...в дополнение к найденным в упомянутой гробнице г. Хицуновым золотым вещам — было открытие в ней по одной паре массивных бронзовых запястий, обложенных листовым золотом и украшенных по концам золотыми львиными головами весьма изящной отделки, двух золотых перстней с перегоревшими камнями, на которых была заметна весьма интересная резьба и проч. Впрочем, все эти вещи сильно повреждены огнем» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 7, л. 18).

¹⁸Согласно донесению А. Е. Люценко в Комиссию, «разыскания директора Музея в окрестностях Керчи» велись с 8 октября 1869 г. по 1 января 1870 г. (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 7, л. 21–23).

А. Е. Люценко составил «Примечания к журналу археологических разысканий» П. И. Хицунова. Эти «примечания» содержат 7 пунктов (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4, л. 34–35). А. Е. Люценко выразил сожаление по поводу прекращения П. И. Хицуновым исследований на Тамани. «Очень жаль, что г. Хицунов, найдя в этой местности две каменные гробницы, с одними костями скелетов, без вещей, прекратил дальнейшие... расследования». Большинство же замечаний касались раскопок кургана на Темир-Горе. Так, стены, обнаруженные в основании насыпи кургана, А. Е. Люценко определил как «каменную ограду», т. е. крепиду. По этому поводу он писал: «Стены эти, обнаруживаемые в основании курганов под насыпью их, на расстоянии 2 или 3 сажень от окружности подошвы, известны под названием не завалов, а круглых, каменных оград. Не позволяя курганной насыпи оседать и скатываться вниз, они состоят обыкновенно из двух, трех или четырех рядов больших тесаных плит известкового камня, лежащих один на другом отвесно; в некоторых же курганах, как, например, в Царском, имеют форму треугольного вала, сложенного из обломков плит, дикарных камней и мелкого щебня». В последнем, седьмом пункте, А. Е. Люценко коснулся обстоятельств своего вовлечения в процесс раскопок кургана на Темир-Горе. «Я изъявил не желание продолжать этот раскоп и доследовать открытый в нем жженый точок, а опасение, чтобы обнаруженная уже часть жженной гробницы не подверглась расхищению во время отсутствия г. Хицунова, и потому вынужден был вызваться окончить расследование, остановленное поездкой его в Таганрог».

В целом директор Керченского музея древностей благожелательно отнесся к деятельности П. И. Хицунова и высоко оценивал ее результаты. «За исключением этих маловажных неясностей, — писал А. Е. Люценко, — журнал г. Хицунова составлен довольно отчетливо. Что же касается до самих раскопок его, то из подробного описания их видно, что они произведены добросовестно и с достаточным пониманием дела» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4, л. 35).

Курган на Темир-Горе был доследован в следующем, 1870 г. Результаты раскопок отражены в «Журнале археологических разысканий» А. Е. Люценко (НА ИИМК, ф. 1, 1870, д. 23, л. 29–32). Отметим, что здесь приведены данные о размерах кургана, отличающиеся от указанных в «Журнале» П. И. Хицунова. А. Е. Люценко писал, что наибольшая высота насыпи достигала 2 1/2 саж., т. е. немногим более 5,33 м (НА ИИМК, ф. 1, 1870, д. 23, л. 29). Основные исследования памятника были проведены с 30 марта по 14 июня. В ходе этих работ были открыты центральная гробница кургана и целый ряд более поздних захоронений (*Яковенко*, 1972. С. 265). Был также исследован небольшой курган «у подошвы Темир-Горы с восточной стороны ее»; здесь была обнаружена «обложенная дикарными камнями гробница с одним остовом, лежавшим головой на восток», у ног его находился «самый простой глиняный горшок с 4-мя маленькими ушками» (л. 32).

Итоги раскопок кургана описаны в «Журнале» (НА ИИМК, ф. 1, 1870, д. 23, л. 28–33), а также кратко изложены в «Рапорте» А. Е. Люценко в Комиссию от 28 декабря 1870 г. (1870, д. 23, л. 21–22). В «Рапорте» указаны места, где проходили работы и сроки их проведения. Приведем выдержки из этого документа: «...археологические разыскания в сем году, начатые мною 5 января и прекращенные 22-го минувшего октября, произведены в следующих местностях: [...] С 30-го марта по 14-е июня. В большом кургане, на вершине так называемой Темир-Горы... и в древних пепелищах означенной горы. Расследование большого кургана на вершине Темир-Горы привело к открытию — на поверхности больших каменных завалов, лежащих в основании его, близ центра, довольно значительной четырехугольной гробницы, построенной из мелких булыжных камней на извести и оштукатуренной внутри, но уже без крыши, давно обысканной и наполненной доверху землею; под самими же завалами — 4-х небольших гробниц, сложенных небрежно из ломаного дикаря и заключавших в себя каждая по несколько человеческих остовов, лежащих в совершенном беспорядке; почти круглой, вырубленной в скалистом материке ямы с одним человеческим остовом, у ног которого найден разбитый на мелкие части глиняный кувшин, с замечательным рисунком в архаическом стиле; остатков от погребального, по-видимому, уже тронутого костра, на котором судя по найденным обломкам меча, был погребен какой-то воин, и таких же остатков другого костра, с большим числом перегорелых костей разных животных и черепков от глиняной посуды, заставляющих предполагать, что здесь была совершена тризна в память сожженной женщины, гробница которой открыта в прошлом году. В числе упомянутых выше черепков оказалось несколько, принадлежавших греческой патере, с весьма интересным и хорошего стиля рисунком. Кроме того, в насыпи означенного кургана, с южной стороны его, найдено почти полное число обломков от большого греческого кратера, с рисунком также весьма интересным, а в пепелищах, примыкающих к этому кургану, с западной его стороны, обнаружены основания стен каких-то обширных укреплений, сложенные насухо из ломаных штук дикарного камня, две глиняные статуйки, несколько монет, относящихся к Боспорскому царству, и остатки довольно хорошо сохранившейся цистерны, с которой снят точный рисунок» (л. 22). В альбоме Ф. И. Гросса, хранящемся в Научном архиве ИИМК, есть два рисунка (НА ИИМК, ф. Р I, д. 693, л. 8, 8 об.), на которых показаны раскопы у подножия кургана. На одном из них показана «цистерна», на другом — остатки лестницы и руины «башен» (рис. 34, 35).

В 1878 г. на Темир-Горе провел раскопки С. И. Веребрюсов (НА ИИМК, ф. 1, 1878, д. 16, л. 26–28; *Виноградов*, 2009. С. 305–306). В Отчете Археологической Комиссии они были названы неудачными, так как не дали никаких выразительных находок (ОАК, 1878–1879. С. XXXI). Подробнее

об этих исследованиях мы скажем ниже, в разделе, посвященном поселению у подножия кургана.

На основании данных, приведенных в отчетах, исследователи с уверенностью пишут о восьми захоронениях (одном — основном, относящемся к архаическому времени, и семи впускных, более поздних), открытых в кургане. Как мы неоднократно упоминали выше, первая реконструкция кургана на Темир-Горе как погребального комплекса принадлежала Э. В. Яковенко (*Яковенко*, 1972. С. 260–266). Позже свою интерпретацию памятника, реконструкции и датировки обнаруженных захоронений предложила Т. М. Кузнецова (*Кузнецова*, 2002. С. 81–89, рис. 1).

Понимая, что подробный анализ комплексов Темир-Горы, равно как и оценка кургана как огромного погребального памятника, требуют специального исследования, все же выскажем здесь некоторые соображения по поводу открытых здесь захоронений и отдельных вещей.

Погребальные комплексы, открытые в ходе раскопок кургана Темир-Гора

Погребениям, открытым в кургане, А. Е. Люценко дал «сплошную» нумерацию; исследователь присвоил последовательные номера всем захоронениям, открытым им в течение полевых сезонов 1869–1870 гг. Порядковые номера комплексов Темир-Горы в полевой документации следуют за номерами погребений, открытых «у татарского кладбища с правой стороны от феодосийской дороги» (НА ИИМК, ф. 1, 1870, д. 23, л. 25). Постараемся охарактеризовать открытые раскопками комплексы.

Основное погребение

Особый интерес исследователей, как правило, привлекает основное погребение кургана № 81, принадлежащее к архаическому времени. Внимание к центральному захоронению вполне объяснимо — этот комплекс чрезвычайно важен для изучения ключевых проблем региона; в их числе — облик и составляющие элементы раннескифской культуры, а также вопросы, связанные с первыми греко-варварскими взаимодействиями в Северном Причерноморье. Захоронение было совершено в округлой в плане яме, «вырубленной в скалистом основании упомянутого кургана, близ центра его» (1870, д. 23, л. 32). Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. У ног его были найдены обломки греческого сосуда, у левой руки лежали 6 костяных полых трубочек, 8 костяных грибовидных «гвоздиков», бронзовая, обернутая золотым листом колчанная застежка, подтреугольная костяная бляшка в виде свернувшегося кошачьего хищника («пантеры») и костяная головка длинноклювой хищной птицы или грифона (рис. 31).

Обломки греческого сосуда, найденные в погребении, принадлежали греческой ойнохое, украшенной фризами с росписью в ориентализирующем стиле (рис. 31, 1), изготовленной в Южной Ионии, вероятнее всего, в Милете (*Копейкина*, 1972. С. 156; *Cook, Dupont*, 1998. Р. 36, 38; *Kerschner, Schlotzhauer*, 2005. Р. 20). Впервые сосуд был подробно опубликован Б. В. Фармаковским (*Фармаковский*, 1914. С. 5–6, табл. VIII–IX). А. Е. Люценко по достоинству оценил эту находку, описав ее как «глиняный кувшин с замечательным рисунком в архаическом стиле» и отметив в описи, что «кувшин этот, которого все черепки собраны, может быть вполне реставрирован» (1870, д. 23, л. 22; 44). Расписную ойнохую из Темир-Горы, относящуюся к шедеврам греческой вазописи, датируют 640–630 гг. до н. э. (*Копейкина*, 1972. С. 56; *Cook, Dupont*, 1998. Р. 36, 38, fig. 8.5) или же, следуя хронологической системе М. Кершнера и У. Шлотцауэра, относят к фазе SiAb (650–630 гг. до н. э.) (*Kerschner, Schlotzhauer*, 2005. Р. 20, fig. 12). Дата самого погребения, вероятно, близка дате сосуда. Таким образом, основное погребение в кургане на Темир-Горе принадлежит к древнейшему «пласту» надежно датированных скифских погребений Восточной Европы. Несомненно, это захоронение принадлежало воину-аристократу (*Яковенко*, 1972. С. 265), на что указывает и факт возведения над его могилой насыпи, достаточно высокой для архаического времени. Иную, более сложную интерпретацию основного захоронения кургана предложила Т. М. Кузнецова¹⁹. Согласно ее системе взглядов, «скальная гробница на Темир-Горе была, видимо, предназначена для грека, умершего в ранний период ознакомления с Северным Причерноморьем, возможно, во время разведывательной экспедиции, связанной с обследованием районов предстоящего заселения», а позже была переиспользована для захоронения скифа; расписная ойнохоя либо входила в состав первоначального, греческого погребения либо же «была связана со скифом, сохранившим ее как “память” о пребывании в Малой Азии» (*Кузнецова*, 2002. С. 85–86).

Скифские вещи, входящие в состав погребального инвентаря центрального погребения, достаточно подробно были рассмотрены Э. В. Яковенко (*Яковенко*, 1972. С. 261–265). Она полагала, что костяные полые трубочки (рис. 31, 2) являлись частями составных древков архаических стрел (*Яковенко*, 1972. С. 262–264). Прямые аналогии этим предметам в Северном Причерноморье неизвестны. Костяные «гвоздики» (рис. 31, 3–6) исследователи относят к застежкам-скрепкам или же элементам декора архаических колчанов, достаточно широко распространенным в скифской архаической культуре (*Яковенко*, 1972. С. 262; *Черненко*, 1981. С. 33–36, рис. 20, 21). Комп-

¹⁹ Т. М. Кузнецова предложила новую, интересную и оригинальную интерпретацию захоронений в кургане на Темир-Горе и всего комплекса в целом (2002). К сожалению, в рамках данной статьи мы не можем подробно остановиться на выводах, к которым пришла исследовательница.

лексы, из которых происходят подобные находки, в тех случаях, когда они поддаются датировке, не выходят за пределы VI в. до н. э. Металлические колчаные застёжки, фланкированные золотом, встречаются реже, но также известны в архаическое время. Среди аналогий застёжке из Темир-Горы (рис. 31, 7) — находки из таких «царских» комплексов, как Литой и Келермесские курганы (Черненко, 1981. С. 37, рис. 22; Вахтина, 1991. С. 6; Ромашко, Скорый, Филимонов, 2014. С. 113–114, рис. 5, 2–8). Неизменный интерес исследователей вызывают художественные изделия в «зверином стиле», выполненные из кости: «пантера» (рис. 31, 8) и головка длинноклювой хищной птицы или грифона (рис. 31, 9), выполненная в круглой скульптуре и украшенная дополнительными изображениями (Яковенко, 1976б. С. 128–129; 1976б; Черненко, 1981. С. 14, 43; Савинов, 2012. С. 14). Обычно их считают украшениями скифского колчана или горита. Высказывалось и предположение о том, что головка грифона могла служить украшением конца парадного лука (Черненко, 1981. С. 14). Предлагались также другие интерпретации этих находок (подробнее см.: Смирнов, 2015. С. 53). Недавно Н. Ю. Смирновым была предложена другая интерпретация: оба изделия были отнесены им к элементам декора навершия и рукояти боевой плети (Смирнов, 2015. С. 54). Круг немногочисленных аналогий «пантере» и «грифону», известных ранее для Северного Причерноморья, сравнительно недавно был дополнен новыми находками. В комплексе погребения кургана 13 могильника Новозаведенное изображения пантер, чрезвычайно близкое пантере из Темир-Горы, были обнаружены на обломках блюда, изготовленного из рога (Петренко, Маслов, Канторович, 2009, рис. 10, 1); из этого же комплекса происходит костяное налучье, по стилю чрезвычайно близкое головке грифона из Темир-Горы (Петренко, Маслов, Канторович, 2000, рис. 5, 1; 2009, рис. 10, 4). Еще две костяные головки были обнаружены в материалах зольников 28 и 13 на Западном Бельском городище в лесостепном Поворсклье (Шрамко, 2015. С. 488, илл. 1, 2, 1, 2)²⁰.

Если мы обратимся к аналогиям предметов скифского вещевого комплекса, то заметим, что большая их часть сосредоточена западнее — на территориях степного и лесостепного течений Днепра, также они зафиксированы в Приазовье и Предкавказье (Вахтина, 1991. С. 7, рис. 3; 2016а. С. 14–15; Шрамко, 2015. С. 496, илл. 5). Художественные аналогии костяной бляшке в виде свернувшейся пантеры можно отметить на чрезвычайно обширной территории, вплоть до Минусинской котловины в Сибири (Киселев, 1949. Табл. XX, 8, 10). Отмечена стилистическая близость «пантеры» из Темир-Горы ряду изображений свернувшегося хищника из Майэмира, Уйгарака, Зивие и Келермеса (Смирнов, 2015. С. 51). В целом облик вещево-

²⁰ Сводку находок костяных архаических головок длинноклювой хищной птицы или грифона см.: Шрамко 2015, илл. 3,4, табл. 1 на с. 504–511. Автор интерпретирует их как налучья.

го комплекса основного погребения кургана отражает «широкий спектр культурных взаимодействий», характерный и для предшествующей фазы скифской культуры РСК-I (*Рябкова, 2015. С. 94 след.*). Примечательно, что обломки расписных закрытых греческих сосудов, близкие по стилю росписи ойнохой из Темир-Горы и, вероятно, изготовленные в той же мастерской, были обнаружены в процессе раскопок Немировского городища в лесостепном Побужье (*Копейкина, 1972. С. 156*).

Круг аналогий, связывающий этот памятник с регионом к западу от Керченского пролива, его расположение близ традиционной переправы, ведущей из Северного Причерноморья в Предкавказье, позволяет предположить, что курган был возведен над погребением «мигранта» — знатного скифа, похороненного у важного рубежа степного пути. На этот путь хорошо ложатся и некоторые другие комплексы архаического времени, чрезвычайно важные для понимания характера ранних греко-варварских взаимодействий на территории Северного Причерноморья (*Вахтина, 2016б. С. 14–17*). До сих пор представляется вполне логичным предположение о том, что курган на Темир-Горе был возведен над захоронением, совершенном на одном из важнейших традиционных «путей» походов и сезонных миграций кочевых скифов (какой-то части кочевой орды, возможно, «скифов-царских») из Приднепровья в Прикубанье, который можно реконструировать на основании анализа данных античных письменных источников (*Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005. С. 213–220*). С путем скифских миграций через Пролив связывает скифское захоронение в кургане и Т. М. Кузнецова, полагая, однако, что более ранняя греческая гробница кургана была использована для более позднего погребения во время продвижения скифов «после мидийского погрома через Кавказ и степь Северного Причерноморья на запад, происходившего в нестабильной обстановке» (*Кузнецова, 2002. С. 88*).

Впускные погребения, совершенные по обряду кремации

Чрезвычайно интересными и важными для изучения культуры скифской элиты и особенностей греко-варварских связей в конце V — начале IV в. до н. э. являются комплексы трупосожжений, выявленные раскопками П. И. Хитцунова в 1869 г. и доследованные А. Е. Люценко. Остатки первой кремации были обнаружены в северо-западной части кургана, при расчистке сложенной из камней крепиды. «Возле этой стены (т. е. кладки крепиды. — *М. В.*), на материке, оказался жженный точок. При разборе его найдены в нем попорченные огнем и ржавчиною железные и бронзовые гвозди, полусожженные человечьи и лошадиные кости, черепки от простой глиняной посуды и куски разбитого мраморного алабастрида. Более ничего тут не оказалось. После того, не разбирая пока стены, продолжали по ней, следуя к центру

уже двухсаженною шириною, — снимать верхнюю часть курганной насыпи, слегка изменив направление вправо, и затем уже приступили к разборке массивного завала. Когда его сняли и вынули землю на протяжении 6 саж. (12,80 м. — *М. В.*) до центра, то в северо-западном углу раскопа открылся угол жженного точка, не более 1/3 части одного, где в золе костра тогда же, 18-го сентября, найдена мною бульшая часть золотых женских украшений, другая же их часть открыта после, когда значительно расширен был прежний раскоп и сделана еще новая приемка (очевидно, прирезка. — *М. В.*) до 4 кв. саж. вперед и влево, вследствие чего обнаружен был не только весь сожженный точок, но захвачена была раскопом половина разоренного в центре кургана древнего склепа, в давние времена снаружи расхищенного. [...]. Жженный же точок, мною открытый, расположен неглубоко в материке на 1/2 арш. (т. е. 35,56 см. — *М. В.*). Жар обширного костра по-видимому был столь высокий, что большая часть золотого ожерелья расплавилась в шарики..., а прочие вещи из оставшихся сильно попорчены огнем, кости же скелета совершенно обратились в пепел». Далее следует подробное описание предметов, найденных при разборке точка (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4, л. 28–30). На нем заканчивается «Журнал» П. И. Хицунова.

Доследование этого участка и всего кургана в следующем году было продолжено А. Е. Люценко (1869, д. 4, л. 17–18). В своем «Рапорте» он писал об «обнаруженных у самой ограды, с двух сторон кургана, на юго-восточной и юго-западной, на скалистом материке, остатков от двух костров; № 82 и 83». Упомянув о находках обломков «от железных копий и меча»²¹, он высказал предположение о том, что первый из костров «принадлежит сожженному воину», другой представлял собой тризну «в память женщины, гробница которой была открыта в 1869 г.» (НА ИИМК, ф. 1, 1870, д. 23, л. 30).

Из двух выявленных погребений, совершенных по обряду кремации, в полевой документации лучше всего описаны остатки женского захоронения, наиболее значимые вещи из этого комплекса сохранились и в настоящее время находятся, как и все находки из Темир-Горы, в Государственном Эрмитаже. В статье Э. В. Яковенко женское сожжение описано как погребение № 83 по А. Е. Люценко, хотя уже было отмечено, что в своем «Журнале» исследователь обозначил под этим номером одно из открытых им кострищ, соотнесенных с женским захоронением (*Виноградов*, 2009. С. 291, прим. 8). Само же погребение, давшее разнообразный и интереснейший инвентарь, как бы «выпало» из его нумерации. П. И. Хицунов же не дал нумерации открытым им комплексам (см., напр., рис. 32). Вот как описаны это захоронение и найденные в нем вещи в «Отчете о действиях Императорской Археологической Комиссии в 1869 г.»: «Возлестены, на материке, оказались сле-

²¹ В описи найденных вещей А. Е. Люценко упоминает «четыре обломка от перегоревших мечей и копий», найденных «в остатках костра № 82, открытого в юго-восточной части означенного кургана на поверхности материка» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 23, л. 44).

ды сожженного тут костра, шедшие от юго-запада к северо-востоку, шириною около $1\frac{1}{2}$, длиною до $2\frac{1}{2}$ арш. (примерно $1,07 \times 1,80$ м. — *М. В.*). В золе этого костра открыты следующие, весьма изящные женские украшения, к сожалению, сильно пострадавшие от огня: пара небольших серег из дутого золота, в виде полумесяца; золотая продолговатая подвеска, украшенная рельефным узором; небольшая круглая пуговка массивного золота, покрытая сверху превосходной филигранью; части золотого ожерелья в виде желудей, прикрепленных к розеткам, с осыпавшейся эмалью; несколько круглых золотых бляшек с вытиснутой на них головой Медузы; пара массивных бронзовых браслетов из витой толстой проволоки, обтянутой листовым золотом и украшенной по концам золотыми львиными головками; перегоревший камень от перстня с резным изображением летящего орла, который в когтях держит лань; золотая дужка от перстня и принадлежавший к нему же перегоревший камень с резным изображением Аполлона, играющего на лире; две маленькие золотые пластинки, изображающие бегущего льва; три золотые миниатюрные фигуры створчатых раковин, на очень тоненьких золотых цепочках и несколько золотых, мелких листочков, служивших, вероятно, украшением одежды» (ОАК, 1869. С. XII–XIII). Вероятно, к этому погребению относятся и фрагменты краснофигурного сосуда, которые были обнаружены А. Е. Люценко во время исследования этого участка в 1870 г. и определены им как обломки кратера (НА ИИМК, ф. 1, д. 23, л. 30; *Яковенко*, 1977. С. 144, рис. 4). Не все находки из этого комплекса сохранились до наших дней: утрачены небольшие золотые бляшки, обломки пиксиды. В архиве ИИМК РАН хранится рисунок Ф. И. Гросса (НА ИИМК, ф. Р I, д. 693, л. 3 об.), на котором изображены резные камни и витой браслет с головками львов на концах (рис. 33) (*Виноградов*, 2017. С. 421, рис. 45).

Э. В. Яковенко, посвятившая погребению № 83 специальную статью, трактовала его как «погребение богатой скифянки» и датировала концом V в. до н. э. (*Яковенко*, 1977. С. 143). Кремацию, в составе которой были обнаружены остатки сожженного коня, меча и копий (№ 82), исследовательница считала захоронением «верхового “воина-слуги”, сопровождавшего погребение богатой женщины» (*Яковенко*, 1977. С. 144). Однако имеющиеся у нас данные позволяют рассматривать эти объекты скорее как остатки отдельных, хотя и близких по времени, не связанных между собой захоронений (*Виноградов*, 2009. С. 291, прим. 8; *Кузнецова*, 2002. С. 87–88). Женский вещевой комплекс, в свете современных датировок, скорее всего, правильнее будет относить к несколько более позднему периоду, чем тот, который предполагала Э. В. Яковенко. Т. М. Кузнецова датировала «богатое» женское погребение Темир-Горы рубежом V–IV вв. (*Кузнецова*, 2002. С. 88), а Ю. А. Виноградов — концом V — началом IV в. до н. э. (*Виноградов*, 2001. С. 80). Последняя точка зрения представляется нам наиболее обоснованной.

В инвентарь женского захоронения входили греческие художественные изделия (украшения, в том числе изготовленные из золота, расписная посуда), выполненные в лучших традициях античного ремесла классической эпохи. Отметим здесь лишь некоторые из них. Вставки двух перстней, принадлежавших погребенной женщине (Яковенко, 1977. С. 142–143), отличаются высокими художественными достоинствами. От первого сохранился скарабеоид в золотой оправе, на которой изображен орел, сжимающий в когтях лань (рис. 33, 1). Другой представлял собой скарабеоид в золотой подвижной оправе (рис. 33, 2). На камне изображен сидящий на шкуре юноша (возможно, Аполлон), играющий на лире (Boardman, 1970. N. 600; Яковенко, 1977. С. 143, рис. 3). О. Я. Неверов полагал, что эта гемма была выполнена знаменитым Дексаменом Хиосским (Неверов, 1973. С. 56). В остатках кремации был обнаружен фрагмент золотого ожерелья с подвесками в виде желудей (Яковенко, 1977. С. 142, рис. 2, 1), которое можно отнести к кругу «роскошных» ожерелий классического времени. Очень близкое золотое ожерелье происходит из подкурганной гробницы IV некрополя Нимфея, содержавшей погребение женщины (Vickers, 1979. P. 10, pl. XI, a–b). Эта гробница принадлежит к группе комплексов Нимфейского некрополя, для которых отмечены варварские элементы в обряде и вещевых комплексах. В состав ее инвентаря, как и погребения на Темир-Горе, входили также небольшие золотые нашивные бляшки с изображением льва (Vickers, 1979. Pl. 13a).

Из комплекса женского погребения Темир-Горы происходят бронзовые, обложенные золотым листом витые браслеты золотыми головками львов на концах (рис. 33, 3). Такие браслеты, украшенные изображениями голов, фигур животных или фантастических существ, известны в погребениях Северного Причерноморья классического времени. Браслеты с витым стержнем, изготовленным из бронзы и покрытым золотым листом, более характерны для второй половины IV в. до н. э. (см., напр.: Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986. Pl. 182, 234; Калашник, 2014. С. 104). К более раннему времени относятся браслеты, изготовленные из круглого в сечении стержня, обложенного золотом. На территории Боспора известны две пары таких браслетов из серебра, концы которых завершаются золотыми головками львов, похожими на те, которые украшали браслеты из Темир-Горы. Первая происходит из некрополя Пантикапея (Калашник, 2014. С. 80–81), вторая была обнаружена в подкурганной гробнице III некрополя Нимфея (Vickers, 1979. P. 10, pl. Xb), содержавшей также «роскошное» золотое ожерелье (Vickers, 1979. P. 10, pl. Xa). Обе пары датируются концом V — началом IV в. до н. э.

В целом набор вещей, обнаруженных в погребении № 83, отличается «высокой степенью эллинизации»; в комплексе и обряде сложно выделить выразительные «собственно скифские» черты. Это позволило Т. М. Кузнецовой усомниться в скифской принадлежности обоих сожжений, так как,

по ее мнению, по погребальному обряду они «ближе некрополям античных городов, нежели скифским памятникам» (Кузнецова, 2002. С. 84). Хотя наличие в составе инвентаря нашивных бляшек (не сохранившихся), вероятно, позволяет судить о негреческом облике одежды, в которую была облачена погребенная женщина. В пользу варварской принадлежности этого захоронения также свидетельствует то обстоятельство, что оно было совершено в насыпи скифского кургана.

На наш взгляд, наиболее близка исторической реальности точка зрения Ю. А. Виноградова, помещающего этот комплекс в ряд аристократических варварских погребений, появляющихся с V в. до н. э. неподалеку от античных центров Боспора, проводивших независимую политику. Эта традиция прослеживается в районе Киммерийского Боспора с первой половины V в. до н. э. (очевидно, со времени ближе к середине столетия) (Виноградов, 2001. С. 82–83). Среди захоронений этой группы — нимфейские курганы, курган на м. Ак-Бурун (1862), раннее погребение в кургане Куль-Оба и, что представляется наиболее интересным в связи с темой данной работы, — ранний склеп в кургане у с. Баксы. Как полагает Ю. А. Виноградов, этот склеп можно датировать, как и богатое женское погребение Темир-Горы, концом V — началом IV в. до н. э. (Виноградов, 2001. С. 80). Среди перечисленных памятников курган у с. Баксы территориально и хронологически наиболее близок кургану на Темир-Горе; оба кургана «тяготеют к району переправ через Керченский пролив, — точнее, к пути на эту переправу ... месту, овеянному традициями былых, легендарных времен, воспоминания о которых, по всей видимости, еще сохранились» (Виноградов, 2001. С. 87).

Погребения в каменных гробницах

Четыре такие гробницы (№ 77–80), содержавшие коллективные захоронения и ограбленные, очевидно, еще в древности, были обнаружены в первый сезон работ на кургане. А. Е. Люценко охарактеризовал их как «небольшие, сложенные из дикарного камня гробницы» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4, л. 44). При их расчистке был найден краснофигурный лекиф, украшенный изображением сфинкса (НА ИИМК, ф. 1, 1870, д. 69, л. 44), что позволило предположительно отнести эти комплексы к IV в. до н. э. Э. В. Яковенко полагала, что гробницы были близки подкурганым скифским склепам Восточного Крыма (Яковенко, 1972. С. 265–266). Т. М. Кузнецова, напротив, видела в них погребальные памятники, скорее всего оставленные греками и соотносившимися с античным поселением у подножия Темир-Горы, возможно в то время уже существовавшим (Кузнецова, 2002. С. 88). Такая трактовка представляется вполне вероятной. Античные погребения в каменных склепах и ящиках известны в это время на Европейском Боспоре. Так, например, неподалеку от Темир-Горы на некрополе античного

Порфмия была исследована серия склепов, содержавших повторные захоронения (очевидно, служившие семейными усыпальницами) (*Вахтина, Столяренко, 2013*). Древнейший из открытых склепов, напоминающий простой «каменный ящик», вероятно, был сооружен во второй половине IV в. до н. э. (*Вахтина, 2013. С. 77*). Однако не исключено также, что элементы погребального обряда близлежащего античного города могли восприниматься населением варварской периферии Боспора.

Склеп (?), открытый близ центра насыпи

Сложенное из камней, оштукатуренное внутри и окрашенное красной краской сооружение (№ 76), обнаруженное «близ центра насыпи, на каменных завалах» недалеко от женского погребения по обряду кремации (рис. 34), обычно считают склепом (*Яковенко, 1972. С. 261; Кузнецова, 2002. С. 88*). Действительно, каменные, оштукатуренные изнутри склепы были широко распространены в погребальной практике Боспора с I в. до н. э. Однако стоит отметить, что если П. И. Хицунов считал этот объект склепом (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4, л. 29), то А. Е. Люценко был весьма осторожен в его интерпретации. Он писал о нем как о «довольно большой, четырехугольной, с разобранным верхом постройке № 76 неизвестного назначения, стены которой были сложены из мелких булыжных камней на извести и покрыты с внутренней стороны их по слою штукатурки красною краскою»; сооружение сохранилось на 1 аршин (т. е. чуть менее чем на полметра. — *М. В.*) в высоту (НА ИИМК, ф. 1, 1870, д. 69, л. 29 об.). В любом случае наличие кладки на известняковом растворе, по всей вероятности, указывает на принадлежность этого комплекса к более позднему времени, чем другие захоронения, открытые на Темир-Горе.

Поселение у подножия кургана

И наконец, в заключение хотелось бы кратко остановиться на результатах раскопок у подножия кургана и в непосредственной от него близости. Выше упоминалось, что в 1869 г. П. И. Хицунов обнаружил к югу от Темир-Горы множество интересных находок, и, хотя и не открыл никаких строительных комплексов, предположил, что здесь существовало «древнее поселение, однородное с Пантикапейским» (НА ИИМК, ф. 1, 1869, д. 4, л. 28). А. Е. Люценко «в пепелище на юго-западной стороне кургана» обнаружил остатки, как он полагал, «укрепления или жилья» (НА ИИМК, ф. 1, 1870, д. 69, л. 31). Наиболее примечательными из открытых объектов были остатки сооружений (л. 30–32), интерпретированные как цистерна (рис. 34) и руины башен (рис. 35). Они изображены на рисунках Ф. И. Гросса (НА ИИМК, ф. Р I, д. 693, л. 8, 8 об.).

В 1878 г. на Темир-Горе провел исследования С. И. Верebrюсов. Работы шли почти месяц, с 1 по 27 сентября (НА ИИМК, ф. 1, 1878, д. 16, л. 26–28; ОАК, 1878–1879. С. XXXI; *Виноградов*, 2009. С. 305–306). В результате трех разведок на «северной окраине кургана» им была обнаружена и исследована гробница в прямоугольной яме, выкопанной в материке, содержащая «остов головою на запад, без вещей» (НА ИИМК, ф. 1, 1878, д. 16, л. 27). «Неразобранные средние части кургана, состоящие из огромной массы камней, сплоченных земляной засыпкой, были расследованы тремя поперечными разрезами, но ни гробниц, ни каких-либо древних предметов здесь не найдено» (НА ИИМК, ф. 1, 1878, д. 16, л. 27 об.). Были также заложены два раскопа на «северной покатости», один выше другого на расстоянии 8 сажен (примерно 17 м. — *М. В.*), земля здесь была выбрана до «чисто-каменистого материка», однако никаких находок обнаружено не было. Наиболее интересные результаты дали исследования «глубокого пепелища, составлявшего удлиненную насыпь» с северо-восточной стороны кургана, среди собранного материала были ручки амфор с клеймами, а также «грубое изображение Астарты из глины». К югу, «на южной покатости горы», была исследована еще одна насыпь, состоящая из слоев «глины, пепла, морских раковин и черепков посуды». При ее разборке было обнаружено большое количество керамических фрагментов, в том числе обломков рельефной посуды с орнаментом в виде гроздей винограда. В конце сентября «дождливая погода и холодные ночи побудили оставить дальнейшие расследования на Темир-Горе...» (НА ИИМК, ф. 1, 1878, д. 16, л. 27–28).

К интереснейшим случайным находкам, обнаруженным на кургане, относятся два боспорских надгробия. Одно из них (КБН, СРІВ 957, 961), было найдено 9 июня 1872 г. на северном склоне кургана (НА ИИМК, ф. 1, 1878, д. 16, л. 27 об.)²². Памятник, изготовленный из мрамора, был использован повторно. На одной его стороне изображен стоящий мужчина, слева от него — мальчик. Ниже высечена эпитафия: «Эрот, сын Кинола, прощай». Позже надгробный камень был использован как плита для ритуального стола. На ее оборотной стороне сохранилось посвящение: «Богу Асклепию, Спасителю и благодетелю поставил этот стол Стратодем, сын Менестрата». Надгробие датировано I в. н. э., а посвящение на его обратной стороне — II в. н. э. (КБН, № 957. С. 540–541). Еще одно надгробие было случайно обнаружено в августе 1876 г. (КБН, СРІВ 963). Оно изготовлено из известняка, в верхней его части изображены два всадника, ниже — эпитафия: «Макар, сын Мостия, Дионисидор, сын Макария». Надгробие относится к I–II вв. н. э. (КБН, № 963. С. 544). Оба памятника хранятся в настоящее время в Государственном Эрмитаже.

²² Эта находка и побудила С. И. Верebrюсова впоследствии разбить раскоп в предполагаемом месте ее обнаружения, что не привело, однако, ни к каким результатам.

Создается впечатление, что строительные остатки, выявленные у подножия кургана, остались недооцененными исследователями XIX в., которых, в духе того времени, гораздо больше привлекали раскопки погребальных памятников.

Памятник вызывал интерес ученых и в XX в., однако ни масштабных исследований, ни даже ограниченных раскопок на нем более не проводилось.

Обследования кургана в послереволюционное время

Следующий этап в изучении Темир-Горы связан с деятельностью Боспорской (первоначально — Керченской) археологической экспедиции ГАИМК/ЛОИА, организованной в 1933 г. (*Виноградов*, 2013. С. 169–170). В 1936 г. В. Ф. Гайдукевич обследовал курган на Темир-Горе и старые раскопы. На основе собственных наблюдений, а также анализа данных рукописных отчетов П. И. Хицунова, А. Е. Люценко и С. И. Верebrюсова он предложил достаточно достоверную картину обнаруженных на этом участке объектов (*Гайдукевич*, 1941. С. 47–59). Исследователь считал, что открытые к юго-западу от кургана остатки не дают основания для вывода о существовании здесь поселения «в широком смысле этого слова», а, вероятнее всего, здесь существовало «огромное здание площадью около 1815 кв. м» (*Гайдукевич*, 1941. С. 48, рис. 2). Скорее всего, открытый комплекс представлял собой большую укрепленную усадьбу (*villa rustica*), включавшую жилые и хозяйственные постройки. Примечательной особенностью усадьбы он считал «исключительную мощность ее внешних стен, достигавших 2,15–2,50 м в толщину», которые «должны были обеспечивать надежное укрытие в случае возможного набега» (1941. С. 58). В восточной части комплекса, где А. Е. Люценко зафиксировал цистерну (рис. 34), В. Ф. Гайдукевич предполагал существование винодельни (1941. С. 52 след.). Исследователь также придавал большое значение остаткам башен, о которых упомянул А. Е. Люценко. Одну из них, возведенную, предположительно, к западу от строения, на склоне возвышенности, он, вслед за А. Е. Люценко, считал наблюдательным пунктом. В. Ф. Гайдукевич полагал, что наиболее вероятное время существования комплекса — I–II вв. н. э., а прекращение его существования пришлось на вторую половину II — первые десятилетия III в. до н. э. (*Гайдукевич*, 1941. С. 59). Попытки обследования культурных остатков у подножия кургана предпринимались и в послевоенные годы.

В 1953 г. Боспорская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (сейчас — ИИМК РАН) под руководством В. Ф. Гайдукевича провела еще одну разведку «поселения на Темир-Горе», осуществив обследование памятника и сбор подъемного материала. Однако эти исследования не позволили

прийти к каким-либо новым выводам и очень скупо отражены в полевой документации (НА ИИМК, ф. 35, 1953, д. 45).

Краткие упоминания о Темир-Горе можно найти в «Сводной ведомости» В. В. Веселова, описывающей памятники, выявленные или обследованные им на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. Так, сообщается о том, что «На Темир-Горе, примерно в 2,5 км к юго-западу от деревни Юргаков-Кут (совр. Юркино. — *М. В.*), выявлены мощные культурные слои поселения римского времени и отчасти эллинистического» (*Веселов*, 2005, 59/51.–5. С. 21–22).

Более подробно памятник описан в рукописи — «Сообщениях» В. В. Веселова, хранящейся в архиве Восточно-Крымского историко-культурного Заповедника (ГБУ РК «ВКИКМЗ», оп. 5/34-г, л. 37–47). Рукопись содержит раздел «Древнее Боспорское поселение на Темир-Горе (для составления археологической карты восточной части Керченского полуострова)». В записях, сделанных 4 февраля 1955 г., исследователь писал: «Весной 1951 года я посетил Темир-Гору, находившуюся примерно в 2,5 километрах северо-западнее поселка Глазовки (быв. Баксы) и в 2-х километрах юго-западнее поселка Юргаков-Кут, расположенного на берегу Азовского моря. При детальном и многократном осмотре склонов Темир-Горы (в течение 51–54 гг.) я пришел к заключению, что на этой горе когда-то существовало большое Боспорское поселение.

На склонах горы, в особенности на склоне, обращенном в южную сторону, были обнаружены довольно мощные культурные слои, толщиной до 2–3 метров. Желтовато-серый культурный слой в сильной степени насыщен фрагментами амфор, кухонной посуды, створками мидий, камнями и щебенкой известняковой породы.

В бывших окопах и блиндажах, находящихся в разных местах Темир-Горы, были обнаружены остатки древней бытовой кладки на земляном растворе. Остатки кладки попадались на севере, западе и юге от разрытого “скифского” кургана. Следы древней кладки были обнаружены и на откосах той воронки, которая существует в теле огромного «скифского» кургана, раскопанного в семидесятых годах прошлого столетия директором Керченского музея А. Люценко.

В древней кладке попадаются обработанные камни довольно крупного размера: например, в бытовой кладке, обнаруженной на северном склоне горы, был встречен камень размером 1,50 × 0,30 метров (по фасаду).

По-моему мнению, П. Хицунов, производивший в 1869 г. раскопки “скифского” кургана по Темир-Горе, был прав, считая, что здесь на горе было когда-то древнее поселение. Об этом писал и Ростовцев. [...]

Древнее поселение на Темир-Горе занимало территорию порядка 6 гектаров [...] В разное время на Темир-Горе и вблизи ее мной были найдены предметы, связанные с существованием древнего поселения на этой горе.

По этим предметам до некоторой степени можно судить о времени зарождения Боспорского поселения и его исчезновения:

1. Конусообразное горлышко сосуда (лекиф) покрыто лаком оливкового цвета. Верхний раструб имеет диаметр 40 мм. Горлышко сверху частично перекрыто горизонтальным диском, имеющим в центре отверстие диаметром 16 мм.

2. В большом количестве попадаются фрагменты краснолаковой посуды: блюдец, конусных чашек и проч. На некоторых сосудах имеются наклепные фигурные ручки. Часто встречаются фрагменты посуды, покрытой коричнево-красным лаком с характерным золотистым отливом.

3. Фрагмент “мегарской” чаши розового цвета. В верхнем пояске изображены “овы” в нижней части — четырехгранные небольшие пирамидальные выступы — шишечки. Глина розовая с мелкими искринками, по-видимому, слюды.

4. Фрагменты узкогорлых амфор: конусообразные доньшки с рифлеными боками; амфорные ручки реберчатые из желтой и светло-желтой глины.

Изредка попадаются крепкие реберчатые ручки из грубой глины, почти черного цвета.

5. Гладкие амфорные ручки, овальные в поперечном сечении. На одной из ручек узкогорлого сосуда имеется часть клейма. Встречаются двуствольные ручки из желтой глины, покрытые ангобом.

6. Ножки амфоры с уширенной пяткой, причем пятка внизу не имеет конусного углубления.

7. Фрагменты статуэток, представляющие собой нижнюю часть человеческих фигурок, сидящих в кресле.

8. Фрагмент глиняного пирамидального грузила, имеющего в изломе черный цвет.

9. Редко попадаются фрагменты плоских глиняных кровельных черепиц. По всей вероятности, большинство домов древнего поселения, находившихся на Темир-Горе, имело соломенное или камышовое покрытие с глиняной смазкой.

10. Кусок крепкой штукатурки розового цвета. В состав штукатурки входит известковый песок (кусочки дробленой ракушки) и измельченная керамика. Может быть, это остатки той штукатурки, которой были покрыты стены бассейнов древней винодельни или склепа (впускная могила), открытых на Темир-Горе в прошлом столетии.

11. Фрагменты широкогорлых амфор с крупным венчиком сложного очертания.

12. Крупные фрагменты воротничков и тулова пифосов.

13. Доньшки стеклянных бокальчиков с признаками сильной иризации.

14. Отдельные куски камней кристаллической породы, по-видимому, от плоских рифленых и чашеобразных зернотерок. Порода камней темно-

серого цвета с включением мелких блестящих кристалликов. Один фрагмент зернотерки имеет зеленый цвет, причем строение породы крупнозернистое.

15. Найдена бронзовая монета. На одной стороне монеты изображена мужская голова в профиль, на другой стороне — всадник на скачущем коне. Надписи не ясны. Судя по монетам с аналогичным изображением всадника (по каталогу), найденную монету можно датировать периодом 69–133 гг. н. э. (Котис II, Рискупорид — II).

16. На одном из фрагментов сосуда имеется граффити “IA”. Глина светло-коричневая.

17. Найден фрагмент сосуда со значками, похожими на восточные письма. Глина светло-коричневая.

18. В значительном количестве встречаются фрагменты грубой кухонной лепной посуды. Глина в изломе, большей частью, серая и черная с белыми крапинками. Один фрагмент из серой глины с белыми крапинками имеет с наружной стороны желто-серый цвет. На поверхности прочерчен орнамент в виде поясков и парных косых линий между ними. На одном из фрагментов лепной посуды на венчике имеется ряд точечных углублений. На другом фрагменте имеется ряд бугорков, сделанных пальцами из валика.

19. Поднято несколько кремниевых отщепов. Изделие из кремния представляет собой ясно выраженный скребок — орудие человека эпохи бронзы.

При неоднократных рекогносцировочных обследованиях территории между Темир-Горой и берегом Азовского моря не было выявлено наличие древнего Боспорского поселения в районе нынешней деревни Юргаков-Кут. Были подняты только две гладкие амфорные ручки. Рельеф местности между Темир-Горой и Азовским морем напоминает собой огромный древний оползень или часть древней просадки. Небольшая низина перед поселком Юргаков-Кут, по всем данным, в древности была заливом Азовского моря. Этот залив с течением времени был занесен как выносами из балки, так и прибоем морских волн. Левый обрывистый берег Азовского моря (на запад от поселка Юргаков-Кут) в сильной степени дислоцирован. [...] Судя по конфигурации и рельефу местности, расположенной севернее Темир-Горы, можно полагать, что в седой древности территория, примыкавшая к берегу моря, в отношении устойчивости, не внушала большого доверия древнему человеку, и потому он предпочел селиться на Темир-Горе, имеющей в своем основании скалу.

Безусловно, население на Темир-Горе было связано с морем, о чем свидетельствует большое количество створок мидий и рыбных костей в культурных слоях. Одновременно жители этого поселения занимались и сельским хозяйством, имея посевную площадь на пологом склоне в плодородном котловане нынешнего поселения Глазовки (Баксы). Судя по находкам, древнее Боспорское поселение на Темир-Горе существовало с III в. до н. э. по IV в. н. э..

Как мы видим, В. В. Веслов предлагал более «широкие» даты существования античного поселения у подножия кургана, чем те, которые были опре-

делены В. Ф. Гайдукевичем. Напомним, что все эти предположения высказывались на основании изучения подъемных материалов, а также круга находок, полученных в дореволюционное время в процессе раскопок П. И. Хичунова. Вероятно, скорректировать эти, в общих чертах верные, предположения смогут лишь археологические исследования «поселения», проведенные на современном уровне, в ходе которых будут обнаружены жилые и хозяйственные комплексы. Возможно, такие исследования когда-нибудь будут организованы. Они позволят выявить и уточнить многое в нашем понимании древней истории восточной части Керченского полуострова, системе расселения греков в регионе, облике сельскохозяйственных поселений и, конечно же, важны для понимания греко-варварских взаимодействий.

Итак, даже краткий обзор архивных материалов, повествующих о раскопках такого сложного и интересного памятника, каким являлся курган на Темир-Горе, дает представление о нескольких эпохах в древней истории Восточного Крыма и Боспорского государства. Вне всякого сомнения, памятник этот заслуживает и ждет более полной и подробной публикации всех относящихся к нему материалов — архивных данных и находок, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

М. Ю. Вахтина (ИИМК РАН)

1.4. В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ И ИЗУЧЕНИЕ КУРГАНОВ БОСПОРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ²³

В 2016 г. исполнилось 50 лет с того дня, как Виктор Францевич Гайдукевич покинул этот мир. Время прошло немалое, в жизни нашей страны произошли огромные перемены (уже более четверти века нет Советского Союза), а это значит, что имеется возможность непредвзято оценить все достижения и недостатки советской археологической науки. Наиболее рельефно они, естественно, проявляются в трудах исследователей, занимавших лидирующие позиции в тех или иных научных направлениях. В отношении античной археологии таким лидером, безусловно, был В. Ф. Гайдукевич (о нем см.: *Виноградов*, 1987; 2004; 2005а; 2005б; 2006).

Хорошо известно, что руководящие органы нацеливали советских археологов на изучение культуры рядового населения, производителей материальных благ, в чем проявлялся чеканный лозунг революционных лет «Мир хижинам — война дворцам». Всестороннее изучение культуры правящей элиты в связи с этим отступало на второй, а, может быть, и третий план.

²³ Первый вариант статьи опубликован: *Виноградов*, 2016.

В 1930-х гг. В. Ф. Гайдукевич стал одним из активных участников изучения боспорских городов, которые в годы Императорской Археологической Комиссии исследователей почти не интересовали. Во многом благодаря этим работам Тиритака, Мирмекий, Порфмий и Илурат в наши дни стали эталонными памятниками городской культуры Боспора. В. Ф. Гайдукевич сделал также важнейший шаг в деле исследования сельских поселений Восточного Крыма. Усадьба в районе Мирмекия, систематически раскопанная под его руководством, стала одним из главных памятником такого рода. Если хотя бы на минуту представить, что жизнь Виктора Францевича в науке была сосредоточена на изучении только обозначенного круга древностей, то его вклад в отечественную археологию следует признать весьма весомым, но, к счастью, он сделал гораздо больше этого.

Все работы В. Ф. Гайдукевича на раскопках городов, городских некрополей или сельской усадьбы были теснейшим образом связаны с постижением основных проблем исторического развития Боспора с времени греческой колонизации района Керченского пролива и до крушения Боспорского царства. Виктор Францевич является единственным ученым, которому удалось подготовить и опубликовать фундаментальный труд «Боспорское царство», охватывающий всю его тысячелетнюю историю (*Гайдукевич*, 1949; *Gajdukevič*, 1971). Оба этих издания не потеряли своего научного значения и являются настоящими книгами современных исследователей Боспора Киммерийского.

Одной из особенностей истории Боспорского царства в сравнении с другими греческими государствами Северного Причерноморья является то, что здесь сложился многочисленный, богатый и влиятельный слой местной, полиэтничной в своей основе аристократии. Своеобразие аристократической субкультуры Боспора на страницах монографии В. Ф. Гайдукевича и других его публикаций нашло весьма обстоятельное освещение.

По мнению В. Ф. Гайдукевича, в процессе колонизации берегов Керченского пролива руководящие позиции принадлежали аристократии Милета. Выходцами из этой среды, как ему представлялось, были Археанактиды (*Гайдукевич*, 1949. С. 43–44; 1955. С. 100–101). Время правления Археанактидов на Боспоре, вне зависимости от нашего понимания характера их власти и размеров контролируемой ими территории, стало важным этапом в истории боспорских колоний и, соответственно, их элиты.

Важнейшим фактором, стимулировавшим дальнейший процесс формирования многочисленного слоя аристократии, конечно, было сложение Боспорского монархического государства на рубеже V–IV вв. до н. э. Во главе его встала династия Спартокидов. Виктор Францевич никогда не выражал сомнения в том, что эта династия вела свое происхождение из Фракии (*Гайдукевич*, 1949. С. 57; 1955. С. 102, прим. 2).

Вполне верной остается его мысль, что Спартокиды в своей политике опирались на греческую земледельческую и торговую знать, а также на быстро эллинизовавшуюся знать местных племен (*Гайдукевич*, 1955. С. 114–115). Элита Боспора, как представляется, не уделяла особого внимания возведению грандиозных дворцов, отделанных мрамором и украшенных произведениями лучших художников и скульпторов. Роскошные загородные виллы, по всей видимости, тоже не особенно занимали ее воображение. Показательно, что только в столице государства, Пантикапее, удалось открыть остатки дворца Спартокидов. Несравнимо более показательными в этом отношении являются погребальные памятники — знаменитые боспорские курганы, в большом количестве раскопанные на обоих берегах пролива.

Отличительной особенностью боспорской аристократической культуры, как хорошо известно, стали монументальные склепы с уступчатым перекрытием. Появление их на Боспоре, по логичному заключению В. Ф. Гайдукевича, было связано с проявлением здесь фракийского влияния, вызванного фракийским происхождением династии Спартокидов (*Гайдукевич*, 1949. С. 265–266; *Gajdukevič*, 1971. S. 271, 282–283).

В отношении уступчатых склепов следует подчеркнуть, что ни в одном из других греческих государств Северного Причерноморья ничего подобного мы не наблюдаем. Эти конструкции являются своего рода визитной карточкой Боспора. Изучению этих памятников В. Ф. Гайдукевич до конца своих дней уделял очень большое внимание, постоянно совершенствуя и детализируя свою интерпретацию. Показательно, что последней, так и не законченной работой исследователя стала монография «Уступчатые склепы» (*Гайдукевич*, 1981). В ней Виктор Францевич не просто еще раз суммировал информацию о хрестоматийно известных боспорских гробницах этого типа (Царский, Золотой, Мелек-Чесменский и др. курганы), но сделал попытку свести воедино все известные к тому времени памятники, активно используя при этом архивные материалы.

В. Ф. Гайдукевич первым в нашей науке обратил внимание на курган у села Баксы (Глазовка) и впервые опубликовал рисунок Ф. И. Гросса, изображающий открытый там склеп (*Gajdukevič*, 1971. S. 277–278, Abb. 72). Эта гробница, безусловно, имеет огромное значение для изучения боспорских уступчатых склепов, а происходящий из него комплекс находок принципиально важен для понимания своеобразия культуры боспорской элиты при ранних Спартокидах. В изучении этого кургана В. Ф. Гайдукевичу удалось сделать еще один принципиально важный шаг — в 1953 г. он провел здесь раскопки (*Пругло*, 1963; *Gajdukevič*, 1971. S. 141, Abb. 25). Обнаруженные при этом золотые бляшки, исполненные в персидском стиле, заслуживают самого серьезного внимания исследователей (см.: *Пругло*, 1963. С. 77–78; *Трейстер*, 2013. С. 350). Не исключено, что в склепе Баксинского кургана был

похоронен один из создателей государства — Сатир I (*Shefton*, 1992. P. 249; *Виноградов*, 2014в; 2014г; 2017. С. 148–153).

Детальное изучение архивных материалов позволило В. Ф. Гайдукевичу убедительно реконструировать историю возведения Золотого кургана. В нем, помимо грандиозного склепа круглой формы, как известно, были открыты два четырехугольных, меньших по размерам. В. Ф. Гайдукевич продемонстрировал, что сначала были построены четырехугольные склепы, перекрытые невысокими курганными насыпями, а уже затем была возведена круглая гробница. Только после того, как был возведен третий (круглый) склеп, весь комплекс гробниц был перекрыт единой, огромной по размерам курганной насыпью (*Гайдукевич*, 1981. С. 21). В. Ф. Гайдукевич не сделал попытки связать этот, самый большой боспорский курган IV в. до н. э., с погребением царя, имя которого известно по письменным источникам. А вот Царский курган он поначалу отождествлял с погребением Левкона I или Перисада I (*Гайдукевич*, 1949. С. 250), но потом склонился к мысли, что этот великолепный склеп принадлежал Перисаду I (*Gajdukevič*, 1971. S. 272). Последний вывод, на мой взгляд, вполне логичен, но для более основательной проработки этого вопроса следовало бы назвать курганы, в которых были погребены другие правители Боспора. Понятно, что сделать это нелегко, поскольку большинство боспорских курганов были ограблены, но по своим параметрам или по размерам погребальных конструкций некоторые из них вполне можно считать царскими (см.: *Виноградов*, 2014б; 2017. С. 145–160).

Некоторое недоумение вызывает, что В. Ф. Гайдукевич, при всем его внимании к архивным материалам, не обратил внимания на информацию о раскопках Острога (Десятого) кургана, входившего в некрополь боспорской знати Юз-Оба. Между тем его размеры и необычность обнаруженных здесь конструкций заставляют считать его царским, возможно принадлежавшим знаменитому царю Левкону I (*Виноградов*, 2014д; 2017. С. 153–156).

В. Ф. Гайдукевич решительно выступил против гипотезы В. Д. Блаватского, связывавшего происхождение боспорских уступчатых склепов со строительной традицией местных варварских племен, если говорить более определенно, — с сооружениями типа деревянных срубов или с шатровыми конструкциями (*Блаватский*, 1955). Он абсолютно обоснованно указывал, что с формально-типологической стороны между каменным склепом с уступчатым перекрытием и деревянным срубом нет ничего общего, поэтому усматривать здесь какую-то взаимосвязь невозможно (*Гайдукевич*, 1981. С. 50 след.).

В своих трудах В. Ф. Гайдукевич немалое внимание уделил проблеме полиэтничного состава боспорской элиты. Некоторые из погребальных памятников, расположенных по обеим сторонам Керченского пролива, как известно, демонстрируют весьма показательные черты варварского влияния

в обряде погребения и сопровождающем инвентаре. Наиболее известным в их ряду является курган Куль-Оба. Исследователь не сомневался в его скифской принадлежности, полагая, что в нем была открыта усыпальница некоего скифского номарха (*Гайдукевич*, 1949. С. 275–276). Из рассказа Геродота известно, что земли, подвластные кочевым скифам, делились на ряд округов, во главе каждого из них стоял номарх (*Herod. IV. 62, 66*). По мысли Виктора Францевича, знатный скиф, погребенный в кургане, был номархом крымских степей, прилегавших к границам Боспорского царства.

В отношении другого боспорского кургана, раскопанного на мысе Ак-Бурун в 1875 г., В. Ф. Гайдукевич первым указал на то, что в нем был погребен один из варварских сподвижников Евмела, вступившего в жестокую борьбу за престол со своими братьями после смерти Перисада I (*Gajdukevic*, 1971. S. 142). Специальный анализ всех имеющихся материалов об ак-бурунском погребении в полной мере подтверждает это предположение (*Бутяги, Виноградов*, 2014. С. 74–110; *Виноградов*, 2017. С. 176–182).

Еще одна заслуга В. Ф. Гайдукевича в деле изучения боспорских древностей, в должной мере пока не оцененная, но имеющая немалое значение для понимания истории боспорской аристократии, заключается в том, что он обратил внимание на факт неоднородности распределения элитных погребальных памятников в различных частях Боспорского государства. К примеру, исследователь отмечал, что к началу III в. до н. э. монументальные уступчатые склепы под Пантикапеем больше не возводились, а вот в азиатской части государства эта традиция продолжалась. Более того, гробницы этого типа здесь довольно быстро утратили строгость и простоту оформления — вход в них стал обрамляться антами, появились фронтоны и т. д. (*Гайдукевич*, 1949. С. 258–259). Исследователь отметил также, что в некрополе Пантикапея с рубежа IV–III вв. до н. э. количество богатых погребений уменьшается, и с середины III в. до н. э. они уже становятся здесь редким явлением (*Гайдукевич*, 1949. С. 278). На Таманском полуострове, однако, роскошь погребального обряда сохранилась. По каким-то причинам Виктор Францевич не сделал из этих наблюдений никаких исторических выводов, но они, на мой взгляд, позволяют считать, что элита Азиатского Боспора в III–II вв. до н. э. стала играть в жизни государства более важную роль, нежели ранее.

Среди погребальных памятников этого времени В. Ф. Гайдукевич немалое внимание уделил склепам, открытым на Васюринской горе (*Гайдукевич*, 1949. С. 293–297; *Gajdukevic*, 1971. S. 300 ff.). К сожалению, как и все исследователи того времени, он не придавал значения тому, что эти склепы по своей конструкции принадлежат особому типу, неизвестному ранее на Боспоре. Деление погребальной камеры на две неравные части, арочное перекрытие и некоторые другие детали указывают на то, что эти гробницы по своему типу восходят к македонской традиции, возможно пришедшей на Боспор через Фракию (*Виноградов*, 2014а; 2017. С. 182–196). Конечно, склеп «македонского» типа не

был перенесен на берега Керченского пролива с запада в неизменном виде, со всеми характерными для него конструктивными деталями. По верному замечанию Е. А. Савостиной, «македонская» идея, распространившись на Боспоре, получила здесь свою интерпретацию» (Савостина, 1984. С. 14).

Второй расцвет культуры Боспорского царства, пришедшийся на первые века н. э., вызывал у В. Ф. Гайдукевич очень большой научный интерес. В отношении элитных погребальных памятников этого времени он по понятным причинам особое внимание уделил расписным склепам Пантикапея (Гайдукевич, 1949. С. 400–407, 413–421; *Gajdukevic*, 1971. S. 432ff.), что вполне оправдано. Среди других элитных гробниц исследователь подробно остановился на склепе, вырубленном в скале, который был открыт на Карантинном мысу в 1834 г. В этом склепе, как известно, был обнаружен самый большой и самый роскошный мраморный саркофаг Северного Причерноморья (Саверкина, 1962; Бутягин, Виноградов, 2016). В. Ф. Гайдукевич полагал, что саркофаг был помещен в дромосе гробницы (Гайдукевич, Леви, Прушевская, 1941. С. 142–143; Гайдукевич, 1959. С. 9). Этот утвердившийся в научной литературе вывод, скорее всего, не соответствует действительности, и помещение, которое он признал дромосом, являлось главной погребальной камерой склепа (Kreuz, 2013; Виноградов, 2015; Бутягин, Виноградов, 2016).

Суммируя сказанное, следует признать, что В. Ф. Гайдукевич внес весьма значительный вклад в изучение культуры боспорской аристократии. Сделанное им, конечно, не исчерпывает всей сложности и многогранности этого выдающегося культурно-исторического явления. Научное наследие Виктора Францевича должно стимулировать современных исследователей к постоянному и неослабному продолжению работы в заданном им направлении.

Ю. А. Виноградов (ИИМК РАН)

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БОСПОРСКИХ КУРГАННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ У НИМФЕЯ, НА ТЕМИР-ГОРЕ И МЫСЕ АК-БУРУН

В данном разделе приводятся результаты изучения топографии, ландшафтного положения и степени сохранности курганных групп, располагающихся у городища Нимфей, на Темир-Горе и мысе Ак-Бурун. Исследования проводились по комплексной методике, сочетающей анализ всех доступных картографических материалов, космических снимков, архивных аэрофотографий и результатов натурных обследований с измерением геометрических параметров и точных географических координат курганов. Дополнительно проведена магнитная съемка в районе границы сельскохозяйственной территории Нимфея и курганного некрополя. Акцентируется внимание на такой особенности нимфейских курганов, как «слияние» соседних насыпей. Приводятся справки по истории изучения курганных некрополей. Отдельно рассматриваются морфологические особенности насыпей и степень сохранности курганов.

НИМФЕЙСКИЙ КУРГАННЫЙ НЕКРОПОЛЬ

Общая характеристика

Нимфейский некрополь расположен непосредственно за городищем и занимает обширную территорию в несколько десятков гектаров к югу, западу и северо-западу от древнего города. Курганы простираются цепочками и локальными скоплениями на расстоянии 2–3 км от Нимфея и делятся по своему расположению на две группы: южную и северо-западную (рис. 36, 37).

Южная группа курганов тянется по вершинам возвышенности, идущей вдоль берега моря, начиная от городища до конца возвышенности, обрывающейся за последними домами с. Героевка. Насыпи шести наиболее крупных курганов этой группы венчают вершины естественных известняковых мшанковых скал, так же как и курганы группы Юз-Оба (рис. 38, а, б). На обширном поле с запада от наиболее высоких курганов находятся курганы меньших размеров.

Курганы северо-западной группы рассеяны по степи вплоть до Чурубашского озера. Они располагаются отдельными скоплениями, цепочками или поодиночке, и в целом уступают курганам южной группы по размерам.

Кроме курганного некрополя, непосредственно за городищем находились невысокие удлиненные возвышенности в виде валов, так называемые «сплошные могильные насыпи». Как показали последующие раскопки, они содержали по нескольку погребений (Силантьева, 1959. С. 5).

Степень сохранности и исследованности

В XIX в. некрополь Нимфея большей частью находился в имении Эльтиген помещиков Гурьевых, которое затем перешло другим владельцам — Новиковым. Это были частные земли, и контролировать ситуацию на них местные власти и Императорская Археологическая Комиссия не могли (Силантьева, 1959. С. 11–12; Виноградов, 2012. С. 122). Раскопки здесь велись по заданию помещиков крестьянами, либо такая возможность предоставлялась на откуп желающим заняться поисками древностей. Иногда тем же занимались сами крестьяне на принадлежавших им участках земли. Именно они впервые привлекли внимание к местным древностям, раскопав в конце 1866 г. курган с каменной гробницей, где нашли небольшие украшения из золота и резную цилиндрическую печать (*Археологический вестник*, 1867. С. 93; ОАК, 1868. Табл. I, № 1–3). На следующий год к хищническим раскопкам курганов подключился керченский мещанин Иван Меркулабов, который с согласия собственника земли — крестьянина Ивана Ерохина разграбил два погребальных комплекса, доследованных в том же году директором Керченского музея А. Е. Люценко (НА ИИМК РАН, 1867, д. 11, л. 11). Вскоре через него начались переговоры между Императорской Археологической Комиссией и помещицей Гурьевой о производстве в Эльтигене раскопок на регулярной основе. Несмотря на усилия А. Е. Люценко, в цене сойтись не удалось, поскольку запрашиваемых 3000 рублей у музея не было. Зато прусский кладоискатель Франц Биллер оказался более расторопным и купил себе право на «изучение» нимфейского некрополя. Найденные им вещи были проданы за границу и в итоге оказались в Ашмолеан музее Оксфорда. В 1884 г. эта коллекция была издана Е. А. Гарднером (*Gardner*, 1884. P. 62–73, pl. XLVI–XLVII), а спустя почти сто лет тщательно изучена и переиздана М. Викерсом (*Vickers*, 1979).

Первые научные исследования на территории, прилегающей к Нимфею, проводились Императорской Археологической Комиссией на протяжении всего четырех лет: в 1876–1877 гг. — под руководством А. Е. Люценко и Н. П. Кондакова, а в 1878–1880 гг. — С. И. Веребрюсова. В результате были раскопаны 50 курганов, 2 катакомбы и 111 грунтовых погребений. Из них

наиболее интересными оказались подкурганные мужские погребения с оружием и золотыми украшениями, сопровождавшиеся захоронениями коней. Материалы этих исследований, далеко несовершенных с точки зрения полевой методики и фиксации, а также составленная Н. П. Кондаковым первая топографическая схема городища и некрополя (рис. 39) были опубликованы Л. Ф. Силантьевой (1959. С. 5–107).

После завершения в 1880 г. работ Императорской Археологической Комиссии новый хозяин имения Эльтиген помещик А. В. Новиков (1843–1916) занялся самостоятельными раскопками, позволившими составить большую, но, к сожалению, «беспаспортную», коллекцию керамики, стеклянных сосудов, терракот и гипсовых наклепов от саркофагов. В итоге почти вся она была приобретена Императорским Эрмитажем в 1900 г. (Грач, 1999. С. 179), и лишь несколько надгробий А. В. Новиков передал в Керченский музей.

Позднее серьезный урон местность в районе Нимфея понесла во время Великой Отечественной войны, когда по краю береговой возвышенности были устроены окопы, блиндажи и укрепленные огневые точки, а многие курганы использовались как временные укрепления (рис. 40).

В 1973–1978 гг. Нимфейской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Н. Л. Грач проводились масштабные исследования грунтового некрополя. Всего были открыты 254 погребения в хронологическом диапазоне от середины VI в. до н. э. до первой трети IV в. н. э. и следы раннесредневекового поселения салтово-маяцкой культуры (Грач, 1999. С. 179–181). Тогда же был составлен план расположения курганов в пределах некрополя (рис. 41). Учитывались только близлежащая территория на расстоянии 4 км к западу и югу от северного края Нимфейского плато. Всего были нанесены на карту и измерены 71 курган (Грач, 1999. С. 175, 311, табл. 179), хотя необходимо отметить, что в условиях отсутствия точной топографической основы, иногда их трудно идентифицировать на местности. При размещении данной схемы курганного могильника на современной топографической карте масштаба 1 : 5000 (рис. 6) заметны некоторые смещения обозначенных на ней курганов относительно возвышенностей.

В 2013 г. экспедицией «CREDO» была проведена детальная инструментальная съемка ближайшей к городищу части некрополя, в масштабе 1 : 500. В 2014 г. А. П. Пигин составил карту на основе данных этой съемки и данных спутниковых снимков (рис. 5). На этой карте детально показаны места старых раскопок («Аллея склепов»), отвалы, места, изрытые грабителями, военные окопы и укрепленные позиции.

В настоящее время все поля вокруг курганов распахиваются. Охранные зоны имеют только наиболее крупные и заметные курганы. Множество мелких насыпей ежегодно страдают от вспашки.

Обследование курганного некрополя в 2015 г.

Несмотря на многочисленные повреждения, которые претерпели курганы, в настоящее время на распаханых полях все еще возвышаются цепочки, группы и одиночные насыпи, самые крупные из которых расположены на склоне южного хребта, тянущегося вдоль берега моря (рис. 38, б). Как уже упоминалось, в XIX в. хорошо прослеживался и грунтовой могильник в виде так называемых «сплошных могильных насыпей». Очевидно, они были рассеяны по всему полю, занимаемому некрополем, но в настоящее время почти исчезли с лица земли в результате ежегодно проводившейся здесь распахки в течение более чем столетия.

В июне 2015 г. были проведены натурные обследования курганов северо-западной и южной группы Нимфейского некрополя. Во время пеших разведок измерялись точные географические координаты курганов, делались описания внешнего вида насыпей, степени их сохранности, фотофиксация; с помощью цифрового альтиметра измерялись высота курганов, а с помощью лазерного дальномера и рулеток — диаметр насыпей и расстояние между курганами. Все курганы имеют земляные насыпи.

Полученные данные относительно точного местоположения насыпей были использованы для помещения курганов на современную топографическую карту масштаба 1 : 5000 (рис. 43) и на космический снимок, датированный 7 октября 2011 г. (рис. 44, 45). В ходе анализа полученного материала учитывались все доступные детальные топографические карты и планы местности. Нумерация обследованных курганов приведена на рис. 8–10. Приведем далее описание их современного состояния.

Курган 0. Находится у дороги, ведущей в пос. Героевка, с южной ее стороны. Высота насыпи 3,4 м, диаметр 33 м. Середина кургана изрыта нелегальными раскопами, грабителями и окопами военного времени. С западной стороны к этому кургану примыкает небольшой курган, сильно поврежденный окопом. Курганы 0, 1, 16 и 17, возможно, располагались вдоль древней дороги, ведущей в Нимфей, которая просматривается на космическом снимке в виде темной линии (отмечена цифрой «2» на рис. 44).

Курган 1. Соседствует с предыдущим курганом, находится в 33 м к западу от него. Высота кургана 2,4 м, диаметр 27 м. Восточная и западная части насыпи очень сильно повреждены прямоугольными ямами. Вокруг полы кургана с северной и западной частей проходит окоп.

Курганы группы 2 находятся в 80 м к юго-западу от кургана 0. Группа состоит, вероятно, из трех небольших курганов, высоты которых не более 1,6 м, насыпи очень сильно повреждены военными окопами.

Курганы 0–2 находятся на общем нераспахиваемом «островке», который, однако, имеет минимально возможные размеры. Распахка подходит вплотную к полам курганов и повреждает их, что, безусловно, недопустимо.

Курган 3. Курган с длинной, вытянутой в направлении запад — восток насыпью, размеры которой 35 × 15 м. Высота кургана 1,6 м. Не охраняется и ежегодно распаивается.

Курган 4. Крупный курган высотой 2,7 м. Размеры овальной насыпи 40 × 29 м. Вершина повреждена в северо-восточной части грабительской ямой и окопом, проходящим через всю верхнюю часть кургана.

Этот курган является крупнейшим в цепочке из 7 курганов, следующих по наиболее возвышенной напольной части местности, примыкающей к прибрежному склону (рис. 43, 46). Насыпь кургана не распаивается, однако поле подходит слишком близко к полам кургана.

Курганы 5, 5а и 6 — небольшие курганы, идущие в ряд вдоль кромки склона. Курган 5а — невысокий (0,8 м), относительно широкополюй курган. Диаметр насыпи 21 м. Небольшая грабительская яма в северо-восточной части. Ежегодно распаивается.

Курган 5 имеет высоту 1,2 м, диаметр 19–21 м. По вершине кургана проходит военный окоп.

Курган 6. Очень маленький курган высотой всего 0,8 м, диаметром 12 м. Изрыт окопами военного времени. Расстояние между соседними курганами 5 и 6 — 33 м.

Курган 7. Находится на расстоянии 24 м от соседнего кургана 6. Имеет средней величины насыпь высотой 1,2 м, диаметром 24 м. По вершине проходит глубокий окоп.

Курган 8. Отстоит от кургана 7 на расстоянии 34 м. Высота насыпи 0,8 м, диаметр 24 м. В средней части находится грабительская яма.

Курган 9. Находится на расстоянии 58 м от предыдущего. Крупный курган высотой 2,4 м с овальной в плане насыпью размерами 24 × 17 м. Курган имеет уплощенную вершину. Он «закрывает» группу из курганов 4–9.

Следующая курганная группа, состоящая из насыпей 10 и 11, отстоит от кургана 9 на расстоянии 124 м.

Курган 10. Курган высотой 1,5 м образовался, возможно, от слияния двух насыпей. Его форма вытянутая, размерами 31 × 15 м. Очень сильно изрыт грабительскими ямами и окопами.

Курган 11. Насыпь высотой около 2 м, имеет удлиненную форму. У кургана устроен окоп.

Доследующей курганной группы, состоящей из трех насыпей (12–14), 154 м. Возможно, что эти курганы стояли вдоль предполагаемой древней дороги, следующей по дну небольшого, ныне распаханного, оврага (см. 3 на рис. 44, 45).

Курган 12 — самый крупный в этой группе. Он имеет высоту 2,5 м и диаметр 32 м. На его вершине находятся три большие грабительские ямы.

Курган 13 — находится в 25 м к западу от предыдущего. Его высота несколько меньше — всего 1,1 м, диаметр 21 м. Насыпь кургана сильно пострадала — на вершине две большие ямы.

Курган 14 — примерно таких же размеров, как и курган 13: высота насыпи 1,1 м, диаметр 24 м. Его насыпь изрыта глубокими окопами военного времени.

Вся цепочка курганов 4–14 находится на «островке» нераспахиваемой почвы.

Последний из рассмотренных курганов (15), расположенных вдоль линии едва заметной вершины той же возвышенности, находится на расстоянии 223 м от кургана 14.

Курган 15 довольно крупный, имеет высоту 1,8 м, диаметр насыпи 35 м. Курган почти не имеет видимых повреждений.

Перейдем теперь к описанию курганов и курганных групп, находящихся в напольной части, к западу от рассмотренной цепочки курганов.

Показательна и любопытна группа курганов 18а–23 (рис. 46). Насыпи в этой группе расположены очень тесно. Восточная часть группы состоит практически из одной сплошной насыпи, длина которой превышает 54 м, ширина составляет 18 м. Высота насыпи в разных ее частях разная, от 2,4 до 2,8 м. Она очень сильно изрыта глубокими ямами и, вероятно, окопом военного времени.

Завершает эту группу с юга крупный курган 21 высотой 3,5 м, диаметром 29 м. На вершине кургана несколько больших грабительских ям, а с северо-западной стороны в насыпь врезался окоп.

С западной стороны от длинной насыпи находятся еще два небольших кургана.

Курган 22 высотой всего 0,3 м и диаметром 18,5 м. Его поверхность задернована, и насыпь едва различима.

Курган 23 несколько больше, высотой 0,5 м, диаметром 19 м. На поверхности выступают несколько камней, поверхность задернована и почти не повреждена.

В 185 м к северу от этой группы находится плохо различимая широкая насыпь кургана 17а высотой всего около 0,5 м. Этот курган год от года распаивается, поэтому почти совсем исчез с поверхности.

Далее на север, в 120 м от этого кургана, находится еще один очень широкий и неповрежденный курган 17. Его высота 0,8 м, диаметр не менее 40 м. Возможно, он относится к эпохе бронзы.

В 50 м к западу от предыдущего располагается большой курган 16 с довольно крутыми склонам. Его высота не менее 2 м, диаметр 22 м. На вершине — грабительские ямы. Курган находится сейчас у перекрестка дорог, одна из которых ведет из Керчи в п. Челябиново, а вторая — в п. Героевка.

Перейдем теперь к характеристике курганов, находящихся к западу от городища. Здесь курганы пострадали от грабительских раскопок и военных разрушений больше всего. От крупной курганной группы, находящейся в 600 м к северо-западу от границы города и в 360 м к северу от дороги

на п. Героевка, остались только несколько значительных, но очень сильно изрытых и бесформенных курганов, слившихся в единую насыпь (см. № 24–28 на рис. 8, 9). Курган 27 высотой не менее 2,5, диаметром 27 м находится к западу от этой группы.

Необходимо сказать несколько слов о прибрежной группе курганов, идущих по кромке возвышенности, довольно круто обрывающейся к морю.

Курганы, располагающиеся к юго-западу от памятника десанту («Парус»), в настоящее время настолько изрыты, что представляют собой бесформенные нагромождения земли, камня, щебня, и скорее напоминают каменоломни, чем курганы (рис. 38, б). В районе самого памятника «Парус» сохранился довольно большой курган высотой 2,5 м, диаметром 25 м, однако и он поврежден грабительскими ямами.

* * *

Курганы, окружающие древнее городище Нимфей, вероятно, относятся к разным эпохам: от бронзового века до эллинистического времени. Курганы эпохи бронзы имеют наиболее пологие склоны и широкие полы. Не исключено, что курганы более позднего времени насыпались поверх курганов бронзового века. Прибрежная цепочка курганов к юго-западу от Нимфея имеет сходный принцип воздвижения насыпей с курганами группы Юз-Оба: так же как и в последней, курганы насыпались поверх естественных выходов мшанковых известняковых останцов (*Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012*). Наиболее яркой особенностью нимфейских курганов является их тесное расположение в группах, так, что часто насыпи сливаются друг с другом. Явление высокой концентрации курганов в окрестностях античного города Нимфея, так же как и у других античных городов — Пантикапея, Керкинитиды, необходимо специально изучать с точки зрения греко-варварских взаимоотношений на периферии античного мира.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ТЕМИР-ГОРЫ

Примерно в 8 км северо-востоку от Керчи, на вершине Темир-горы (или горы Темировой, крымско-татарское название — Темир-Оба) (рис. 47–49), находится знаменитый курган, известный прежде всего тем, что в нем был найден один из древнейших в Крыму предметов греческого импорта — родосско-ионийская ойнохоя VII в. до н. э.

Название Темир-Оба переводится с тюркского как «кузнец-гора» или «железный холм». Высота горы достигает 154 м над уровнем моря; это одна из наиболее значительных возвышенностей восточной части Керченского п-ва. Темир-гора и соседние ее холмы представляют собой остатки иско-

паемого рифа, сложенного мшанковыми известняками (рис. 50). Гора Темирова является одной из нескольких локальных вершин мшанковых известняков, находящихся на изогнутом возвышенном краю бывшего атолла (рис. 16). Этот гребень представляет собой северную границу Баксинской котловины (Андрусов, 1893. С. 173), к которой приурочено так называемое Баксинское месторождение железной руды, где толщина пластов достигает нескольких десятков метров, и эти руды содержат до 5 % марганца. Неподалеку на поверхность земли выходят слои железной руды, что, возможно, и способствовало такому названию — «железный холм».

Вся вершина Темир-горы в настоящее время представляет собой изрытое пространство. В древности на вершине Темир-горы был воздвигнут курган высотой около 6 м, диаметром около 160 м, скрывающий несколько разновременных погребений. В вырубленной в скале могиле среди прочего инвентаря в 1869 г. П. Хицуновым была найдена упоминавшаяся уже родосско-ионийская ойнохоя VII в. до н. э. (Гайдукевич, 1941. С. 45, 46). Исследователь также отмечал наличие на вершине горы культурных отложений, характерных для поселения. В 1870 г. А. Е. Люценко, директором Керченского музея, в восточной части Темир-горы было раскопано огромное здание, площадью 1815 кв. м с исключительно мощными внешними стенами, достигающими 2,15–2,50 м. В восточной части здания открыта винодельня (Гайдукевич, 1941. С. 53), свидетельствующая о том, что неподалеку от этой усадьбы должны были в древности находиться виноградники. Исследования 1878 г. Веребрюсова не дало новых данных об других постройках на Темир-горе. В. Ф. Гайдукевич, тщательно изучивший все дошедшие до нас свидетельства об открытом сооружении, пришел к выводу, что оно представляло собой укрепленный сельский жилой дом, *villa rustica*. Жители его занимались сельским хозяйством и в случае опасности могли укрыться за мощными стенами своего дома (Гайдукевич, 1941. С. 58, 59). На основании монетных находок эта усадьба датируется I–II вв. н. э. — второй половиной II — первыми десятилетиями III в. н. э., но возможно, она была возведена еще в эллинистическое время.

Как показывает проведенный с помощью программы MapInfo и ее приложения Vertical Mapper анализ прямой видимости (*viewshed analysis*), с вершины горы открывается широкий вид на все окружающие окрестности, долину к югу, на весь пролив, а также и на Керчь (древний Пантикапей) (рис. 52). Поэтому кажется неслучайным выбор этого места для возведения на нем кургана и укрепленной сельскохозяйственной усадьбы, откуда была возможность наблюдать все окрестности, изменяющуюся обстановку и передвижения по долине, видеть столицу — Пантикапей и отслеживать пути кораблей, идущих по проливу.

При рассмотрении г. Темировой на архивных аэрофотоснимках 1943 г. и 1972 гг. мы заметили интересную особенность окружающей местности.

Вся она, вплоть до мыса Тархан на берегу Азовского моря, оказалась размежеванной на систему равных прямоугольных участков размерами 335 × 378 м с более частым внутренним делением (Смекалова, Смекалов, 2005. С. 37–38, рис. 7). На немецком трофейном аэрофотоснимке от 19 ноября 1943 г. (рис. 53) кадастровые границы видны особенно четко. Они также заметны на аэрофотоснимке 1972 г. (рис. 54) и на космическом снимке Digital Globe от 7 октября 2011 г. Эта система полей была нами детально изучена и прослежена в нескольких частях Керченского п-ва (Масленников, Смекалова, 2005; Смекалова, Смекалов, 2005).

Первоначально нами было высказано предположение, что данное размежевание относится к античной эпохе, однако сейчас мы склоняемся к тому, что эта система была создана в XIX в. Подобная кадастровая система существовала и в Северо-Западном Крыму, где, как нам удалось показать, она относилась ко второй половине XIX в. (Смекалова, Кутайсов, 2013. С. 160–161, рис. 3.32, 3.33). Точно датировать межевую систему у Темир-горы пока не представляется возможным, но в настоящее время, благодаря изображению плана старинного хутора у подножья Темир-горы на полуверстовой карте и аэрофотоснимке 1943 г., мы получили новые данные для определения верхней даты существования этой системы. Дело в том, что система земельных участков, как это хорошо видно на аэрофотоснимке 1943 г., проходит **под** остатками хутора, располагавшегося на южном склоне г. Темировой (рис. 53). Этот хутор в тех же границах отмечен на полуверстовой карте 1895 г. (рис. 20), а также и на рисунке Ф. И. Гросса 1870 г. Следовательно, система прямоугольных участков возникла до 1870 г. К античному времени этот кадастр относиться, вероятно, не может, поскольку межевые границы проходят по всей вершине Темир-горы, «не замечая» древнегреческой усадьбы, находящейся на ее вершине.

КУРГАНЫ НА МЫСЕ АК-БУРУН. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Далеко выдающийся в море скалистый мыс Ак-Бурун замыкает с юга Керченскую бухту (рис. 56). С него открывается широкая панорама на весь Керченский пролив (рис. 57). Геологически и географически он связан с тянущимся в широтном направлении на много километров холмистым гребнем, вершины которого увенчаны знаменитыми могильными насыпями Юз-Оба (Виноградов и др., 2012). Курганы на мысе Ак-Бурун являются восточным окончанием этого могильника, прекрасно показанного на карте и 1857 г. (съёмка полковника Бетева 1837 г.) (рис. 58). Согласно этой карте, на мысе Ак-Бурун находилось семь крупных и две малых насыпи, однако, по свидетельству Э. Г. Муральта 1850 г., на «мысу Белом» было до тридцати

курганов, несколько из которых содержали склепы с уступчатым перекрытием (*Муральт*, 1850. С. 311). Возможно, исследователь имел в виду южную, возвышенную, часть Ак-Буруна, примыкающую к Павловскому мысу, на которой действительно находилось большое число курганов, показанных еще на «Карте с показанием границы, отведенной к г. Еникале и Керчи» 1775 г. (рис. 59). К сожалению, мы ничего не знаем об этих многочисленных захоронениях, и до наших дней дошло описание только некоторых из наиболее крупных курганов, располагающихся в мысовой части.

На «Плане местности у Павловского мыса и Ак-Буруна с показанием выстроенных и предполагаемых к постройке фортификационных сооружений» 1857 г. в пределах крепости в мысовой части отмечены 5 курганов (рис. 25). Интересно, что раскопки в этих курганах первыми начали англичане во время оккупации Керчи в годы Крымской войны в 1855–1856 гг. (*McPherson*, 1857. P. 57; *Бутягин, Виноградов*, 2014. С. 19–22), но более широкие исследования курганов на мысе Ак-Бурун связаны, конечно, с возведением здесь с 1857 по 1877 г. Керченской крепости. Так, в 1858 г. были найдены и описаны захоронения в Павловском кургане, в 1862 г. — конская гробница, в 1870 г. — гробница, упоминавшаяся А. А. Люценко, в 1874 г. «один из Ак-Бурунских курганов», в 1875 г. — так называемый Ак-Бурунский курган (*Стародубцев*, 2004). К сожалению, во время фортификационных работ курганные насыпи подвергались разрушениям, так как мешали строительству крепости. Существовало даже мнение, что все курганы были уничтожены, что трудно было проверить, так как с середины XIX в. по 2003 г. крепость была закрытым военным объектом. В настоящее время доступ на территорию крепости открыт для исследователей и для посетителей: Керченская крепость стала частью Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

Цель наших исследований — определить местонахождения сохранившихся в мысовой части крепости курганов или их частей, зафиксировать их положение с помощью прецизионной топографической съемки в точных географических координатах и попробовать идентифицировать с раскопанными курганами. Но прежде необходимо выяснить: сколько же здесь было открыто курганов и где примерно они располагались?

Раньше других был раскопан так называемый пятый Ак-Бурунский курган. Его основную гробницу в виде грунтовой ямы, борта которой были обложены камнем, а перекрытие состояло из деревянных плах, начали исследовать еще англичане в 1855–1856 гг. В этом кургане в 1862 г. А. Е. Люценко обнаружил конское захоронение с богатым уздечным набором, датирующимся не позднее середины V в. до н. э. (*Яковенко*, 1970. С. 59; 1974. С. 105) или второй половиной V в. до н. э. (*Piotrovsky, Galanina, Grach*, 1986. Pl. 92). Этот курган стоит особняком по отношению к другим Юз-Обинским курганам, так как он был воздвигнут намного раньше всех остальных (*Виноградов*, 2016. С. 87, 90).

Третий Ак-Бурунский курган (1875) содержал два погребения, наиболее известным из которых стала кремация знатного воина, совершенная в простой грунтовой яме, перекрытой кровельными черепицами, с большим количеством золотых предметов (Виноградов, 1993; Бутягин, Виноградов, 2014. С. 53–110). Особенно хорошо известен «шлем» (Виноградов, 2016, рис. 9); но помимо него были также найдены: золотое ожерелье (Там же, рис. 10, 3), золотой перстень с железной вставкой (Там же, рис. 10, 4), поясная застежка в виде птички, части золотого венка, две золотые ворворки, большое количество предметов вооружения, золотых бляшек. Весь комплекс датируется концом IV — началом III в. до н. э. по находке панафинейской амфоры и золотого статера Александра Македонского. Возможно, Третий курган на мысе Ак-Бурун является самым поздней насыпью всего некрополя Юз-Оба (Виноградов, 2016. С. 91).

В кургане, именуемом в литературе «одним из Ак-Бурунских», в 1874 г. было открыто богатое впускное захоронение в виде небольшой каменной гробницы, в которой находилось две урны, одна из которых — с человеческим прахом и целым набором золотых предметов: монета Лисимаха, отчеканенная в городе Византии, бусина с зернью, наконечник ножен кинжала с каменными вставками, две фибулы и т. д. Погребение могло быть совершено во второй половине I в. до н. э. (Бутягин, Виноградов, 2014. С. 48) либо при Митридате Пергамском (47 г. до н. э.), либо при Полемоне I (14–8 гг. до н. э.) (Щукин, 1989. С. 68; Бутягин, Виноградов, 2014. С. 46–52).

В 2017 г. нами была проведена прецизионная топографическая съемка у самой оконечности мыса, там, где, по преданию, располагался пятый Ак-Бурунский курган, а также на двух насыпях, находящихся в 300 м к западу от него (рис. 61). Геодезические измерения проводились с помощью дифференциального GPS приемника TRIMBLE R8 (рис. 62), в качестве базовой точки был выбран государственный триангуляционный пункт, находящийся на самом крайнем Ак-Бурунском кургане, на оконечности мыса.

Результаты топосъемки показывают, что курган, находящийся на самом мысу (рис. 61, 1), полностью разрушен. Остатки его насыпи высотой не более 1,8 м имеют в плане неправильную подтреугольную вытянутую форму (рис. 63, 64), в ней зияют три огромные ямы неправильной формы. Эти разрушения являются результатом оборудования здесь, на вершине древнего кургана, отдельной батареи, защищенной рвом. Это фортификационное сооружение было воздвигнуто здесь союзными войсками во время осады Керчи в период Крымской войны. По мнению Ю. А. Виноградова, основная гробница кургана была открыта тогда же англичанами; она представляла собой грунтовую яму со стенами, обложенными камнем (Виноградов, 2016. С. 87). Позднее, в 1862 г., А. Е. Люценко обнаружил здесь уже упомянутый скифский уздечный набор, украшенный изображениями в зверином стиле. Этот курган, вероятно, является наиболее ранним среди всех Юз-Обинских (Виноградов, 2016. С. 90).

На двух других курганообразных насыпях, расположенных в 300 м к западу от мыса (рис. 61, 2), нами также была проведена топографическая съемка с помощью дифференциального GPS (рис. 65, 66). Эти два кургана находятся по обе стороны современной асфальтовой дороги, ведущей к мысу.

Высота обеих возвышенностей примерно одинаковая — около 6 м, но в плане они выглядят по-разному. Северный холм является капониром, он имеет почти круглую в плане форму и диаметр по основанию — 30 × 25 м. Южный холм имеет овальную в плане форму, его размеры у подошвы — 40 × 55 м. Для того чтобы идентифицировать эти две насыпи с древними курганами, мы совместили план мысовой части крепости 1857 г. с современной топографической картой (рис. 67, а, б). На этом рисунке цифрой 1 обозначен курган на мысу, а цифрами 2 и 2а — пара насыпей, заснятая нами с помощью дифференциального GPS-приемника. Из рассмотрения наложения плана хорошо заметно, что южный холм, находящийся на вершине длинного гребня Ак-Буруна (рис. 67, 2) совпадает с четвертым по счету от моря курганом, изображенным на плане 1857 г., в то время как северное всхолмление (рис. 67, 2а) не помечено на этом плане.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что только одна из заснятых нами насыпей, южная, является курганом, но гораздо сложнее идентифицировать ее с каким-либо из раскопанных курганов. Это не может быть «третий» Ак-Бурунский курган, так как, учитывая, что общепринятое число курганов в период строительства крепости было 5, тогда «третий» должен был занимать среднее положение. Поскольку наш курган является четвертым от мыса, он мог быть только либо «одним из Ак-Бурунских» курганов 1874 г., в котором было совершено впускное захоронение, либо о его исследовании нам ничего не известно.

Заключая, отметим, что, несмотря на то что все перечисленные в данной заметке курганы были раскопаны еще в XIX в., их исследование ни в коем случае нельзя считать законченным. Многие насыпи до сих пор содержат в себе ценную информацию, которая, при надлежащем подходе с применением всего арсенала доступных в настоящее время современных естественно-научно-археологических методов, могут дать бесценные сведения о прошедших эпохах.

Т. Н. Смекалова

*(Крымский федеральный университет, Симферополь;
НИЦ «Курчатовский институт», Москва);*

В. А. Горончаровский (ИИМК РАН);

Ю. Л. Белик

(Восточно-Крымский историко-археологический заповедник, Керчь)

Глава 3

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ БОСПОРСКИХ КУРГАНОВ

□ архивные материалы и проблемы интерпретации □

3.1. ГРОБНИЦЫ 1, 2 И 6 В НЕКРОПОЛЕ НИМФЕЯ

Эпоха Археанактидов, правивших на Боспоре с 480/479 до 438/37 г. до н. э., почти не оставила нам ярких погребальных комплексов. Некрополь Пантикапея этого времени выглядит достаточно скромно; как правило, самые «богатые» из известных захоронений этого времени представляют собой простые грунтовые могилы, иногда обложенные сырцовыми кирпичами, либо «жженые точки», содержавшие дорогие привозные сосуды.

На этом фоне гробницы, открытые на некрополе Нимфея (*Силантьева*, 1959. С. 22 след.), представляются достаточно интересными, а их инвентарь — многочисленным и разнообразным. Самые «богатые» погребения нимфейского некрополя были обнаружены в курганах, содержавших конские захоронения и предметы конской упряжи. Их относят к группе погребений, в которых представлены как греческие, так и варварские элементы обряда и предметы погребального инвентаря. Самые ранние захоронения относятся к V в. до н. э. (*Силантьева*, 1959. С. 56 след.). Материалы из них хранятся в Государственном Эрмитаже. Вещи из шести нимфейских гробниц, раскопанных в 1868 г. Францем Биллером, поступили в Ашмолеан музей в Оксфорде (*Силантьева*, 1959. С. 10; *Vickers*, 1979; 1997. P. 7; 2002). Часть нимфейских древностей была передана туда в 80-х гг. XIX в. В. Сименсом, курировавшим работы по прокладке участка линии «индоевропейского телеграфа», которая должна была пройти через Керченский пролив (*Vickers*, 1979. P. 7–8; 2002. P. 5–6).

Следует отметить, что исследования Нимфея были затруднены тем, что древний город и его некрополь располагались на частных и общинных землях — помещичьих и крестьянских. Официальных договоренностей о раскопках было сложно достичь, что, однако, не мешало кладоискателям разрывать захоронения в поисках дорогих и редких вещей (*Силантьева*, 1959. С. 7–8). Особенного размаха деятельность грабителей достигла в 60-х гг. XIX в. Это не могло не вызывать беспокойства директора Керченского Музея древностей А. Е. Люценко. В 1867 г. он провел на некрополе

Нимфея первые раскопки, доследовав два кургана, погребения которых были разрушены грабителями (НА ИИМК, ф. 1, 1867, д. 11, л. 11, 102; *Силантьева*, 1959. С. 8–9). Сохранилось письмо к А. Е. Люценко от помещицы Е. Ц. Гурьевой, владевшей значительной частью земель, на которой располагались древние памятники, с предложением выкупить у нее право на раскопки (НА ИИМК, ф. 1, 1867, д. 11, л. 55–56). Это побудило А. Е. Люценко обратиться с рапортом в Императорскую Археологическую Комиссию с просьбой о выделении средств для проведения раскопок на землях «вдовы подполковницы Екатерины Цезаревны Гурьевой, владеющей в Феодосийском уезде значительною частью земли, известной под названием селения Эльтиген», которая предложила «раскопать весь древний Нимфеон» за «единовременную выплату из казны трехтысяч рублей» (НА ИИМК, ф. 1, 1867, д. 11, л. 53). К сожалению, просьба эта была отклонена. Позже А. Е. Люценко удавалось заключать договоренности с собственниками земельных угодий. Так, например, в 1878 г. он получил право за 125 руб. «расследовать 3 больших кургана и 7 меньшей величины в течение двух лет» на общественном крестьянском выгоне (НА ИИМК, ф. 1, 1878, д. 16, л. 2–3).

Пока же грабительские раскопки в Эльтигене продолжались. 24 апреля 1869 г. А. Е. Люценко направил рапорт в Археологическую Комиссию, к которому приложил «...опись рисункам, снятым художником Гроссом из числа замечательных древних вещей, найденных в сем году вольнопромышленником Францем Биллером и его товарищем в гробницах, открытых им в курганах села Эльтиген (древний Нимфеон), к сему считаю долгом присовокупить, что ни я, ни помощник мой не были приглашены к присутствованию при вскрытии упомянутых гробниц в сел. Эльтиген и что в изрядных количествах сделанных там находок заключается много вещей, очевидно, поломанных вскрывателями при неосторожном с ними обращении, и таких, которые имеются уже в Эрмитажном собрании, а потому мы сочли бесполезным снимать с них рисунки...». «К сожалению, владельцы этих находок, подстрекаемые местными спекулянтами в Керчи, Одессе и Херсоне, придают им чрезвычайно высокое значение и надеются сбывать их не разделяя в одни руки за 3000 рублей. Находя эту цену несообразною с числом и редкостью найденных вещей, я решил не приобретать их и ограничился одними верными снимками (имеются в виду рисунки. — *М. В.*) с лучших находок. Впрочем, говорят, что Биллер и его товарищ, занятые какою-то другою спекуляцией, отложили дальнейшую раскопку курганов в с. Эльтиген до осени нынешнего года» (НА ИИМК, 1867, ф. 1, д. 11, л. 101). Трудно сейчас понять, что побудило директора Керченского музея не испрашивать у Комиссии средства для того, чтобы выкупить эти вещи. Возможно, слишком свежи были воспоминания об отказе в той же сумме в 3 тыс. рублей на «раскопки всего Нимфеона». В описи, приложенной к рапорту А. Е. Люценко, упоминаются

и художественные изделия из раскопок Ф. Биллера, речь о которых пойдет ниже: под номером 1 значится золотое кольцо с выгравированным на щитке изображением сфинкса, под номером 2 — «бронзовая литая бляха от кушака», а под номером 8 — «бронзовый позолоченный шлем» (НА ИИМК, ф. 1, 1867, д. 11, л. 102).

Через много лет после описанных выше событий нимфейские материалы из Ашмолеан музея и сохранившиеся описания раскопок были систематизированы и изданы М. Викерсом (*Vickers*, 1979; 2002), проделавшим огромную работу по реконструкции комплексов, атрибуции и датировке вещей. Благодаря этим публикациям материалы элитных нимфейских гробниц были введены в научный оборот, однако, на наш взгляд, они довольно редко привлекают внимание отечественных исследователей и недостаточно ими оценены. Рассмотрим более подробно комплексы гробниц 1, 2 и 6 некрополя Нимфея¹, относящиеся к V в. до н. э. (см. также: *Вахтина*, 2015; 2016). Первая из них содержала парное погребение, две другие — одиночные захоронения.

Гробницу 1 М. Вickers назвал «захоронением воина и женщины» (*Vickers*, 1979. P. 9). Оно было совершено под довольно высокой насыпью (высота ее составляла 7,25 м), в гробнице, сложенной из грубо обработанных плит местного известняка, обнаруженной на глубине 0,60 м ниже уровня поверхности в юго-восточной части кургана (*Vickers*, 1979. Fig. 1). Она была ориентирована по оси запад-восток. Выше верхнего ряда камней обнаружены скелеты лошади и собаки. Захоронение содержало мужской и женский костяки, от которых в настоящее время сохранились лишь мужской череп и нижняя челюсть. Череп принадлежал мужчине 25–35 лет (*Vickers*, 1979. P. 35, pl. Пс; 2002. P. 14, pl. 1, 2). Интересной его особенностью является трещина в лобовой части, которая, однако, не была причиной смерти. Возможно, она являлась следствием боевого ранения, от которого удалось успешно излечиться. Челюсть с остатками зубов принадлежала женщине (*Vickers*, 1979. P. 35, pl. Пд; 2002. Pl. 1, 2). Кратко рассмотрим найденные в гробнице вещи, которые можно связать с мужским и женским захоронениями.

С инвентарем мужского погребения **гробницы 1** соотносятся:

1. Набор стрел (вероятно, от несохранившегося колчанного набора), включавших 22 бронзовые и один костяной наконечник стрел (*Vickers*, 1979. Pl. Па–b; 2002. Pl. 2) (рис. 68, 1).

2. Вероятно, к этому захоронению принадлежали бронзовый шлем (*Vickers*, 1979. Pl. Ia–c; 2002. Pl. 1) (рис. 68, 2). Е. В. Черненко отнес его к иллирийской группе, отметив, что шлемы этого типа часто встречаются на территории

¹Нумерация комплексов дана по *Vickers*, 1979; 2002. В английских публикациях использованы римские цифры — I, II и VI, которые в настоящем издании заменены арабскими.

Венгрии и на Балканах (большая часть находок связана с территорией бывш. Югославии) (Черненко, 1968. С. 93).

К женскому вещевому комплексу принадлежали:

1. Электровое кольцо (Vickers, 1979. Pl. XVIIIa, fig. 12–13);

2. Пара золотых ладьевидных серег («калачиков») (Vickers, 1979. Pl. IIIa; 2002. Pl. 3). Один конец каждой серьги оформлен в виде головки грифона архаического облика (рис. 69, 1a–б). Тип серег-калачиков (или ладьевидных серег) был широко распространен в Греции и на Переднем Востоке с VII в. до н. э.; после основания греческих поселений известен и в варварском мире Северного Причерноморья, где он бытовал до конца скифской эпохи (Скржинская, 1986. С. 122–114; Мартынов, 1997. С. 38). Однако, украшение в виде головок грифонов на серьгах этого типа чрезвычайно редки. Все экземпляры, декорированные головками грифонов, связаны с территорией Северного Причерноморья. Кроме экземпляров из нимфейской гробницы, подобный декор известен только для еще двух пар серег. Одна из них была найдена в комплексе кургана 3 у с. Дорт-Оба на левом берегу р. Салгир в центральной части Крыма (Петренко, 1978. С. 107, табл. 19, 10, 10a; Мартынов, 1997. С. 36–37; Алексеев, 2012. С. 124–125; Колтухов, Сенаторов, 2014. С. 68, рис. 1, 2), другая обнаружена в составе женского погребения скифского кургана 6 у с. Балабанов в Молдавии, датированном IV в. до н. э. (Чеботаренко, 1973, рис. 7, 8). С. Г. Колтухов и С. Н. Сенаторов полагают, что погребение в кургане 3 Дорт-Обы может быть поставлено «в один ряд с небольшой серией богатых женских захоронений V–IV вв. до н. э. из степной Скифии», причем, по их мнению, серьги с головками грифонов из этого захоронения были изготовлены во второй половине V в. до н. э. и достаточно долго использовались, прежде чем попасть в комплекс погребения (Колтухов, Сенаторов, 2014. С. 72). Ту же особенность «длительного ношения» можно отметить и для подвесок из Балабан, которые были сделаны задолго до того, как попали в погребение.

3. Небольшие нашивные бляшки в виде фигурок зайцев (84 экз.) (Vickers, 1979. Pl. IVb–c; 2002. Pl. 5) (рис. 69, 2). Изображения этого животного известны в скифском искусстве (Полидович, Вольная, 2005). А. Р. Канторович в своей фундаментальной классификации отнес изображения на бляшках из Нимфея к типу, который он назвал «бельским». В похожей манере трактованы золотые бляшки из комплекса кургана 1 (23)/2001 могильника Перещепино I, исследовавшегося недалеко от западных оборонительных сооружений Бельского городища в лесостепном Приднепровье, который датируется временем около середины V в. до н. э. (Кулатова, Супруненко, 2010. С. 67. Табл. 2, 6). А. Р. Канторович, отметивший, что трактовка образа животного на этих бляшках «не находит себе близких аналогий в рамках звериного стиля, данный тип композиционно сходен с модулем припавшего к земле хищника в скифском искусстве», датировал нимфейские бляшки

с изображением зайца 475–425 гг. до н. э. (с учетом наиболее вероятной даты комплекса гробницы) (*Канторович*, 2015. С. 840–841).

4. Бронзовое зеркало (*Vickers*, 1979. Pl. IIIb; 2002. Pl. 4, 2) с гравированной пальметкой у основания ручки (рис. 69, 3). Согласно классификации З. А. Билимович, это зеркало можно отнести к типу плоских «пелопоннесских» зеркал, производившихся в конце VI–V вв. до н. э. и получивших широкое распространение в Северном Причерноморье (*Билимович*, 1976. С. 41–42). На двухчастных зеркалах классического времени часто встречается орнамент в виде пальметки с волютами, помещенной у выступа, крепившегося к ручке. С первой половины V в. до н. э. зеркала, украшенные подобным образом, распространяются в Северном Причерноморье (*Билимович*, 1973. С. 44).

5. Аттический краснофигурный лекиф с изображением зайца (*Vickers*, 1979. Pl. IVa, fig. 2; 2002. Pl. 4, 1) (рис. 2, 4). Изображение зайца на лекифе как бы повторяет сюжет, представленный на бляшках, возможно усиливая его семантическое значение. Форма и стилистические особенности декора позволили М. Викерсу датировать этот сосуд концом V в. до н. э. (*Vickers*, 2002. P. 20). Вероятно, к этому времени относится и весь комплекс гробницы № 1.

Кроме этих вещей, в состав женского вещевого комплекса входили предметы, не сохранившиеся до наших дней: золотое ожерелье с подвесками в виде орехов и два мраморных алабастра. В гробнице также были найдены фрагменты шкуры, шерстяной ткани, орехи. Среди органических остатков была и морская губка, как и в нимфейском кургане 17 (*Силантьева*, 1959. С. 71). Особенно интересен фрагмент шерстяной ткани высокого качества, что позволило высказать предположение о том, что она была произведена в Милете, метрополии многих боспорских колоний, славившегося своими тонкорунными овцами (*Vickers*, 2002. P. 24, pl. 6).

Таким образом, в нимфейской гробнице 1 погребение воина-аристократа сопровождало «богатое» женское захоронение. Судя по нашивным бляшкам, и особенно серьгам-калачикам, украшенным изображениями грифонов, аналогии которым «уводят» нас в варварский мир Северного Причерноморья, женщина, вероятнее всего, была в негреческой одежде, или же ее убранство включало весьма выразительные элементы, подчеркивающие ее связь с туземной средой. Это позволяет предположить, что и мужчина, и женщина, останки которых обнаружены в гробнице 1, вышли из туземной среды Северного Причерноморья.

Гробница 2 содержала женское захоронение. Она была обнаружена под насыпью кургана высотой 6,45 м (*Vickers*, 1979. P. 10), устройство ее, очевидно, сходно с гробницей 1. Гробница 2, в которой сохранились остатки деревянного гроба, располагалась в восточной части кургана на древней дневной поверхности. Погребенная здесь женщина лежала головой на восток, на шее

у нее было золотое ожерелье (рис. 70, 2), состоящее из бусин в виде головок барана (Vickers, 1979. Pl. VIa; 2002. Pl. 7, 1). Несомненно, ожерелье было изготовлено греческим мастером, хотя близкие аналогии составлявшим его приплюснутым с боков стилизованным бараньим головкам в круге произведений античной торевтики классического времени обнаружить не удается. Некоторое сходство в трактовке морды животных можно видеть на подвесках-букралиях в центральной части ожерелий 500–400 гг. до н. э. из Восточной Греции (Higgins, 1980. Pl. 26, верхнее изображение). Среди произведений, обнаруженных в Северном Причерноморье, нимфейским бусам, наиболее близки, на наш взгляд, изображения, представленные на нашивных бляшках из II Семибратнего кургана, датированные 450–425 гг. до н. э. (Уильямс, Огден, 1995. С. 30, рис. 73).

На плечах погребенной женщины были найдены круглые золотые застежки (рис. 70, 3, 3а), очевидно скреплявшие одежду (Vickers, 1979. Pl. VIId; 2002. Pl. 7, 3), на левой руке — золотое кольцо с изображением сфинкса (рис. 70, 1) (Vickers, 1979. Pl. VIb; 2002. Pl. 7, 2). Судя по полевой документации, к этому комплексу, вероятно, относились два аттических краснофигурных аска (рис. 70, 4, 5) (Vickers, 1979. Pl. VIIa–b; VIIIa; 2002. Pl. VIII), а также чернофигурные скифосы (рис. 70, 7, 8) и лекана (рис. 70, 6) (Vickers, 1979. Pl. VIIIb, IXa–c; 2002. Pl. 9–10). Скифосы датируются в пределах первой половины V в. до н. э. (Vickers, 2002. P. 30), а лекана — 430–420 гг. до н. э. (Vickers, 2002. P. 31). Очевидно, захоронение можно датировать третьей четвертью V в. до н. э.

На первый взгляд комплекс гробницы 2 кажется более «эллинизированным» по сравнению с набором вещей из гробницы 1. Однако этому впечатлению противоречит надпись, процарапанная на дне одного из скифосов: Αχαξήζ (рис. 3, 8а), по всей вероятности обозначающая имя владелицы сосуда. Написанное по-гречески, имя это, с наибольшей степенью вероятности, является варварским (Тохтасьев, 2015. С. 890). И это сразу же ставит под сомнение возможную трактовку комплекса как погребения гречанки. Учитывая особенности обряда (подкурганное захоронение), погребение в гробнице 2 можно также трактовать как элитное погребение скифянки, хотя, возможно, более «эллинизированной», чем та, что была захоронена в гробнице 1.

В этой связи уместно будет вспомнить еще об одном погребении «богатой скифянки», инвентарь которой также демонстрирует «высокую степень эллинизации» — захоронении конца V — начала IV в. до н. э. в кургане Темир-Гора к северо-востоку от современной Керчи (Яковенко, 1977), речь о котором шла в предыдущей главе книги. В состав этого погребения, совершенного по обряду сожжения, входили золотые украшения, античная керамика, бронзовое зеркало, а также два перстня с резными камнями греческого производства, причем вставка одного из них (Boardman, 1970. N 600)

была, возможно, изготовлена в мастерской Дексамена Хиосского (*Неверов, 1973. С. 56*).

Подводя некоторые итоги сказанному выше, придется признать высокую степень эллинизации, присущую в первую очередь варварским женским погребальным комплексам эпохи Археанактидов, выявленных на территории Боспорского царства. Трудно выработать какие-то критерии в определении этнической принадлежности довольно немногочисленных женских захоронений этого времени. Однако, по-видимому, решающая роль при попытках этнической интерпретации принадлежит, в первую очередь, особенностям погребального обряда и топографии памятников.

Гробница 6 была интерпретирована М. Викерсом как «гробница воина» (*Vickers, 1979. P. 10*). Обнаруженный в ней мужской костяк лежал головой на восток. К сопровождающему инвентарю относились:

1. Золотая шейная гривна (*Vickers, 1979. Pl. XVa; 2002. Pl. 18, 1*), украшение, характерное для скифской элиты (рис. 71, 1). Еще одна похожая золотая гривна происходит из нимфейского кургана 24 (*Силантьева, 1959, рис. 24, 1*). Согласно классификации Е. Г. Петренко, гривна из гробницы 6 (как и найденная в кургане 24) относится к первому типу I отдела (*Петренко, 1978. С. 42*). Исследовательница отметила, что в целом в эпоху скифской архаики и классики находки гривен в погребениях достаточно редки. Так, в своей сводке для конца VI—V вв. до н. э. она привела всего 10 находок, причем 9 из них изготовлены из золота, а одна — из железного прута, обернутого золотым листом. В архаическое время гривны известны лишь в Лесостепи, но с конца VI в. начинают распространяться в Крыму и Прикубанье. В. Г. Петренко полагала, что в конце VI—V вв. до н. э. гривны «...уже окончательно становятся принадлежностью только тех погребений, где похоронены были мужчины-воины, представители богатейшей всаднической верхушки» (1978. С. 41).

2. Остатки чешуйчатого панциря (*Vickers, 1979. Pl. XVb–c; 2002. Pl. 17, 1*) (рис. 71, 2). По Е. В. Черненко, панцирь относится к группе кожаных панцирей, усиленных пластинчатым набором, широко распространенных в Северном Причерноморье с эпохи поздней архаики (*Черненко, 1968. С. 19 след.*).

3. На ногах погребенного были поножи, от которых сохранились 13 длинных бронзовых пластин, частично накладывавшихся друг на друга и в древности крепившихся на кожаную основу (*Vickers, 1979. Pl. XVIb; 2002. Pl. 17, 2*) (рис. 71, 4). Остатки поножей из гробницы были детально исследованы Е. В. Черненко и датированы в пределах второй половины V в. до н. э. (1968. С. 117–119, рис. 62). Он также отметил, что поножи этого типа известны на территории Восточной Европы с середины V в. до н. э., однако наибольшее распространение получили в IV–III вв. Нимфейские поножи, по Е. В. Черненко, принадлежат к немногочисленной группе наиболее ранних находок, включающей всего 3 экз.

4. Нагрудное украшение в виде массивной бронзовой бляхи в виде стилизованной головы лося (*Vickers*, 1979. Pl. XVIa; 2002. Pl. 16) (рис. 71, 3), по видимому служившее нагрудным украшением панциря (*Черненко*, 1970. С. 195, рис. 3). Подобные украшения доспехов известны по материалам скифских аристократических погребений и изображениям на каменных изваяниях (*Черненко*, 1968. С. 36–37; 1970. С. 194–195). Похожее изображение лося представлено на бляшке, служившей украшением конской сбруи, из нимфейского кургана 1/1978 (*Силантьева*, 1959, рис. 47, 5). Размеры нагрудного украшения из гробницы 1 некрополя Нимфея впечатляют — длина бляхи составляет 11,6 см, высота 8,3 см.

Выразительность и тщательная проработка деталей изображения позволяют отнести это украшение к выдающимся памятникам скифской торевтики раннеклассического времени. Манера передачи образа животного близка изображениям на бронзовых бляшках — украшениях конской упряжи из скифских курганов лесостепи: кургана у с. Грищенцы (*Галанина*, 1977. С. 53, табл. 31, 5), Журовских курганов (*Piotrovsky, Galanina, Grach*, 1986. Pl. 62, 64). Изображения лося встречаются и в курганах степной зоны, например на бляшке из кургана у Мариуполя (*Мурзин*, 1984, рис. 9, 3). По манере изображения бляшки в виде головы лося из нимфейской гробницы 6, на наш взгляд, наиболее близка бляшка из кургана у с. Грищенцы (курган Тарновского) на лесостепном Левобережье (*Галанина*, 1977. Табл. 31, 5). У лося на бляшке из кургана у с. Грищенцы, как и у лося из Нимфея, такая же массивная оконечность морды, загнутая вниз почти под прямым углом, один из завитков-«рогов», обращенный в сторону пасти, украшен композицией «глаз и клюв» в стиле зооморфных превращений. Вместе с тем глаз у нимфейского лося, в отличие от «канонических» скифских изображений лося эпохи поздней архаики, не круглый, а миндалевидный. Подобным образом глаз трактован на ряде изделий в зверином стиле V в. до н. э., обнаруженных в захоронениях варварской знати вблизи греческих центров, например на бляшке в виде оленя из кургана № 5 на м. Ак-Бурун близ Керчи (*Piotrovsky, Galanina, Grach*, 1986. Fig. 92). Подобную трактовку можно увидеть и на вещах в «зверином стиле», происходящих из погребений в «контактных зонах», вероятно созданных под влиянием античного искусства, например в комплексах Семибратних курганов (*Ibid.* Pl. 86–89; 94). Рог, стилизованный в виде завитка, идущего к пасти животного и заканчивающегося птичьей головкой, украшен «рубчиками». Этот орнаментальный прием характерен для изображений животных на изделиях V в. до н. э., выполненных в русле «греко-скифского» искусства. Его можно увидеть на бляхах в виде оленей из Ак-Мечетского кургана (*Ibid.* Pl. 101), курганов у с. Ильичево (*Лесков*, 1968, рис. 1) и Куль-Оба (*Piotrovsky, Galanina, Grach*, 1986. Pl. 213), на бронзовой бляхе в виде хищника из Кулаковского кургана (*Ibid.* Pl. 61). Хотя изображения, при создании которых был использован этот декоративный

прием, известны в это время и в степи, например на бляхе из кургана у с. Ковалевка Николаевской обл. (*Мурзин*, 1984. С. 41, рис. 24). А. Р. Канторович в своем исследовании, в разделе, посвященном редуцированным изображениям лося, отнес бляху из гробницы 6 некрополя Нимфея к типу 3, который назвал «нимфейско-семибратним», и определил время его бытования в пределах V в. до н. э. (*Канторович*, 2015. С. 340).

Бронзовая бляха в виде головы лося, найденная в гробнице 6 нимфейского некрополя уникальна по своим размерам, а также по способу использования. Напомним, что она служила нагрудным украшением боевого доспеха. Нимфейская бляха как бы представляет собой увеличенную «копию» бляшек, широко использовавшихся в скифском мире для украшения парадной сбруи боевого коня. Как нам представляется, можно высказать осторожное предположение о возможном соотношении этой вещи с комплексом идей, связанных акцентированием культурной принадлежности. Известны многочисленные примеры, рассказывающие о том, каким образом люди, живущие длительное время чуждом им культурным и этническим окружении, стремятся сохранить память о своих «корнях». Часто они подчеркивают свое происхождение при помощи определенных атрибутов, в качестве которых могут выступать характерные (обычно утрированные) элементы костюма, вооружения, определенного вида украшения и другие вещи, важные для культурной самоидентификации. В этой связи хочется вспомнить еще об одной находке, возможно, также призванной выполнять (в числе прочих) и функцию «культурного маркера» — знаменитую золотую бляху в виде оленя с подогнутыми ногами из кургана Куль-Оба (*Артамонов*, 1968. С. 13; *Королькова, Алексеев*, 1994. С. 103 след., рис. 1, 1). Неисключена возможность, что нимфейская бляха также была изготовлена по специальному заказу в одной из боспорских мастерских.

5. М. Викерс отнес к погребению в гробнице 6 бронзовый черпак (рис. 71, 5), датированный концом V в. до н. э., длинная ручка которого заканчивается изображением лебединой головки (2002. P. 50, pl. 19, 1). Похожие черпаки с ручками, имевшими такие же окончания, происходят из курганов 24 и 17 нимфейского некрополя (*Силантьева*, 1959, рис. 34, 1; 35, 39, 4). Подобные черпаки встречаются в комплексах северопричерноморских некрополей V в. до н. э. Возможно, эти находки стоит рассматривать и в качестве хроноиндикаторов. В числе комплексов, в которых были обнаружены черпаки с длинными ручками, увенчанными изображениями лебединых головок, упомянем погребение 15 некрополя Китея (*Молев, Шестаков*, 1991. С. 83, рис. 6, 5), погребение в кургане неподалеку от Кеп, раскопанный Н. П. Кондаковым в 1880 г. (ОАК, 1880. С. XII), 2-й Семибратний курган (*Артамонов*, 1966. С. 36–37), погребения в некрополях на м. Тузла (*Шкорпил*, 1911. С. 65–66, 70). Известны они и в комплексах Ольвийского некрополя классического времени (*Козуб*, 1974, рис. 28).

Судя по описанию вещей, обнаруженных в гробнице б, в ногах погребенного лежали коррозированные остатки меча. Вероятно, к этому комплексу принадлежали и три чернофигурных сосуда — две патеры и чаша на высокой ножке (Vickers, 1979. Р. 10–11).

Даже самый общий обзор комплексов, хранящихся в Ашмолеан музее, показывает их чрезвычайную близость материалам из гробниц нимфейского некрополя, хранящимся в Эрмитаже. Эти гробницы, содержавшие богатые вещевые наборы, в состав которых входили золотые украшения, оружие, расписная столовая керамика, несомненно, можно отнести к погребениям знати, т. е. представителей аристократической прослойки местного общества. Обычно рассмотренные выше комплексы относят к погребениям «с местными (т. е. варварскими. — М. В.) чертами обряда» (Силантьева, 1959. С. 51). Справедливо отмечается и сочетание в них черт обряда и элементов погребального инвентаря, характерного, с одной стороны, для греков Северного Причерноморья, а с другой — для варваров-скифов, занимавших господствующее положение в регионе (Виноградов, 2005. С. 245 след., Зинченко, 2001. С. 121). Эти гробницы были возведены на территории некрополя античного города, что в свое время позволило Н. Л. Грачу прийти к выводу о том, что «эволюция греко-варварских контактов в Нимфейском регионе Боспора происходила по восходящей линии. Уже в V в. до н. э. местная аристократия играла заметную, если не ведущую роль в жизни города» (Грач, 1999. С. 31).

О роли этих «местных элементов» в жизни греческой общины Нимфея мы, конечно же, можем лишь строить предположения. Неясно также, кем являлись женщины, сопровождавшие мужские захоронения в парных погребениях. Они могли быть как гречанками, соединившими свои судьбы с воинами-аристократами, выходцами из варварской среды, так и представительницами местных племен.

В V в. до н. э. по курганные захоронения, сопровождавшиеся конскими гробницами и содержавшие вещи скифского облика, проявляются и в окрестностях греческих центров. Ярким примером такого захоронения может служить погребение в кургане 5 на м. Ак-Бурун к югу от Пантикапея, датированного второй-третьей четвертями V в. до н. э. (Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012. С. 115 след.; Бутягин, Виноградов, 2014. С. 19 след.).

Ю. А. Виноградов отметил, что в эпоху Археанактидов погребения варварской аристократии появляются в непосредственной близости от таких центров, как Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса и Кепы (Виноградов, 2005. С. 246–248). Он полагает, что это явление отражает не только результат и тенденции общей ситуации во взаимодействиях между греками и варварами на Боспоре в эпоху Археанактидов, но также может рассматриваться как следствие целенаправленной политики конкретных греческих

центров. Греческие города, в окрестностях которых группировались курганы, очевидно, проводили независимую внешнюю политику, в том числе и по отношению к «степи». В сфере греко-варварских взаимодействий Нимфей, очевидно, играл достаточно активную роль. Комплексы, обнаруженные в процессе раскопок его некрополя, еще раз подчеркивают своеобразие и особый путь развития этого полиса.

М. Ю. Вахтина (ИИМК РАН)

3.2. СКЛЕП ДЕМЕТРЫ В КЕРЧИ □ по материалам Научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа □²

Склеп Деметры в Керчи — уникальный памятник погребальной архитектуры и декоративной фресковой живописи Боспора, оставленный нам классической культурой Северного Причерноморья³. Важное значение этого археологического комплекса неоспоримо, так как это единственный расписной склеп, сохранивший до наших дней свою живопись, хотя многие мифологические сцены можно воссоздать теперь только по архивным иллюстративным материалам. Снимки керченского фотографа Е. Ф. Кеппеля 1910 г., рисунки талантливого художника М. В. Фармаковского 1908 г. и план технолога С. Соколова 1911 г. опубликованы М. И. Ростовцевым в 1913 и 1914 г. (*Ростовцев*, 1913. Табл. XVI–XIX) и неоднократно затем переизданы⁴, вместе с тем более ранние копии, сделанные в 1896 г., все еще не введены

² Разделы статьи, посвященные открытию и истории приобретения склепа, подготовлены при финансовой поддержке РФФИ (Отделение общественных и гуманитарных наук), проект № 16-21-41002 «Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского. От графической фиксации к фотографии». Впервые частично опубликовано: *Медведева*, 2016. С. 111–117. Описание склепа, погребального инвентаря и хронологии подготовлены по проекту РГНФ № 15-31-10151 «Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности европейского Боспора» и по проекту РГНФ № 15-31-10162 «Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев (по неопубликованным материалам Научных архивов Института истории материальной культуры РАН, Государственного Эрмитажа, крымских научных учреждений и историко-культурных заповедников)». Впервые частично опубликовано: *Шаров*, 2016. С. 319–334.

³ Статья не претендует на всеобъемлющую публикацию материалов, связанных с историей открытия, исследования склепа и на полный анализ всех типов погребального инвентаря. В данной статье вводятся в научный оборот новые материалы, полученные в результате работы с документальными собраниями научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа. Полная обработка и публикация всех материалов склепа Деметры является делом будущих исследований.

⁴ Подробно история открытия и изучения склепа, архитектура склепа, фресковая живопись рассмотрена в коллективной монографии «Склеп Деметры» (*Зинько*, 2009), там же дана вся обширная литература. В рецензии Н. Ф. Федосеева на эту монографию приводятся

в широкий научный оборот. Находки, происходящие из склепа, до сих пор не изданы целиком, остается открытым вопрос о количестве погребенных, о хронологии комплексов и составе погребального инвентаря.

История открытия

Склеп Деметры получил свое современное название не сразу. Первое описание катакомбы дал в своем докладе на заседании Одесского общества истории и древностей в марте 1896 г. В. В. Шкорпил — в то время хранитель Мелек-Чесменского кургана, неподалеку от которого и была обнаружена гробница. В своем сообщении он определил ее как «катакомба, открытая в начале прошлого года на Глинище, в Керчи» (*Шкорпил*, 1896. С. 56–57). В газете «Московские новости» от 10 апреля 1896 г. в заметке, сообщавшей о блестящем открытии расписного склепа в Керчи, она названа «Катакомба с фресками» (*Зинько*, 2009. С. 26; НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 38, л. 5). В телеграммах и рапортах К. Е. Думберга, направленных в Императорскую Археологическую Комиссию, директор Керченского музея древностей применял иные эпитеты: «склеп с замечательными фресками», «катакомба Зайцевой» (*Зинько*, 2009. С. 17–19) или «склеп во дворе Зайцевой» (НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 58, л. 147 об.). В документах финансовой отчетности по оплате труда фотографа и художника, скопировавших росписи катакомбы в 1896 г., фигурирует «склеп, открытый во дворе мещанина Зайцева» или «склеп во дворе Зайцевой» (НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 58, л. 50, 114 об.). М. И. Ростовцев в работе о керченской декоративной живописи именовал склеп по-разному, но так или иначе, как и все остальные, связывал его с именем Зайцевой: «в 1895 году во дворе мещанки Зайцевой найден был склеп», далее в тексте — «склеп Зайцевой» или «склеп в усадьбе Зайцевой» (*Ростовцев*, 1906. С. 218, 223, 228), а в публикации памятника в 1913–1914 гг. назвал его «Склеп, открытый в 1895 году во дворе мещ. Зайцевой на Глинище» (*Ростовцев*, 1914. С. 199).

Свое нынешнее название «склеп Деметры» (сначала «склеп с изображением Деметры») памятник первоначально приобрел в документах служебной переписки Керченского музея и Императорской Археологической Комиссии в 1902–1904 гг. (НА ИИМК, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 32, л. 134, 205 и др.), а окончательно такое наименование закрепилось за ним уже в послереволюционный период (см.: *Федосеев*, 2011. С. 496). В научной литературе современное название появилось при Ю. Ю. Марти, который в изданиях Керченского музея, выпущенных в 1926 г. — «Путеводителе по Керченскому музею» и «Сто лет Керченскому музею», официально закрепил за этим уникальным памятником название «Склеп Деметры» (*Марти*, 1926а; 1926б).

некоторые новые данные о склепе и библиография, не учтенные в монографическом исследовании фонда «Деметра» (*Федосеев*, 2011).

За прошедшие годы многие ученые неоднократно обращались к истории открытия этого удивительного памятника (см.: *Зинько, 2009; Федосеев, 2011*), но сохранившийся в архиве ИАК рукописный отчет заведующего Керченским музеем об обнаружении склепа Деметры, дающий нам важные подробности, до сих пор оставался неопубликованным целиком. Восполняем здесь эту досадную оплошность. В своем рапорте № 37 от 30 октября 1897 г. К. Е. Думберг сообщал:

«Склеп во дворе Зайцевой

В начале 1895 г. открыли “счастливчики” во дворе керченской мещанки Анны Зайцевой, находящемся на “Глинище” на 4-ой Продольной улице за № 10, украшенный фресковой живописью каменный склеп. Вследствие разных неблагоприятных обстоятельств удалось только в 1896 г. снять точные копии со стенной живописи и принять меры к дальнейшему сохранению этого интересного памятника. Для этой цели построила Императорская Археологическая Комиссия на свой счет покрытый сводом ход в склеп и сделала его таким образом доступным для публики.

Впущенный в материк склеп — его земляной пол отстоит от поверхности земли на 7 аршин — выстроен из местного штучного известняка и покрыт цилиндрическим сводом. Направлен он с севера (дверь) на юг. Дверь, имеющая 2 арш. в высоту, покрыта громадной плитой, с выступом впереди (на разрезе А) (рис. 72), как бы назначенным для помещения надписи. Продольные стены склепа выступают немножко вперед и образуют таким образом небольшую и, по-видимому, недостроенную галерею. Толщина северной капитальной стены, в дверном отверстии, равняется $\frac{3}{4}$ арш. Внутри имеет склеп почти квадратное основание и следующие размеры: выш. = $3\frac{1}{8}$ арш., длина = 3 арш. 14 верш., шир. = $3\frac{1}{8}$ арш.

В дверном отверстии и внутри весь склеп тщательно выштукатурен. До пяты свода⁵ приблизительно покрыты стены штукатуркою коричневого цвета, потолок же и оба полукруга под сводом показывают белый, усыпанный зелеными листьями фон.

Нижнюю, квадратную и верхнюю, цилиндрическую половины склепа отделяет карниз из расписных сухариков, под которыми на восточной, западной и южной стенах, направо и налево от небольших ниш, сделанных для помещения посуды, написаны красною краскою виноградные лозы и кисти⁶.

На северной стене, где находится дверь, изображен с одной стороны быстро шагающий вперед, совершенно нагой Гермес с кадуцеем в левой руке и крыльями на ногах, а с другой стороны одетая в длинный, покрывающий голову иматий Калипсо. Имена обоих личностей написаны черною краскою

⁵Пята свода — нижняя часть арки, свода, опирающаяся на стену или столб или же верхний камень опоры, на котором покоится арка или свод.

⁶Все примечания К. Е. Думберга приведены в том же порядке, как и в оригинальном документе «Прим. 1. См. таблицу IV с изображением южной и северной половин склепа» (рис. 2).

над их головами. На противоположном двери полукруге изображено похищение Кору Плутоном. На украшенной разными орнаментами колеснице, которую везут 2 гнедых и 2 вороных, быстро несущиеся вправо лошади, стоит одетый в синий развевающийся плащ бог подземного царства и поджимает к себе изображенную в очень маленьком размере Кору. Над лошадьми видна голая фигура юноши, держащего в правой руке хлыст, а в левой — поводья лошадей. Имя бога, ΠΛΟΥΤΩΝ, написано над его головою.

Такого же рода изображение, только с некоторыми изменениями, нашли на одной из стен открытой в 1867 г. на Митридатовой горе катакомбе⁷.

Похищением Кору объясняется присутствие Калипсо и ее печальная поза: ведь она принадлежала к числу подруг похищенной девицы⁸.

Полукруг над дверью украшен богатым орнаментом, состоящим из разных растений и фруктов, весьма бойко написанным художником.

Самый эффектный вид имел первоначально, по-видимому, потолок склепа. Посередине его красуется голова Деметры, матери Кору, а остальные части свода симметрически разукрашены гирляндами, над которыми нарисованы птицы, цветы, фрукты и листья. Потолок пострадал от времени больше, чем вертикальные части склепа. В общем, фрески довольно хорошо сохранились, а лучше всего украшения над дверью.

Склеп оказался нетронутым, когда в него вошли счастливики и в нем были найдены разные золотые, стеклянные и бронзовые предметы, проданные впоследствии Императорскому Эрмитажу. Между древностями заслуживает особенного внимания бронзовый канделябр на трех ножках⁹.

На основании всех данных, архитектуры склепа и найденных в нем вещей¹⁰, можно заключить, что склеп был сооружен не раньше, как во II веке по Р. Хр.

Подробное описание склепа поручено Комиссией Заведующему Керченским Музеем, и будет оно напечатано в одном из следующих выпусков «Материалов по археологии России»¹¹ (НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 58, л. 151 об. — 155 об.).

К рапорту прилагались таблицы рисунков и фотографий. Среди них значилась табл. IV «Фотографические виды склепа во дворе Зайцевой».

⁷ «Прим. 1. Она издана Стефани в Отчете Имп. Арх. Комм. За 1868 г. стр. 114–116». Речь идет о склепе Алкима. О нем см.: *Ростовцев*, 1914. С. 161–169; ОАК, 1868. С. IV; ОАК, 1870. С. 114–116.

⁸ «Прим. 2. См. Roscher, *Mythologischer Lexikon* s.v. Kalypso».

⁹ «Прим. 3. Подобного рода канделябр был найден в Танаисе, см.: «Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических розысканиях в 1853 г. стр. 78».

¹⁰ «Прим. 4. Более точные данные о положении вещей в склепе, к сожалению, нельзя было получить, благодаря крайне непонятному поведению владелицы двора. Только при помощи градоначальника было вообще возможно, получить ее согласие на снятие фресок».

¹¹ Архивные документы приводятся в соответствии с правилами современной пунктуации и орфографии с сохранением стилистических особенностей оригиналов.

Подпись к таблице составлена не совсем корректно и вводит нас в заблуждение. На самом деле на фотоснимке зафиксированы виды не самого склепа с природы, а фоторепродукции акварелей, судя по всему, сделанных П. Ридигером в 1896 г. (*Медведева*, 2016. С. 114–115). Фототаблица сохранилась, но к настоящему моменту оказалась перемещена в фотособрание архива и хранится отдельно от текста отчета (НА ИИМК, отп. Q 305/10). (рис. 73).

Первые копии и фотографии уникальных росписей гробницы были сделаны ранее представленного в 1897 г. рапорта К. Е. Думберга, почти сразу после открытия склепа, несмотря на все сложности переговоров об этом с хозяевами участка, где находился памятник (*Зинько*, 2009. С. 17–20). 12 акварелей, выполненных П. Ридигером по заказу Керченского музея древностей, включали:

«№ 1. План склепа в развернутом виде, с показанием расположения фресок (рис. 74), № 2. Перспективные виды западной и восточной половин склепа¹², № 3. Средняя часть потолка с головою Деметры. Нат. велич., № 4. Часть южной стены. Птица¹³, № 5. Часть южной стены. Гранаты, № 6. Часть северной стены. Птица, № 7. Часть северной стены. Гранаты, № 8. Орнамент под головою Деметры и виноград над похищением Персефоны. 1/2 нат. велич., № 9. Западная стена. Похищение Персефоны. Нат. велич. (рис. 75), № 10. Восточная стена. Орнамент над дверью. Нат. велич. (рис. 76), № 11. Восточная стена. Калипсо, № 12. Восточная стена. Гермес» (НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 38, л. 7–7 об.). В настоящее время десять рисунков П. Ридигера из двенадцати хранятся в Научном архиве ИИМК РАН (НА ИИМК, ф. Р I, д. 227, л. 3–12), кроме двух перспективных видов склепа, запечатленных на фотографиях уже упомянутой табл. IV, приложенной к рапорту К. Е. Думберга в 1897 г., и рисунка птицы. Все акварели и развертка имеют в нижнем правом углу автограф автора «P. Ridiger», на оборотах сохранились сделанные карандашом отметки с номерами листов, которые точно соответствуют списку, приведенному в рапорте К. Е. Думберга 1896 г.

В то же время керченским фотографом М. С. Рубанчиком были сделаны и первые фотографии росписей склепа — 4 кадра и 8 отпечатков к ним — «Вид средней части потолка. Голова Деметры»; «Вид части северной стены. Птица»; «Вид западной стены. Похищение Персефоны»; «Вид восточной стены с дверью. Орнамент, Гермес и Калипсо» (НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 38, л. 6)

¹² Фотографии этих акварельных копий см. на рис. 2. На них изображены перспективы северной и южной половины склепа. В подписях к акварельным копиям П. Ридигера перепутана ориентация и данный рисунок назван как «Перспективные виды западной и восточной половины склепа», на развернутом плане расположения живописи, выполненном тем же автором (см. рис. 3), ориентация также указана ошибочно, как и на всех остальных рисунках. При этом на табл. IV, приложенной к рапорту К. Е. Думберга 1897 г., подписи соответствуют верной ориентации склепа север — юг.

¹³ № 4–7, 11–12 изготовлены в натуральную величину.

(рис. 77–80). Впоследствии фотограф воспроизвел ряд изображений с этих же негативов еще раз в начале XX в. и преподнес в дар председателю ИАК графу А. А. Бобринскому в числе подборки наиболее интересных снимков памятников Керчи собственного изготовления (НА ИИМК, альбом Q 518). Все снимки также хранятся в архиве ИИМКРАН.

Основными задачами после обнаружения склепа и его первичной документальной фиксации стали сохранение и обеспечение возможности доступа для просмотра его уникальных росписей (Федосеев, 2011. С. 488–489). Семья Зайцевых — хозяева земли, на которой располагался склеп, попытались максимально выгодно использовать эту ситуацию и свое преимущество владения участком (Зинько, 2009. С. 19–23).

Наиболее красочно и полно об этом повествует в другом рапорте в ИАК К. Е. Думберг в 1898 г.: «<...> Склеп с фресками был открыт зимою 1895 г., и найденные в нем древности — проданные впоследствии г. Кизерицкому — дали Зайцевой возможность сделаться фактической владелицею участка земли, считавшегося до того времени городской собственностью. После моего возвращения с Кавказа я всячески старался добиться вторичного открытия склепа, но никакие увещевания, просьбы, обещания не подействовали на семью Зайцевых, отличающихся редкою даже в Керчи жадностью, лживостью и тупоумием. Только при помощи администрации удалось в конце концов, весною, 1896 г. срисовать фрески. По снятии последних я советовал Зайцевой просить через меня Императорскую Археологическую Комиссию об устройстве каменного входа в склеп, вместо единовременного денежного вознаграждения, которое скоро будет израсходовано, между тем как доступный посещению склеп ежегодно будет давать небольшой, но верный доход, так около 20 или 30 рублей. Зайцева согласилась с этими соображениями, подала мне прошение в указанном смысле, и Императорская Археологическая Комиссия назначила предложением от 1 мая 1897 г. на устройство входа 120 рублей. Последний был построен летом 1897 г. и обошелся в 111 рублей. Оставшиеся 9 рублей вручены Зайцевой. Передавая Зайцевой склеп, я предупредил ее, что первый год даст, по всей вероятности, только незначительный доход, пока этот памятник древности не сделается более известным среди путешествующей публики. До устройства входа получила Зайцева от разных посетителей склепа около 15 рублей, а в 1897 г. приблизительно 10 рублей. Но дети Зайцевой рассчитывали, что склеп обеспечит все дальнейшее существование матери, и когда эта фантастическая надежда не осуществилась, они решили снова обратиться в Комиссию. Попавшее в руки Зайцевых описание склепа, напечатанное в Записках Одесского Общества Истории и Древностей, возбудило, кроме того, в них подозрение, что назначенные Комиссиею на устройство входа деньги далеко не соответствуют цене фресок и что “несчастливая старуха”, следовательно, мною обманута. Летом вся семья меня горячо

благодарила за устройство входа, а теперь последний “является — как сказано в прошении — прямым ущербом, лишая Зайцеву хозяйственной пользы от усадебной земли”. Это, разумеется, грубая ложь. Вход никому не мешает и занимает только ничтожную часть пустопорожного участка, который никогда не обрабатывался.

Угроза Зайцевой «засыпать катакомбу для обработки усадебной земли» не имеет, конечно, никакого значения. Она характеризует только людей, жаловавшихся недавно, в прошении от 1 мая 1897 г., на то, что я закрыл склеп <...>» (НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 38, л. 18–19).

Об открытии в 1895 г. в Керчи замечательной расписной катакомбы скромно сообщалось также в отчете Императорской Археологической Комиссии за 1896 г., правда вышедшем двумя годами позднее, в 1898 г.:

«Большой интерес представляет катакомба, также случайно открытая во дворе частного дома на “Глинище”. Она оказалась нетронутая и представляет собою превосходно сохранившийся тип богатой погребальной камеры, стены которой украшены разнообразною по мотивам фресковой живописью. Последняя изображает не только орнамент, фрукты и т. под., но и мифологические фигуры и сцены, как то: похищение Керы Плутоном, Гермеса, Калипсо и — на своде склепа — голову Деметры. Из предметов, найденных здесь, особого внимания заслуживает превосходной работы канделябр на трех ножках. Подробное описание этой катакомбы, сооруженной, по-видимому, во II в. по Р. Хр., будет издано в одном из выпусков “Материалов по археологии России”» (ОАК, 1898. С. 66).

Этому не суждено было сбыться, и подробное описание склепа, его фресок, состава инвентаря, его хронологии впервые было сделано уже М. И. Ростовцевым в его знаменитом труде «Античная декоративная живопись на юге России», вышедшем почти 20 лет спустя после открытия склепа (*Ростовцев*, 1913. Табл. LVI–LXI; *Ростовцев*, 1914. С. 199–226).

Приобретение участка со склепом Деметры у А. М. Зайцевой

Решающий этап в определении судьбы склепа Деметры и статуса земли, на которой он находился, наступил в начале XX в., когда памятник перешел в собственность ИАК. Факт приобретения катакомбы обычно весьма кратко упоминается в публикациях, хотя, несомненно, заслуживает особого рассмотрения, так как является одной из показательных страниц керченской археологии и истории сохранения расписных склепов Боспора. Благодаря документальному наследию Императорской Археологической Комиссии, сохранившемуся в архиве ИИМК РАН, удалось подробно воссоздать все этапы этой непростой покупки земельного участка, где располагался склеп, у частных владельцев.

Строки документов о продаже-покупке склепа 1895 г. в наши дни читаются как захватывающий роман. История длилась всего шесть лет и завершилась в 1908 г.

Первые сведения о возможной покупке участка со склепом 1895 г. относятся к 1902 г., когда после смерти матери Анны Зайцевой ее дочь Анастасия Зайцева, которой достался участок с катакомбой по завещанию, решила предложить его к продаже. Об этом мы узнаем из письма заведующего Керченским музеем В. В. Шкорпила к председателю ИАК графу А. А. Бобринскому от 14 ноября 1902 г.:

«Представляя при сем прошение Керченской мещанки Анастасии Зайцевой с предложением приобрести у нее усадьбу, в которой находится известный склеп с фресковыми изображениями Деметры, Плутона и пр., имею честь представить на усмотрение Вашего Сиятельства следующее мое мнение.

Весь участок Зайцевой вместе с плохими постройками на нем, не принимая в расчет древнего склепа, не стоит, на мой взгляд, больше одной тысячи руб., особенно теперь, после закрытия Керченского металлургического завода, цены на землю стали сильно понижаться. Кроме того, для Комиссии интересно купить только то место, где находится древний склеп и доступ к нему.

Поэтому, если будет Комиссии угодно приобрести этот интересный памятник древности, я предложил бы купить только ту часть двора, где находится склеп, и прилегающие к нему с передней и правой стороны пустопорожнее место вплоть до каменной ограды (см. прилагаемый план участка) (рис. 81). В таком случае можно будет во всякое время, когда это окажется необходимым, устроить с правой стороны от ворот калитку для посетителей. Предлагаю заплатить Зайцевой не более одной тысячи рублей за вышеозначенную часть двора вместе со склепом и поручить ей охрану его, назначив ежемесячное жалование приблизительно в 5–8 рублей.

Если же Комиссия решит приобрести всю усадьбу, как это предлагает Зайцева, то советую дать две тысячи рублей за весь участок с древним склепом, не соглашаясь на последнее условие: будет гораздо лучше поручить охрану склепа какому-нибудь из стариков моей артели, потому что на него можно будет, между прочим, возложить обязанность помогать надсмотрщикам в наблюдении за кладоискателями, которые в последние десять лет облюбовали особенно ту часть Глинища, где находится склеп с изображением Деметры» (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32. л. 132–132 об.).

Сама же владелица Анастасия Михайловна Зайцева оценивала свою землю намного выше, как следует из приложенного к письму В. В. Шкорпила прошения:

«Во дворе дома моего, находящегося в гор. Керчи на Глинище, по 5 Продольной улице, под № 10, есть древняя катакомба, открытая в 1895 г., которую как древность является осмотреть много лиц.

В настоящее время я думаю продать это место; ввиду же того, что там находится названная катакомба, я осмеливаюсь обратиться с настоящим прошением к Вашему Сиятельству и предложить, не пожелает ли Императорская Археологическая Комиссия приобрести от меня означенное имение в собственность. Цену за означенное имение мое я назначаю с катакомбою 4000 рублей, с условием назначить меня пожизненно присматривать за катакомбой с ассигнованием за это мне платы» (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 134–134 об.).

После этого еще почти год ушел на то, чтобы договориться с А. М. Зайцевой о цене участка, которая устроила бы обе стороны. Сначала «после долгого колебания» владелица согласилась снизить цену до трех тысяч рублей при условии их единовременной выплаты и назначения ее пожизненно на должность сторожа при склепе, чуть позже — на 2200 рублей (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 205–205 об.). 20 мая 1903 г. в ИАК состоялось заседание, где рассматривался вопрос о покупке земли у Зайцевой, где присутствовавшие пришли к выводу, что ей может быть уплачено 2200 рублей двумя выплатами в течение 2 лет (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 207). И только в августе 1903 г. В. В. Шкорпил написал в ИАК: «<...> А. Зайцева согласна продать свой участок земли со склепом Деметры за 2200 рублей, которые ей должны быть уплачены в течение двух лет, но просит назначить ей месячное жалованье, при этом она указывает на то, что в течение семи лет она успешно смотрела за сохранностью склепа. Соглашаясь с этим, я тем не менее прошу Комиссию позволить мне включить в будущий контракт условие, что заведующий Керченским музеем древностей будет иметь право уволить Зайцеву от этой должности, как только он заметит со своей стороны ее или небрежное отношение к своим обязанностям, или неспособность с достаточной энергией охранять склеп Деметры» (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 210).

В ноябре 1903 г. председатель ИАК обратился к министру Императорского двора с просьбой о выделении финансирования для приобретения склепа Деметры: «Г-жа Зайцева из Керчи предлагает продать Императорской Археологической Комиссии свой участок земли, на котором уцелела древняя катакомба с фресковой живописью за цену 2200 руб., с рассрочкой платежа на 2 года. Находя эту цену умеренной и соответствующей действительной стоимости земли в г. Керчи, и признавая абсолютно необходимым сохранить драгоценнейшие фрески этой катакомбы для потомства, Комиссия имеет право ходатайствовать об отпуске ей этих 2200 рублей, по 1100 р. в год в течение 1903 и 1904 гг.» (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 220–220 об.)

Просьба А. А. Бобринского была удовлетворена, деньги на приобретение участка в два этапа были выделены кабинетом его Императорского величества в декабре 1903 г. (НА ИИМК, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 32, л. 213), а затем

в январе 1904 г. Первая часть в январе 1904 г. уже поступила в Керченское казначейство для того, чтобы В. В. Шкорпил мог получить их и выплатить А. М. Зайцевой (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 215). Таким образом, уже в 1904 г. все подготовительные мероприятия к покупке были произведены — оставалось только заключить «купчую крепость» с А. М. Зайцевой. И в этот момент, когда, казалось бы, все было решено и история подходила к логическому завершению — оформлению сделки, выяснились новые неожиданные обстоятельства, затянувшие дело еще на несколько лет. Сын Зайцевой Иван, изначально обнаруживший гробницу, активно принимавший участие в продаже древностей из нее в Эрмитаж, все эти годы подстрекавший мать писать упомянутые выше в рапорте К. Е. Думберга письма в ИАК и, видимо, надевавшийся и дальше получать некую прибыль от нахождения на семейном участке Зайцевых важного объекта исторического значения, вдруг после смерти матери оказался не у дел. Иван Зайцев был абсолютно не доволен таким поворотом событий и подал иск в Симферопольский суд на опровержение завещания еще до того, как должна была состояться выгодная сделка сестры с ИАК.

В ноябре 1904 г. после запроса из ИАК о судьбе первого перевода денег на покупку участка А. М. Зайцевой В. В. Шкорпил представил соответствующий рапорт с разъяснениями:

«Имею честь донести Императорской Археологической Комиссии, что брат мещанки Зайцевой, у которой Комиссия постановила купить участок земли с катакомбой Деметры, возбудил перед Симферопольским Окружным Судом дело, оспаривая права сестры на владение упомянутым участком, несмотря на завещание матери, утвержденное этим же судом. Из прилагаемого при этом ответа защитника Зайцевой, Зозулина, от 24 сентября с. г. видно, что дело рассматривалось окружным судом 13 апреля с. г., но что свидетели до сих пор не были допрошены, потому что противник Зайцевой не представил требуемых сборов.

Ввиду этого я и не мог вытребовать суммы 1100 рублей, переведенной в Керченское казначейство распоряжением господина Председателя Императорской Археологической Комиссии от 17 января с. г. за № 135» (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 237–237 об.). В итоге решено было перевести выделенные для покупки деньги в ценные бумаги и положить их под проценты на хранение в Керченское казначейство до завершения между сестрой и братом тяжбы за право владения участком со склепом Деметры.

Пока в ИАК спокойно ожидали разрешения ситуации с наследством, в 1907 г. история приняла новый оборот. Выяснилось, что А. М. Зайцева снова попыталась продать участок с катакомбой, но уже другим покупателям. Она сделала это втайне от ИАК, даже не обращая внимания на то, что услуги представлявшего в суде ее интересы юриста оплачивались из средств

Комиссии. Летом 1907 г. А. М. Зайцева предложила купить участок Московскому археологическому обществу. Возглавлявшая общество графиня П. С. Уварова, даже несмотря на расхождение МАО и ИАК по ряду существенных вопросов об организации археологических исследований в России и охраны памятников, а также порой довольно напряженные взаимоотношения, посчитала необходимым тут же уведомить Комиссию о предложении А. М. Зайцевой. В архиве ИИМК РАН хранится письмо с автографом П. С. Уваровой от 17 августа 1907 г.:

«В Императорское Московское Археологическое Общество на днях обратилась с письмом г. Зайцева из Керчи с предложением купить у нее катакомбу. Отвечая г. Зайцевой отказом, Московское Археологическое Общество имеет честь переслать присем Комиссии письмо Зайцевой в копии» (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 288).

В письме Анастасия Зайцева писала: «Заявляю Вам Археологическая Комиссия насчет катакомбы Зайцевой не желает ли она купить я не в состоянии ее содержать доход очень плохой так что я не в состоянии ее содержать. Есть у меня частные покупатели, которые хотят употребить ее в хозяйство и уничтожить, а я бы не хотела ее уничтожать, так как она еще долго будет существовать. Заявляла я в Петербургскую Олхорогическую (Археологическую. — М. М., О. Ш.) Комиссию. Она назначила цену на 2300 руб. и на три года на выплату, но я тогда не согласилась на тех условиях, чтобы остаться на жаловании. Я бы не хотела ее уничтожать, но так как не в состоянии ее содержать. Прошу Вас отвечать мне лично на каких основаниях Вы порешите» (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 289–289 об.).

Позже выяснилось, что МАО было не единственным потенциальным покупателем в глазах А. М. Зайцевой. После письма графини П. С. Уваровой Императорская Археологическая Комиссия направила заведующему Керченским музеем В. В. Шкорпилу письмо с просьбой объяснить происходящее. В своем рапорте от 6 сентября 1907 г. он выразительно резюмировал все события, начиная с 1904 г.:

«Возвращая при сем отношение Московского Археологического Общества от 17 минувшего августа за № 1039 и копию письма Зайцевой, честь имею довести до сведения Императорской Археологической Комиссии следующее.

В то время, когда я получил предписание Комиссии от 17 января 1904 г. за № 135, приобрести у Анастасии Зайцевой участок со склепом Деметры с уплатою за него 2200 рублей в течение двух лет, и заключить купчую крепость, до меня дошло известие, что брат Зайцевой, Иван Зайцев, возбудил в Симферопольском Окружном Суде дело против своей сестры Анастасии, доказывая, что участок с катакомбой принадлежит не ей, а ему, так как он в течение последних шести лет распоряжался всеми делами, касающимися этого участка.

Об этом я имел честь донести Императорской Археологической Комиссии в своем рапорте от 18 ноября 1904 г. за № 125, на что последовало предписание от 2 декабря 1904 г. за № 1881 обратить полученные на сей предмет 2200 рублей в ренту и поместить на хранение в Керченское казначейство. Исполнив это предписание Комиссии, я известил А. Зайцеву о том, что переведенные за ее участок деньги сданы мною в местное казначейство на хранение и что купчая крепость будет заключена, как только окружной суд разрешит ее спор с братом Иваном.

Между тем это дело, рассмотренное Симферопольским Окружным Судом в первый раз 13-го апреля 1904 г., до сих пор не окончено, несмотря на то, что мать Зайцевой, Анна Зайцева, оставила своей дочери Анастасии часть благоприобретенного имущества по завещанию, утвержденному тем же Окружным Судом. Узнавши в прошлом году, что можно продать участок, не дожидаясь окончания суда, Зайцева предложила мне совершить купчую крепость, но с тем непременно условием, чтобы она, Зайцева, со дня перехода склепа в собственность Комиссии, была назначена сторожем при последнем, с жалованием в 12 рублей в месяц. На такое предложение я ответил, что нужно дождаться решения Окружного Суда, иначе что самой Комиссии придется продолжать дело с ее братом и что я не имею права вносить в купчую крепость обязательства о предоставлении Зайцевой места сторожа при склепе; я ей дал только от себя частное обещание хлопотать пред Господином Председателем Комиссии, чтобы ей было дано это место ввиду того, что она до сих пор хорошо смотрела склеп.

После этого стали доходить до меня слухи, что Зайцева, подстрекаемая разными лицами, стала искать новых покупателей, невзирая на то, что я ей дал в виде задатка из собственных денег 47 р. 50 к. на наем адвоката, согласившегося вести ее дело в Окружном Суде. Здешний английский консул передал мне, что Зайцева просила его предлагать приезжающим англичанам и американцам купить у нее склеп, на что консул ответил, что он не может ей найти такого покупателя, так как нельзя вывести склепа из Керчи за границу, а содержать при нем сторожа крайне невыгодно при таком ничтожном числе посетителей.

Ввиду изложенного, имею честь предложить Императорской Археологической Комиссии, во-первых, попросить Председателя Симферопольского Окружного Суда ускорить и довести до конца дело Зайцевых, которое тянется уже четвертый год, во-вторых, если Комиссия признает мое первое предложение неуместным, разрешить мне заключить с Зайцевой купчую крепость и взять на себя дальнейшее ведение дела в Симферопольском Окружном Суде, и в-третьих, написать на имя Зайцевой бумагу, в которой будет ей обещано место сторожа при склепе с определенным окладом жалования, на время, пока она будет в состоянии исправно исполнять эту службу (Зайцева

заявила мне теперь, что не будет настаивать на включении этого условия в купчую, если Комиссия пришлет бумагу такого содержания)» (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 291–293 об.).

Императорская археологическая комиссия действительно обратилась в суд с желанием ускорить дело, а В. В. Шкорпилу 27 сентября 1907 г. было сообщено, что просьба А. М. Зайцевой о назначении ей жалованья в качестве сторожа «удовлетворена быть не может» (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 294–294 об.).

27 января 1908 г. в Петербург вновь поступает тревожное известие. В. В. Шкорпил телеграфировал: «Разрешите заключить купчую Зайцевой. Евреи собираются купить участок». Комиссия моментально отреагировала, и уже на следующий день в Керчь был отправлен ответ: «ИАК разрешает заключить купчую с Зайцевой на участок с катакомбой» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1902, д. 32, л. 295). Почти сразу после этого на имя В. В. Шкорпила была оформлена нотариальная доверенность для совершения сделки. Копия этого документа хранится в материалах ИАК (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 239).

Семейная тяжба Зайцевых длилась до конца июня 1908 г. и окончилась при активном содействии Комиссии победой дочери — наследницы. 25 июня 1908 г. председатель Симферопольского окружного суда уведомил ИАК, что «дело по иску Ивана Зайцева к Анастасии Зайцевой о праве собственности на участок земли в г. Керчи решено Окружным Судом 22 апреля сего года, в иске Ивану Зайцеву отказано и решение о том, как объявленное в окончательной форме 7 мая, вступит в законную силу 7 сентября сего года» (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 297).

При этом сама А. М. Зайцева не стеснялась в то же самое время брать плату за просмотр живописи с сотрудников ИАК. Например, в июне 1908 г. ей было уплачено 8 руб. «за право сделать рисунки» (НА ИИМК, ф. 1, 1909, д. 10а, л. 358 об.–359), когда М. В. Фармаковский по заданию ИАК занимался копированием росписей склепа в процессе подготовки фундаментального труда М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (НА ИИМК, ф. Р I, д. 227, л. 1–2; *Ростовцев*, 1913. Табл. LVI–LVII). Именно акварели М. В. Фармаковского теперь служат наиболее известным документальным источником, позволяющим исследователям судить о сюжетах, стиле, композиции и цветовой палитре живописных изображений знаменитого погребального сооружения.

В августе 1908 г. по просьбе ИАК В. В. Шкорпил опять представил рапорт о судьбе денег, выделенных на покупку склепа еще в 1904 г. Выяснилось, что проценты за прошедшие годы их хранения в казначействе в виде ценных бумаг совсем не накопились, и более того, необходимо дополнительное финансирование на совершение купчей (НА ИИМК, ф. 1, 1909, д. 10а, л. 299–300). Деньги были найдены, и сделка наконец-то свершилась. На заседании ИАК

от 9 октября 1908 г. был заслушан рапорт В. В. Шкорпила от 30 сентября 1908 г., в котором он сообщал об этом радостном событии. Катакомба стала собственностью ИАК!

«Имею честь довести до сведения Императорской Археологической Комиссии, что сегодня мною было уплачено Анастасии Зайцевой 2200 рублей, переведенных мне согласно распоряжениям Комиссии <...> на покупку усадьбы с катакомбою 1895 г. и что в силу полученной мною сегодня выписи из крепостной Симферопольского Нотариального Архива книги по городу Керчи за 1908 г. № 5 стр. 121, № 105, вышесказанная усадьба сделалась собственностью Императорской Археологической Комиссии» (НА ИИМК, ф. 1, 1909, д. 10а, л. 236–236 об.).

Вновь появилась возможность продолжить изучение декоративной живописи склепа. В конце 1909 — начале 1910 г. в склепе Деметры была произведена повторная фотофиксация живописи, после чего В. В. Шкорпил прислал в ИАК «14 фотографических снимков со склепа Деметры, заказанных <...> у любителя-фотографа Е. Кеппеля, купившего широкоугольный фотографический аппарат: а) задняя половина половина склепа с изображением Плутона, похищающего Прозерпину; б) изображение одного Плутона, мчащегося на колеснице; в) изображение Деметры, украшающее свод склепа; г) вид передней стены и вход в склеп; д) вид той же стены во всю высоту; е) изображение одного Гермеса и ж) увеличенное изображение Каллипсо» (НА ИИМК, ф. 1, 1910, д. 4, л. 3–4) (рис. 82–88). В 1911 г. технолог С. Соколов исполнил план катакомбы (НА ИИМК, ф. Р I, оп. 1, д. 535, л. 1). Именно этот план и фотографии Е. Ф. Кеппеля вошли в публикацию Ростовцева вместе с рисунками художника М. В. Фармаковского (*Ростовцев*, 1913. Табл. LV–LIX; 1914. С. 200–201), тогда как документация первоначальной фиксации памятника, сделанная в 1896 г., осталась неопубликованной (*Медведева*, 2016).

Важной задачей после покупки, осуществленной с таким трудом, стала организация охраны уникального памятника. Еще в августе 1908 г. В. В. Шкорпил писал об этом в ИАК:

«Ввиду предстоящего заключения купчей крепости на усадьбу Анастасии Зайцевой <...> имею честь покорнейше просить Императорскую Археологическую Комиссию, во-первых, назначить рабочего моей артели Степана Кузнецова сторожем при катакомбе 1895 года, определив ему 15 рублей месячного жалования, и, во-вторых, позволить мне восстановить разрушенную стену между покупаемым участком и соседним двором Ивана Зайцева, судившегося в течение шести лет с сестрой Анастасией, чтобы этот последний или кто-нибудь из его семьи по злобе не повредил катакомбы и ее живописи. На восстановление этой стены и крайне необходимый ремонт квартиры для сторожа понадобится на первых порах приблизительно 50 рублей» (НА ИИМК, ф. 1, 1902, д. 32, л. 298–298 об.).

Все его предложения были всецело поддержаны Археологической Комиссией. В финансовом отчете за 1908 г. Степан Кузнецов получил денежное вознаграждение уже и как сторож склепа Деметры, и как раскопщик при Керченском музее. Такие двойные обязанности и выплаты вызвали недоумение контроля министерства Императорского двора, и потребовались разъяснения В. В. Шкорпила по этому вопросу. Из его рапорта от 8 апреля 1909 г. мы узнаем также о том, кто посетил склеп Деметры в первый год после покупки и почему именно на С. Кузнецове он остановил свой выбор при поиске сотрудника на ответственную должность сторожа расписной катакомбы:

«Имею честь сообщить, что по моему представлению от 1 августа 1908 г. за № 89 сторожем склепа Деметры был назначен один из лучших рабочих моей артели, Степан Кузнецов, который и после своего вступления в эту должность, т. е. после сентября 1908 г., являлся на экстренные работы в разных частях города Керчи, вызываемые грабежом кладоискателей и прибавлением ямок для деревьев городскими рабочими. Совмещение этих двух обязанностей не повлекло за собой решительно никакого ущерба для охраны склепа, во-первых, потому, что в течение шести месяцев, считая с 1-го октября 1908 г. по 1-е апреля 1909 г., склеп посещен был только тремя лицами (включая сюда и П. П. Покрышкина) и, во-вторых, потому, что в отсутствие Степана Кузнецова оставались при катакомбе его взрослый сын Александр и жена. Я был вынужден предложить в сторожи Степана Кузнецова, потому что никоим образом не мог найти другого подходящего лица, которому можно было бы доверить охрану склепа; на место это просились тогда или дряхлые старики или люди, которые по наведенным мною справкам оказались алкоголиками. Из порядочных же и более молодых людей никто не хотел занять это место ввиду ничтожного содержания, которое назначалось новому сторожу. Только ввиду такой крайности мне пришлось предложить место это Кузнецову и согласиться брать его иногда на земляные работы.

Теперь, ввиду заявления Контроля Министерства Императорского Двора, я предложил Кузнецову или отказаться от своего места, когда я найду другое лицо для этой должности, или исполнять только одну должность сторожа при склепе Деметры. Сегодня Кузнецов попросил оставить его сторожем и отказался от прочих работ ввиду усиливающегося геморроя, не позволяющего ему работать в минах и катакомбах» (НА ИИМК, ф. 1, 1908, д. 13, л. 241–242).

Далее в дореволюционный период в ежегодных счетах Комиссии регулярно фигурировала оплата сторожа склепа Деметры С. Кузнецова, а в 1913 г. он был награжден, как и все остальные «чины и служащие Керченского Музея древностей», медалью по случаю 300-летия царствования дома Романовых (НА ИИМК, ф. 1, 1913, д. 4, л. 138).

Таким образом, мы имеем документальное подтверждение, что с 1908 г. уникальный памятник находился в ведении Министерства Императорского двора, склепу и замечательным фресковым росписям была обеспечена охрана. После 1917 г. наступает другая эпоха в существовании и изучении склепа Деметры. Ему предстояло пройти сквозь войны и революции, в результате чего сильно пострадала живопись, но тем не менее интереснейший погребальный памятник искусства и археологии классической эпохи и сейчас постоянно привлекает внимание исследователей, так как является практически единственным сохранившимся до наших дней расписным склепом Боспора из множества открытых в Керчи на протяжении XIX — начала XX в.

Описание склепа

Дадим краткое описание склепа с учетом новых архивных данных. Склеп Деметры расположен в 200 метрах к северо-востоку от Мелек-Чесменского кургана, и был открыт «счастливчиками» в феврале 1895 г. (*Шкорпил*, 1896. С. 56–57; *Ростовцев*, 1914. С. 199). Склеп находился во дворе Анны Зайцевой на 4-й Продольной улице, дом № 10¹⁴. Он был сооружен в склоне неглубокого оврага, по которому ранее протекал один из притоков реки Мелек-Чесмен и состоял из погребальной камеры, впущенной в южный, невысокий склон оврага; узкого дромоса и наклонного пологого входа (*Ростовцев*, 1914. С. 200, рис. 35).

Камера склепа прямоугольной формы $2,20 \times 2,75$ м¹⁵, ориентированная длинной стороной север-юг, была перекрыта полуцилиндрическим сводом,

¹⁴ Ныне г. Керчь, ул. Братьев Перепелицы, дом № 21.

¹⁵ Другими авторами приводятся иные размеры погребальной камеры: К. Е. Думберг в рапорте писал, что его высота $3 \frac{1}{8}$ аршина, длина 3 аршина 14 вершков, ширина $3 \frac{1}{4}$ аршина (НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 58, л. 152 об.); высота 2,19 м, длина 2,72 м, ширина 2,19 м; М. И. Ростовцев указал длину южной стены — 2,19 м, северной 2,2 м и высоту камеры в трех местах: у входа 2,28 м, в центре — 2,33 м, у южной стены — 2,24 м (*Ростовцев*, 1914. С. 201); В. Ф. Гайдукевич дал усредненные размеры камеры: $2,20 \times 2,75$ м (*Гайдукевич*, 1949. С. 434); А. В. Буйских приводит размеры, указанные М. И. Ростовцевым, добавляя лишь размеры восточной и западной стен — 2,72 м (*Буйских*, 2009. С. 40). Несколько особняком существуют «наиболее точные», по мнению Н. Ф. Федосеева, данные А. Барбье, хотя ориентация склепа на его чертежах и рисунках приведена неверно (*Федосеев*, 2011, рис. 3–6): длина восточной стены: 2,735 м, западной: 2,72 м, южной: 2,15 м, северной: 2,135 м. Высота склепа была им измерена в месте входа, т. е. в районе дромоса, она составляет 2,91 м. По этим данным, получается, что в районе входа был высокий свод, который не был отмечен М. И. Ростовцевым: на чертежах разреза, приведенного в издании, свода в месте входа, превышающего на 0,5–0,6 м высоту погребальной камеры нет и дромос заканчивается выдвинутой на север плитой (*Ростовцев*, 1914. С. 200, рис. 37); А. В. Буйских приводит высоту дромоса по восточной и западной стенам: 2,45–2,5 м, не указывая в тексте максимальную высоту склепа в районе входа, но на чертеже Г. И. Соколова, которые она использует, показан высокий свод над второй плитой и от пола дромоса до верха свода согласно масштабу также примерно 2,9 м (*Буйских*, 2009. С. 43, рис. 4, 4). Появление высокого свода

склеп располагался в трех метрах от уровня земли (рис. 89) (Зинько, 1994. С. 4)¹⁶. Стены были сложены из крупных квадратов на отмученной глине. Стены склепа от пола постепенно сужаются кверху, пол в камере глиняный (Зинько, 1994. С. 4–7). М. И. Ростовцев считал, что «склеп выстроен не как прямоугольная, почти квадратная комната, а как сводчатый, вырезанный в скале или глине, погреб, наклонные стены которого, постепенно приближаясь, образуют полуцилиндрический свод. На структуру склепа в этом отношении, несомненно, повлияли врезанные в грунт подземные камеры...» (Ростовцев, 1914. С. 201)¹⁷. Во всех стенах сделано по одной нише, над нишей западной стены в одном из каменных блоков была вырезана каменная подставка для светильника (рис. 89–90). У продольных стен склепа (восточной и западной) были обнаружены по две массивные плиты, уложенные перпендикулярно к стене. К моменту исследования склепа М. И. Ростовцевым эти плиты оказались сдвинутыми со своих первоначальных мест, а к настоящему времени полностью утрачены. По определению М. И. Ростовцева, это были «примитивные лежанки», предназначавшиеся для установки на них каменных саркофагов (Ростовцев, 1914. С. 201).

Вход в погребальную камеру был первоначально закрыт большой каменной плитой, расколотой позднее на две части. Закладная плита входа была сделана заподлицо с большой монолитной плитой-перемычкой, лежавшей над дверью, размерами 1,38 × 0,39 × 0,56 м. Над ней была вторая плита меньших размеров: 1,025 × 0,55 м, которая была выдвинута на север, в сторону дромоса¹⁸. М. И. Ростовцев предполагал, что на ней должен был быть релье-

в дромосе, связующего его стены, была объяснена Г. И. Соколовым: свод возник в ходе работ по построению входа в склеп в 1897 г. **Дромос был изначально открытым, без свода.** Становится понятным, почему свод дромоса не был описан М. И. Ростовцевым, но тогда остается непонятной графическая схема К. Е. Думберга. Схема склепа, приведенная в рапорте К. Е. Думберга, показывает, что над второй закладной плитой над входом находилась еще одна плита, и высота склепа в районе входа в камеру составляла примерно 4 аршина, или 2,84 м (НА ИИМК, ф. 1, д. 58, л. 152 об.) (рис. 72), что никак не соотносится с высотой стен дромоса — 2,45 м и 2,5 м (рис. 92).

¹⁶ Существуют и иные версии глубины залегания склепа, вопрос заключается в том, откуда были сделаны измерения, от верха каменных плит свода/стен или от уровня земляного пола, например: «На 1,5 сажени под землею» (ЗООИД, XIX, 1896. С. 56–57) — **3,2 м — от свода/стен**; или «впущенный в материк склеп-его земляной пол отстоит от поверхности земли на 7 аршин» (НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 58, л. 152 об.) — **4,97 м от пола склепа.** А. В. Буйских приводит также данные Г. И. Соколова о глубине залегания внешней подошвы кладок южной и восточной стен от уровня современной дневной поверхности, которая составляет **5,4 м** (Буйских, 2009. С. 39).

¹⁷ А. В. Буйских отметила, что лишь Н. П. Сорокина приняла эту идею М. И. Ростовцева о склепе Деметры («...склеп (Деметры. — М. М., О. III.) начинает новую конструктивную линию развития подземных погребальных склепов с наклонными внутрь камер стенами, получившими окончательное оформление в склепах позднеантичного времени (Буйских, 2009. С. 46).

¹⁸ Совершенно иные, чем у М. И. Ростовцева, размеры плит над входом в склеп даны у А. Барбье (см.: Федосеев, 2011, рис. 6).

еф или надпись о погребенном и эта плита была также «предназначена для придания закладной плите упора сверху» (Ростовцев, 1914. С. 200). Такие же предположения возникли у А. Барбье (Федосеев, 2011, рис. 6) (рис. 90). Размеры входа у разных авторов также варьируются: высота входа в камеру 1,4 м у А. Барбье (Федосеев, 2011, рис. 6), 2 аршина или 1,42 м у К. Е. Думберга (НА ИИМК, ф. 1, оп. 1, 1896, д. 58, л. 152 об.); 1,45 м у М. И. Ростовцева и А. В. Буйских (Ростовцев, 1914. С. 200; Буйских, 2009. С. 42)¹⁹; ширина — 0,91 м у М. И. Ростовцева и А. В. Буйских (Ростовцев, 1914. С. 200; Буйских, 2009. С. 42); 0,92 м внизу, 0,905 м вверху у А. Барбье (Федосеев, 2011, рис. 6). Глубина входа и, соответственно, мощность северной стены даны у К. Е. Думберга: $\frac{3}{4}$ аршина — 0,56 м (НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 58, л. 152 об.) и у А. Барбье — 0,56 м (Федосеев, 2011, рис. 5). Вход был сдвинут от центра вправо: по данным А. Барбье от входа налево до восточной стены — 0,84 м, направо до западной — 0,38 м (Федосеев, 2011, рис. 5). А. В. Буйских полагает, что, «скорее всего, такое нехарактерное (асимметричное) расположение входа можно объяснить его относительно небольшими размерами и необходимостью установки в склепе массивного саркофага. Поэтому не исключено, что изначально склеп предназначался только для одного погребения» (Буйских, 2009. С. 43).

К склепу вел достаточно узкий дромос, сужающийся в верхней части (рис. 89–91). «Его размеры по восточной стене: длина 0,8 м, высота 2,45 м; по западной: длина 0,74 м (в нижней части) — 0,62 м (в верхней), высота 2,5 м. В вертикальном поперечном сечении стены дромоса имеют наклон вовнутрь. Ширина дромоса по нижнему уровню — 1,6 м, по верхнему — 1,4 м. Это значит, что наклон стен дромоса повторял наклон продольных стен погребальной камеры, что свидетельствует о композиционном единстве архитектурного ансамбля этого погребального сооружения» (Буйских, 2009. С. 41–42, рис. 4, 4; рис. 6). Дромос был не оштукатурен, в отличие от стен погребальной камеры и входа в нее. На рисунке входа в склеп и дромоса (рис. 90) видно, что над выдвинутой на север плитой возвышается высокий свод, описания которого нет ни у М. И. Ростовцева, ни у Е. А. Зинько, ни у А. В. Буйских, но он отражен на чертеже Г. И. Соколова (Буйских, 2009, рис. 4, 4) (рис. 92) и на чертеже А. Барбье (Федосеев, 2011, рис. 6) (рис. 90). Как мы отмечали выше (см. прим. 20. — М. М., О. Ш.), этот свод возник в 1897 г. при строительстве входа в склеп и **не является конструктивной деталью древнего склепа.**

В дромосе вел вход — «пологая рампа в три уступа: каждый марш имел ширину $1\frac{1}{2}$, высоту 1 арш.» (Ростовцев, 1914. С. 200), т. е. ширину 1,07 м и высоту 0,71 м каждая ступень. В дромосе вел вход — «пологая рампа в три

¹⁹Если следовать промерам Г. И. Соколова фасадных плит входа в склеп (0,82 м и 0,68 м по восточной стороне; 0,47 м, 0,65 м, 0,38 м по западной стороне), то высота проема должна быть 1,5 м, а не 1,45 м (Буйских, 2009. С. 42, рис. 4, 4).

уступа: каждый марш имел ширину 1½, высоту 1 арш.» (*Ростовцев*, 1914. С. 200), т. е. каждая ступень — ширину 1,07 м и высоту 0,71 м. В Научном архиве ИИМК РАН хранятся фотографии акварелей П. Ридигера склепа Деметры, которые были сделаны еще до постройки летом 1897 г. каменного входа, на которых хорошо видно 2 высоких широких ступени (НА ИИМК, отп. О 1230/17; Q 305/10) (рис. 73 верх, 93)²⁰.

Все стены склепа были украшены фресковой живописью по сырой штукатурке (*Федосеев*, 2011. С. 496). По великолепным изображениям на своде погребальной камеры Деметры (рис. 79, 86), на южной стене Плутона и Коры (рис. 77, 84, 85), склеп стал известен в научной литературе с 1926 г. как «склеп Деметры».

Погребальный инвентарь

Склеп Деметры в момент его открытия «счастливчиками», как очень немногие из склепов Боспора, был не ограблен и все вещи больше года держал у себя сын хозяйки Иван Зайцев. Первым осмотреть склеп с фресками Иван Зайцев 3 марта 1896 г. пригласил директора Мелек-Чесменского музея В. В. Шкорпила. В сообщении от 3 марта 1896 г., написанном сразу после посещения склепа и заслушанном 15 марта на заседании № 294 Одесского общества истории и древностей, В. В. Шкорпил сделал первое предварительное описание склепа, его фресок, их семантики и со слов И. М. Зайцева составил первую опись находок²¹: два золотых кольца, два стеклянных сосуда зеленого и синего цвета, бронзовый канделябр на трех львиных ножках (*Шкорпил*, 1896. С. 58). Далее В. В. Шкорпил пишет: «Но куда все эти вещи девались, кому они были проданы, нельзя было никоим образом узнать (*Шкорпил*, 1896. С. 58). Уже через месяц К. Е. Думберг в рапорте № 42 от 3 апреля 1896 г. в Императорскую Археологическую Комиссию доложил, что, «как в последнее время выяснилось, оказался склеп при открытии нетронутым, и в нем найдены следующие вещи: деревянный гроб, пара золотых перстней с резными камнями, большой бронзовый канделябр на трех ножках, сосуд синего стекла, разбитый стеклянный сосуд. Судя по всем признакам, предметы находятся в руках сына владелицы склепа Ивана Зайцева,

²⁰ Снимки акварелей П. Ридигера Q 305/10, как уже упоминалось выше, служили приложением к отчету К. Е. Думберга № 37 от 30 октября 1897 г., фотограф не указан. Фотографии рисунков внутренних видов склепа О.1230/17-18 поступили в Архив ГАИМК в конце 1930-х гг. из Всесоюзного внешнеторгового объединения «Международная Книга» через археолога Н. И. Репникова и сделаны фотографом Е. Ф. Кеппелем (*Медведева*, 2016. С. 114). Штамп фотографа сохранился на обороте. Копии отпечатков также были исполнены фотографом И. Ф. Чистяковым (НА ИИМК, отп. О.28/36-37). Все перечисленные снимки хранятся в фотоотделе архива ИИМК РАН.

²¹ «по словам хозяина, которым, впрочем, нельзя много верить...» (*Шкорпил*, 1896. С. 58).

который их никому не показывал, опасаясь конфискации»²² (НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 32, л. 7 об.). Уже через 2 недели К. Е. Думберг узнает о судьбе вещей и в рапорте № 86 от 18 апреля пишет, что вещи уже проданы господину Кизерицкому, но, какие именно и сколько их, не указывает (НА ИИМК, ф. 1, 1896, д. 32, л. 18). Эти вещи были проданы в Императорский Эрмитаж, где Гангольф Егорович Кизерицкий являлся с 1886 по 1903 г. старшим или главным хранителем отделения Древностей или 1-го Отделения музея (*Тихонов*, 2012. С. 427, 435).

Какие же вещи и когда поступили в Эрмитаж? Те ли это вещи, которые упомянули В. В. Шкорпил и К. Е. Думберг, или другие, которые позднее были изданы М. И. Ростовцевым, как принадлежащие к данному комплексу? К этому вопросу мы еще вернемся ниже, а прежде рассмотрим данные, приведенные М. И. Ростовцевым.

Автор уникального издания «Античная декоративная живопись на юге России» приводит наиболее внушительный список находок из этого склепа по данным, полученным им из отделения Древностей Императорского Эрмитажа (*Ростовцев*, 1914. С. 206)²³.

К вещам из склепа М. И. Ростовцев отнес следующие предметы:

1. Бронзовый канделябр (*Ростовцев*, 1914. С. 207–208, рис. 39; *Ростовцев*, 1913. Табл. LX);
2. Бронзовые ножки в виде ступни (*Ростовцев*, 1914. С. 208; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 12);
3. Фрагменты бронзовой палатеры с ручкой (*Ростовцев*, 1914. С. 209; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 14);
4. Фрагменты бронзовой обивки деревянного ящика и ключа от замка (*Ростовцев*, 1914. С. 209; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 15);
5. Серебряная раковина (*Ростовцев*, 1914. С. 209; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 4);
6. Бронзовая пряжка с серебряным язычком (*Ростовцев*, 1914. С. 209; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 13)²⁴;

²²К. Е. Думберг в «Отчете об археологических разысканиях, произведенных Заведующим Керченским музеем в 1896 году» сделал по поводу фиксации вещей странное примечание: «Более точные данные о положении вещей в склепе, к сожалению, нельзя было получить, благодаря крайне непонятному поведению владелицы двора» (НА ИИМК РАН, ф. 1, 1896, д. 58, л. 155, прим 4). При этом ни в одном из его рапортов никогда не было указано положения каких-либо вещей в погребениях склепа. Все данные о положении находок были почерпнуты позднее М. И. Ростовцевым от одного из находчиков — через 10 лет после открытия склепа (*Ростовцев*, 1914. С. 206).

²³М. И. Ростовцев пишет: «Так как вещи, найденные в склепе, не были изданы, а между тем имеют решающее значение для датировки склепа, то **я вынужден** (выд. нами. — М. М., О. Ш.) дать здесь точное описание и сделать попытку определить их время» (*Ростовцев*, 1914. С. 207).

²⁴Такой пряжки не существует в природе, есть отдельно два предмета: серебряная пряжка в виде сфинкса и железный распределитель ремней конской упряжи, указанный

7. Большое количество листьев золотого лаврового венка;
8. Три золотые круглые бляшки, украшенные стилизованными разводами и пунктиром по краю (*Ростовцев*, 1914. С. 209; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 9–11);
9. Пятнадцать золотых дутых бус;
10. Две золотых круглых бляшки с изображением герм, одна с монограммой (*Ростовцев*, 1914. С. 209; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 7, 8);
11. Ойнохоя из синего стекла с белыми пятнами (*Ростовцев*, 1914. С. 210–211; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 1);
12. Ойнохоя из бледно-зеленого стекла (*Ростовцев*, 1914. С. 210–211; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 2);
13. Золотое кольцо с рубином с изображением Тихи (*Ростовцев*, 1914. С. 211; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 5);
14. Золотое кольцо с зеленым камнем с изображением Ареса (*Ростовцев*, 1914. С. 211; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 6);
15. Каменное навершие меча;
16. Маленькая цилиндрическая костяная пиксида;
17. Фрагменты деревянного саркофага (*Ростовцев*, 1914. С. 211–215, рис. 39–42);

Как мы видим, ряд вещей только описан, но М. И. Ростовцев не привел их изображения. К ним относятся листья золотого венка, золотые дутые бусы, каменное навершие меча, костяная пиксида, бронзовые детали шкатулки. Снимки этих предметов, кроме золотых бус, сохранились в Научном архиве ИИМК РАН; есть фотография патеры с ручкой (рис. 94), каменного навершия меча и костяной пиксиды (рис. 95), трилистников золотого венка, деталей шкатулки и замка с ключом (рис. 96) (НА ИИМК, отп. Q 614/21, 23; Q 638/2; Q 828/5).

М. И. Ростовцев сомневался по поводу происхождения находок некоторых типов вещей из склепа Деметры: «Не исключено, однако, и то, что продавцы присоединили к вещам, найденным в склепе, другие, чтобы сбыть все вместе по более дорогой цене» (*Ростовцев*, 1914. С. 206. Прим. 2).

Размышления М. И. Ростовцева повлияли и на мнение Е. А. Зинько, которая написала по поводу достоверности комплекса следующее: «Из сопоставления данных В. В. Шкорпила, К. Е. Думберга и М. И. Ростовцева следует, что лишь пять предметов (бронзовый канделябр, две стеклянные ойнохои, два кольца с резными камнями) можно, предположительно, отнести к погребальному инвентарю склепа Деметры. Все остальные находки, вероятнее всего, были найдены в других погребениях и приложены И. Зайцевым для увеличения суммы, полученной при их продаже в Императорский

М. И. Ростовцевым как «бронзовая пряжка с серебряным язычком» (*Шаров*, 2011а. С. 120–121).

Эрмитаж. Это была обычная практика для керченских “счастливи́чиков” того времени» (Зинько, 2009. С. 27).

Такое, конечно, могло случиться, но тогда уж, к увеличивающим цену покупки предметам стоит скорее отнести значительное количество золотых предметов, а именно — листочков золотых лавровых венков, 2 малые золотые бляшки с гермами, 3 больших золотых диска с тисненым орнаментом и золотые дутые бусы, не упомянутых в списке «достоверных находок» Е. А. Зинько. Сильно корродированная железная пряжка, 2 простых бронзовых фалара, фрагменты бронзовых украшений от шкатулки, фрагменты костяной пиксиды, фрагменты патеры и ручку от нее вряд ли могли способствовать повышению стоимости; их имело смысл продавать вместе с золотыми вещами лишь тогда, когда они входили в данный комплекс.

Подтверждение о принадлежности этих находок комплексу из склепа Деметры мы находим в материалах архива Эрмитажа, не введенных ранее в научный оборот (НА ГЭ, д. 8, 1896, л. 75–79)²⁵. Документы были обнаружены среди счетов, переводов, расписок за 1896 г., хранящихся в канцелярии Императорского Эрмитажа, которые проходили по параграфу № 3: «Приобретение ценных предметов для пополнения Эрмитажа, покупка картин и проч. художественных произведений по всем отделениям Эрмитажа». В том числе там хранится расписка И. М. Зайцева от 8 июня 1896 г. (вход. № 462) о продаже вещей из склепа Г. Е. Кизерицкому: «Продано мной Отделению Древностей Императорского Эрмитажа за четыреста рублей пять золотых бляшек, два золотых кольца с разными камнями, золотые листья от погребального венка, два стеклянных сосуда, бронзовый канделябр, четыре бронзовых ножи, одна бронзовая ручка от сосуда, серебряная раковина и серебряная пряжка. Все вышеупомянутые предметы найдены мной на Глинице, в Керчи, в 1896 году. Деньги четыреста рублей прошу покорнейше выслать мне переводом в Керченское Казначейство. Санкт-Петербург, 8 июня 1896 г.». Ниже стоит подпись «Иван Михайлович Зайцев», а еще ниже: «Вещи приняты и внесены в приход. Ст. хр. Кизерицкий» (НА ГЭ, 1896, д. 8, л. 77).

Таким образом, список «достоверных» вещей из комплекса значительно увеличивается. Помимо бронзового канделябра, двух золотых перстней и двух стеклянных сосудов, сюда можно отнести также 5 золотых бляшек, описанных М. И. Ростовцевым (*Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 7–8, 9–11), золотые листья от погребального венка, четыре бронзовые ножи (*Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 12), серебряная раковина (*Ростовцев*, 1913: Табл. LXI, 4) и серебряная пряжка.

К сожалению, остается неясной происхождение остальных предметов, приведенных у М. И. Ростовцева. Среди них фрагменты бронзовой обивки

²⁵ Глубокая благодарность Ю. М. Лесману за помощь в работе с документами в Научном архиве Эрмитажа.

шкатулки и ключ к замку, 15 золотых дутых бус, бронзовые фалары, каменное навершие меча и костяная пиксида. Относятся ли они к комплексу склепа Деметры или происходят из других комплексов?

В инвентарной книге № 1893 античного отдела Государственного Эрмитажа записаны все покупки, сделанные в 1892–1900 гг. «Склеп Деметры» назван в книге как «Керчь, Глинище, 4-я Продольная ул. Усадьба Зайцевой. Каменный склеп 1896 г.». В графе «Время и способ поступления» написано «через Археологическую Комиссию», год поступления не указан. Согласно этому инвентарю в хранении Эрмитажа находятся следующие предметы:

1. Перстень золотой с резным камнем с изображением Фортуны — П 1896.22.
2. Перстень золотой с резным камнем с изображением Афины — П 1896.23.
3. Золотая индикация с изображением гермы — П 1896.24.
4. Золотая индикация с изображением гермы и монограммы «ВА...» — П 1896.25.
5. Золотая бляха круглая штампованная — П 1896.26.
6. Две золотые бляшки, круглые, штампованные, выпуклые — П 1896.27.
7. Листья золотого венка — П 1896.28.
8. 14 золотых обкладок головок шпилек — П 1896.29.
9. Серебряная раковина с рельефными ребрами — П 1896.30.
10. Стакан стеклянный с цилиндрическим туловом — П 1896.31.
11. Стеклянный кувшин — П 1896.32.
12. Стеклянный кувшин — П 1896.33.
13. Канделябр П 1896.34.
14. Часть бронзовой патеры с ручкой — П 1896.35.
15. Бронзовые подставки в виде ноги — П 1896.36.
16. Серебряная пряжка со сфинксом — П 1896.37.
17. Железная прямоугольная пряжка — П 1896.38.
18. Часть бронзовой обивки от ящика — П 1896.39.
19. Бронзовая круглая пластина — П 1896.40.
20. Бронзовая круглая пластина — П 1896.41.

Исходя из этой описи, все предметы, описанные М. И. Ростовцевым, с очень большой долей вероятности, можно предположить, что все они действительно происходят из погребального инвентаря склепа Деметры. Часть предметов была куплена напрямую Эрмитажем через Г. Е. Кизерицкого (14 инв. номеров (№ 1–7, 9, 11–16), остальные 5 предметов (№ 8, 10, 17–19)) были приобретены Эрмитажем, судя по записи, через Императорскую Археологическую Комиссию. Остается надеяться, что документ, подтверждающий, когда и кем была совершена вторая покупка, со временем будет найден в архивных собраниях, но это уже вопрос будущих исследований.

Местонахождение погребального инвентаря в склепе

Коснемся еще одного вопроса: местонахождения погребального инвентаря в склепе. Как уже замечалось выше, никаких сведений о составе и положении вещей в склепе от хозяйки Анны Зайцевой и ее сына Ивана Зайцева ни В. В. Шкорпилу, ни К. Е. Думбергу, получить не удалось²⁶. Все данные были получены М. И. Ростовцевым от одного из находчиков, который открыл катакомбу в 1895 г. «Склеп, как сказано, найден был не разграбленным, но все же, по всей вероятности, был потревожен вторым погребением. На это, по крайней мере, указывает порядок, в котором находились вещи в склепе в момент его открытия. Порядок этот сделался мне известным, со слов лица, открывшего склеп, дававшего мне, правда, об этом сведения почти десять лет после открытия — в 1905 году. В делах Комиссии и Керченского музея никаких данных о распределении вещей в момент открытия склепа не имеется» (*Ростовцев*, 1914. С. 206). Автор не исключал того, что часть вещей могла быть присоединена к комплексу находок из склепа, чтобы продать все вместе дороже, но, как было показано выше, такая вероятность была минимальна, потому как добавление железного корродированного распределителя ремней, помятых бронзовых фаларов или фрагментов шкатулки и костяной пиксиды вряд ли могло повысить общую цену покупки. Поэтому, скорее всего, это единый, хотя и разновременный археологический комплекс, что дает нам возможность предположить, что гробница использовалась несколько раз, а погребальные действия совершались по крайней мере дважды, а может быть, и трижды.

М. И. Ростовцев пишет, что вдоль длинных стен склепа стояли деревянные саркофаги, у каждого камня, на которых они стояли, лежали по две бронзовые ноги. Над нишей стены против входа висела уздечка с бронзовым набором²⁷. Остальные предметы были обнаружены в беспорядке в разных местах склепа. Однако известно и точное положение ряда вещей в склепе:

1. В северном углу, у *восточного* саркофага, стоял бронзовый канделябр высотой 138 см. Рядом с ним лежала серебряная раковина. Золотые перстни лежали под этим саркофагом, один у ног, другой у головы. В южном углу восточной стены, у этого же саркофага, стояла стеклянная ойнохоя синего цвета.

2. В северном углу, у *западного* саркофага, лежала куча разбитых стеклянных сосудов и стояла ойнохоя, но бледно-зеленого цвета с рельефными украшениями. Здесь же были найдены золотой лавровый венок, дутые

²⁶ См. выше: прим. 26, 27.

²⁷ Южная стена склепа.

золотые бусы, две золотые бляшки, с оттисками монет первого века н. э. и «остальное мелкое золото».

У входа, с наружной стороны, в западном углу, лежали два праха, сброшенные в беспорядке в кучу (*Ростовцев*, 1914. С. 206; *Гайдукевич*, 1949. С. 407–408).

«Все это показывает, что покой склепа был потревожен уже в античное время, но не с целью ограбления, а с целью нового погребения. Новые самозванные претенденты на склеп, вероятно, удовольствовались тем, что наскоро выгребли два старых праха, может быть, взяли попавшие им в руки наиболее ценные вещи, при хозяйничании в склепе перебили много стеклянной посуды, но, в общем, оставили склеп нетронутым и только заменили в саркофагах старые трупы новыми. Второе погребение было, по всей вероятности, очень бедным, к нему вряд ли относится хотя бы одна из найденных в склепе вещей» (*Ростовцев*, 1914. С. 206).

Хронология погребений

Восточный саркофаг. Погребение 1

К этому погребению можно отнести бронзовый канделябр, серебряную раковину, два золотых перстня и стеклянный сосуд голубого стекла. По заключению Д. С. Герцигер, бронзовый канделябр относится ко времени Августа и датируется концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. (*Герцигер*, 1984. С. 97). На ручке стеклянной ойнохои синего стекла имеется выступ над венчиком (рис. 26, 2), а тулово отделено от горла двойным валиком, что, по всей видимости, является подражанием декору серебряных и бронзовых кувшинов эпохи позднего эллинизма — раннеримского времени (*Raev*, 1977. Taf. 14, 17; *Strong*, 1966. Pl. 34). М. И. Ростовцев полагал, что обе ойнохои (рис. 26, 1, 2) принадлежат мастерской Энниона в Сидоне, и датировал стеклянные сосуды первой половиной I в. н. э. (*Ростовцев*, 1914. С. 210–211). С этим выводом полностью согласна Н. З. Кунина, которая оба сосуда относит к производству мастерской Энниона из Сидона в Сирии и датирует их также первой половиной I в. н. э. (*Кунина*, 1997. С. 273, № 110, 111; *Кунина*, 2007. С. 60–62). Золотые перстни с геммами, по стилистическим особенностям, также относятся к I в. н. э. (*Неверов*, 1979. С. 114) (рис. 97, 5, 6). В итоге можно согласиться с выводами М. И. Ростовцева, что погребение может относиться к первым десятилетиям I в. н. э., не позднее середины этого столетия (*Ростовцев*, 1914. С. 216). Большая площадь, которую занимало это погребение в восточной части склепа, скорее всего, объясняется высоким статусом покойного, размерами саркофага, а также наличием канделябра на трех львиных ножках. В таком случае, возможно, верно и предположение А. В. Буйских (*Буйских*, 2009. С. 43), что изначально склеп предназначался только для этого — основного погребения.

Западный саркофаг. Погребение 2

Инвентарь этого погребения включает второй стеклянный сосуд бледно-зеленого цвета, фрагменты золотых венков, две малые золотые бляшки с изображением герма, одна с монограммой «ВА.», три больших золотых диска с тисненым орнаментом и золотые бусы, которые записаны в карточках античного отдела Эрмитажа как «золотые обкладки головок шпилек». Дата комплекса вновь определяется по стеклянному сосуду, который также относится к мастерской Энниона и датируется первой половиной I в. н. э. (Кунина, 1997. С. 273, № 110, 111; Кунина, 2007. С. 60–62) (рис. 26, 1). Золотую бляшку с оттиском гермы и монограммой (рис. 97, 8) М. И. Ростовцев датировал первоначально эпохой Митридата Евпатора (Ростовцев, 1914. С. 209), позднее считал, что оттиски с монограммой «BAE» — это чекан меди Динамии, но главным образом уже чекан ее сына Аспурга (Ростовцев, 1925. С. 227, прим. 1).

Эти золотые бляшки с гермами, а также чуть более крупная золотая бляха с рубчатым тиснением по краю (рис. 26, 7–9), могли быть частями погребальных золотых венков (см.: *Трейстер*, 2014. С. 55–56). Многочисленные трилистники, указанные М. И. Ростовцевым, а также несколько центральных элементов (золотых дисков с гермами) говорят о наличии здесь нескольких венков, что может свидетельствовать о нескольких погребениях, совершенных в западном саркофаге. Известная по фотографиям форма трилистников с плавно закругленными краями (рис. 25), принадлежащая одному из венков, характерна, по мнению М. Ю. Трейстера, уже для II в. н. э. (*Трейстер*, 2014. С. 58–59, рис. 3). Золотые шпильки, золотые нагрудники (Ростовцев, 1913. Табл. LXI, 10–11), вероятно, говорят о принадлежности золотых украшений к женскому костюму.

Таким образом, погребения в деревянных саркофагах (предположительно, в восточном саркофаге — основное мужское погребение; в западном — женское) археологически синхронны и относятся оба к первой половине I в. н. э.²⁸ О вторичных погребениях можно судить лишь по трилистникам одного из золотых венков. Новые владельцы были похоронены с вещами первых владельцев склепа, как и считал М. И. Ростовцев. Тем не менее среди остальных вещей, найденных в склепе — висящих на стене (уздечка) и лежащих в беспорядке на полу склепа, есть предметы более позднего времени, позволяющие выделить и более поздние комплексы погребений.

²⁸ Мы не можем уловить, исходя из современных разработок хронологии римской эпохи, временные различия между комплексами менее 50 лет, поэтому погребения № 1 и № 2 условно синхронны, а в реальной жизни между кончиной одного и кончиной другого могла быть разница от 1 дня до 49 лет. Не исключено, что погребение в западном саркофаге было совершено позднее, но тоже в пределах 50 лет и склеп изначально строился только для одного — основного погребения в восточном саркофаге.

Деревянные саркофаги. Погребения 3, 4

Как полагал М. И. Ростовцев, в склепе было совершено и вторичное погребение. К нему относится конская узда, подвешенная на стене, от которой сохранилось четыре бронзовых фалара (*Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 15). Они не были покрыты золотой фольгой в технике «geroussé», на которой вытиснен узор, имитирующий орнамент в виде филиграни и зерни, а также стеклянную или каменную вставку в центре, они различного диаметра²⁹ (ср.: *Ростовцев*, 1913. Табл. LXI, 10–11, 15). Украшение коня бронзовыми фаларами характерно как для предыдущего — среднесарматского периода, так и для позднесарматской эпохи. Одним из ярких примеров этому является знаменитая бронзовая конная статуя Марка Аврелия в Риме, конь которого отлит с таким оголовьем.

Среди находок на фотографиях имеется также «бронзовая прямоугольная пряжка» (рис. 97, 13), у которой, как писал М. И. Ростовцев, бронзовый язычок позднее был заменен на серебряный, выполненный в виде сфинкса с львиным туловищем (*Ростовцев*, 1914. С. 209). При работе с материалами из склепа Деметры в фондах античного отдела Государственного Эрмитажа выяснилось, что на самом деле бронзовая пряжка с серебряным язычком — это два отдельных предмета — серебряная пряжка в виде сфинкса (П. 1896.37) с несохранившейся частью передней рамки (рис. 98, 1) и железный распределитель ремней конского оголовья (П. 1896.38) (рис. 98, 2). Аналогии железному распределителю ремней с тремя прорезями уводят нас в мир сарматских древностей Подонья II в. н. э. Прежде всего, это распределительная бляха удлиненно-овальной формы из кургана 1, погребения 2 могильника Кировский 1, изготовленная из железа и плакированная с лицевой стороны золотой фольгой с точечным орнаментом (*Илюков*, 2000. С. 103, рис. 6, 8)³⁰. Из некрополя Кобяково, из курганов № 5 и № 10, происходят также распределительные бляхи с закругленными концами и с тремя прорезями, плакированные также золотой фольгой с точечным чеканом. Эти комплексы датируются концом I — первой половиной II в. н. э. (*Гузев*, 2000. С. 142–143). Но наиболее близок морфологически к предмету из склепа Деметры прямоугольный распределитель ремней с двумя продольными и одной поперечной прорезью, плакированный золотой фольгой, из погребения 1 кургана 25 могильника Валовый, входящий в группу всаднических комплексов второй половины II — первой пол. III в. н. э. (*Беспалый, Беспалая, Раев*, 2007. С. 63, рис. 73ж). Судя по повторяющимся в погребениях первой половины II в. н. э. распределителям ремней с закругленными концами, плакированных золотой фольгой (Кировский 1-1-2, Кобяково, к. 10, Танаис, к. 1-22), прямо-

²⁹ См.: *Шаров*, 2011b. С. 438–439.

³⁰ Благодарим В. Ю. Малашева и Б. А. Раева за помощь в подборе аналогий к данному предмету.

угольные распределители появляются не ранее середины II в. н. э. К этому времени и можно отнести данную деталь конского снаряжения из склепа Деметры, к которому относятся также 4 бронзовых фалара. Не исключено, что в древности распределитель ремней из склепа Деметры был покрыт золотой фольгой. Подобное сочетание деталей конского убора вполне типично для сарматских древностей Подонья II в. н. э., хотя конское оголовье представлено в склепе Деметры лишь частично. В итоге можно говорить о погребальном инвентаре, который относится к другой эпохе: к середине — второй половине II в. н. э. Это обстоятельство объясняет и находки инвентаря первоначальных погребений в полном беспорядке и несовместимость стиля вещей ранних погребений (№ 1 и 2) со стилем вещей вторичных погребений (№ 3, 4).

Таким образом, ранние погребения в склепе были совершены еще в первой половине I в. н. э. в деревянных саркофагах в форме храма с двускатной крышей (Ростовцев, 1914. С. 212), возможно, погребение в западном саркофаге совершено позднее основного погребения в восточном саркофаге, но также в пределах первой половины I в. н. э. Затем, в середине — второй половине II в. н. э., склеп был вскрыт³¹, прах погребенных был вынут и сложен при входе в погребальную камеру, самые ценные вещи из ранних погребений были изъяты, а какая-то часть раннего погребального инвентаря была вторично использована. В те же саркофаги были помещены новые покойники, при которых в склепе была повешена «на стену над нишей против входа» конская узда (Ростовцев, 1914. С. 206; Гайдукевич, 1949. С. 408).

К инвентарю поздних погребений можно отнести также некоторые вещи, которые в беспорядке лежали на полу склепа — стеклянный стакан (см. Сорокина, 1977, рис. 6), каменное навершие меча (Ростовцев, 1914. С. 209–211) и бронзовую патеру типа Эггерс 155 с ручкой с окончанием в виде головы барана (тип «Е» или тип «Millingen» по Г. Нуберу). Такие патеры датируются в римских провинциях периодом B1 (Lund-Hansen, 1987. С. 91), также их датировали А. В. Симоненко (Simonenko, 2008. С. 20), И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис (Marcenko, Limberis, 2008. С. 288–290). Г. Нубер датировал бытование типа «Е» или типа «Миллинген» более широко: второй половиной I в. н. э. — первой половиной — серединой II в. н. э. (Nuber, 1972. С. 45). По мнению Б. А. Раева, в Сарматии патеры типа «Эггерс — 155» появляются достаточно поздно, главным образом уже в конце I — первой половине II в. н. э. Р. Петровский определял основное время их бытования между 40/50–150 гг. н. э., при этом он отметил их длительное бытование в европейском Барбарикуме, вплоть до конца II в. н. э. (Petrovski, 1993. Abb. 17). Таким образом, патера также может быть

³¹ Возможно, вскрыт уже в третий раз, если допустить, что погребение в западном саркофаге было совершено позднее, отсюда и расколотая входная плита.

связана с поздними захоронениями № 3, 4, совершенными в середине — второй половине II в. н. э.

Подводя предварительные итоги историографического исследования, можно отметить, что введенные в научный оборот архивные материалы позволили по-новому взглянуть как на историю открытия и исследования склепа Деметры, так и на определение состава погребального инвентаря и хронологию погребенных в нем. Обработка всех материалов, хранящихся в Эрмитаже (№ П 1896.22–41), публикация всего погребального инвентаря, поиск архивных материалов о второй покупке вещей из склепа Деметры в Императорский Эрмитаж, уточнение дат отдельных типов погребального инвентаря будет являться темой наших будущих исследований.

М. В. Медведева, О. В. Шаров (ИИМК РАН)

Глава 4

ДЕРЕВЯННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НАСЫПЯХ БОСПОРСКИХ КУРГАНОВ¹

подавляющее число курганов Боспора Киммерийского, как это всем прекрасно известно, было раскопано в XIX в., и с современными методами проведения археологических исследований и фиксации открываемых объектов эти раскопки имеют не так много общего. Вполне очевидно, что очень многие любопытнейшие особенности остатков погребальной обрядности тогда безвозвратно пропали. Тем не менее отдельные необычные детали, которые у археологов того времени, возможно, вызвали удивление, все-таки были зафиксированы ими в имеющихся отчетах, но современные исследователи не обращают на них никакого внимания.

Итак, нас будут интересовать деревянные конструкции, открытые в боспорских курганах, но не могильные перекрытия из досок или плах, зафиксированные во многих погребальных сооружениях, в особенности на Таманском полуострове. Весьма любопытные деревянные объекты были открыты в курганных насыпях.

Первый из таких случаев отметил Д. В. Карейша. В одном из курганов, которые он раскапывал под станицей Титоровской в 1844 г., на глубине 1 аршин (около 0,70 м) он обнаружил полуистлевший пень (*Карейша*, 1846. С. 303). Почти нет сомнения, что этот курган был возведен в эпоху бронзы, но использовался для совершения погребений в античное время, и, в общем, можно предположить, что дерево на кургане выросло к моменту совершения этих вторичных погребений и вполне вероятных дополнительных подсыпок. Логично будет допустить, что дерево было срублено, а пень остался и в полуистлевшем виде сохранился до XIX в., но не будем спешить с выводами.

Начало нового этапа в изучении боспорских древностей обычно относят к 1852 г., когда под станцией Сенной на Таманском полуострове были произведены раскопки курганов в присутствии графа Л. А. Перовского (*Гёри*, 1876. С. 41). Непосредственным их исполнителем был К. Р. Бегичев, продолживший эти работы и после отъезда графа с берегов Керченского пролива. Тогда в кургане № 10, на половине высоты от поверхности (курган имел 4 сажени в высоту, т. е. около 8,5 м) «найдена была вежа, стоящая вертикально» (*Гёри*,

¹ Первый вариант статьи опубликован: *Виноградов*, 2016. В новую публикацию внесены изменения и дополнения.

1876. С. 58). Это была деревянная «веха», ничего особенного не представляющая, под которой вообще ничего не было найдено. Курган же содержал две античные сырцовые гробницы. Исходя из факта наличия двух гробниц, было сделано заключение, что первоначально на этом месте находились два небольших кургана, через какое-то время родственники погребенных решили эти курганы объединить и поставили веху, чтобы обозначить центр новой насыпи (*Гёри*, 1876. С. 58). Сейчас это объяснение выглядит несколько забавно, но вполне очевидно, что деревянный столб был поставлен в самом центре кургана № 10, на половине высоты его насыпи, и явно был засыпан грунтом. Иными словами, можно считать, что после установления этого столба здесь была произведена досыпка.

Еще один пример такого рода связан с раскопками кургана Малая Близница на Таманском полуострове (о нем см.: *Виноградов*, 2004; 2017а. С. 170–171). В 1881 г. здесь проводили работы А. Е. Люценко и Ф. И. Гросс. Около подошвы кургана, с его северо-западной стороны, они обнаружили «жженный точок», представляющий скопление чистого древесного угля без обычных в таких случаях фрагментов разбитых керамических сосудов. Последнее обстоятельство не позволяет признать этот «точок» тризной, где среди углей непременно встречаются обгоревшие кости животных и битая посуда. Рядом с этим скоплением углей на материке было обнаружено «сгнившее деревянное бревно длиною до двух аршин (около 1,40 м. — *Ю. В.*), отесанное на четыре стороны, толщиной до 1½ вершка (11 см. — *Ю. В.*). Другое, гораздо тоньше, круглое положено одним концом на первое, прямым углом» (НА ИИМК, ф. 1, 1871, д. 7, л. 32). Зачем эти бревна были уложены таким образом, судить почти невозможно, но попытаемся предположить, что первоначально они были установлены вертикально или же были частью какой-то конструкции.

Следующий пример связан с раскопками некрополя боспорской знати Юз-Оба («Сто холмов») под Керчью. Раскопки там проводил замечательный археолог, директор Керченского музея древностей А. Е. Люценко. Во время исследований Четырнадцатого кургана в 1862 г. на поверхности холма, подстилавшего курганную насыпь, была открыта «жженная гробница» (т. е. кремация). Гробница была сделана из камня и покрыта деревянными брусьями. Среди инвентаря, обнаруженного в этом погребении, представлен массивный золотой перстень с изображением женской фигуры, как предположил автор раскопок, Афродиты (*Виноградов и др.*, 2012. С. 89–90).

Что особенно любопытно, А. Е. Люценко в отчете о раскопках отметил: «Возле ея (т. е. этой гробницы. — *Ю. В.*) в насыпи стоял довольно толстый деревянный столб, означавший, вероятно, высоту сожженного костра. Будучи вышиною около 1½ саж., он развалился на части от гнилости дерева» — (*Виноградов и др.*, 2012. С. 98). Итак, нет никакого сомнения в том, что этот столб, имевший в высоту порядка 3,20 м, был поставлен вертикально.

Но с какой целью он был установлен рядом с гробницей? Объяснение уважаемого исследователя боспорских древностей сейчас кажется странным. Зачем надо было мерить высоту погребального костра или, может быть, высоту его пламени? У кого такая точность вызывала интерес? Почему столб не был сожжен? В общем, ясности здесь нет никакой...

Последний пример такого рода связан с изучением Кара-Обы, самого высокого и самого загадочного боспорского кургана. Возможно, его возведение было связано с победами войск Митридата VI Евпатора, одержанными на Боспоре и знаменовавшими завершение создания его Всепонтийской державы (Виноградов, 2017б. С. 271–272; Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 134–135; но ср.: Стоянов, 2014. С. 626). В 1860 г. во время раскопок в северо-западной части насыпи Кара-Обы, около центра кургана, на глубине 7 м был обнаружен совершенно истлевший деревянный кол, стоявший вертикально (длина — около 2,25 м, толщина — не менее 9 см). Кол рассыпался от прикосновения к нему (НА ИИМК РАН, ф. 1, 1860, д. 6, л. 85 об.).

Несмотря на незначительность и случайность имеющейся информации, приходится признать, что археологи XIX в. при раскопках боспорских курганов на Таманском полуострове и в Восточном Крыму неоднократно находили поставленные вертикально деревянные столбы. Еще раз следует отметить, что приведенные наблюдения были сделаны несмотря на все несовершенство тогдашней полевой методики и при том условии, что ни один курган не был тогда раскопан полностью, ни одна курганная насыпь, так сказать, не была снесена (см.: Виноградов, 2012. С. 68–70). Эти столбы являются собой довольно необычную деталь, которую следует каким-то образом объяснить, или, иными словами, этим конструкциям необходимо найти какие-нибудь аналогии.

Показательных примеров возведения деревянных сооружений в насыпях или под насыпями курганов Скифии известно не очень много. Боспорские столбы («вехи», как их иногда называли) явно не имеют ничего общего со «слоями перегнившего дерева в перемешку с землей», обнаруженными Н. И. Веселовским в одном из Елизаветинских курганов на Кубани (ОАК, 1913–1915. С. 149). Несколько ближе к ним столбовая конструкция, открытая в одном из Частых курганов под Воронежем (курган № 6) (Городцов, 1947. С. 25–27), но там столбы, врытые в землю, скорей всего, служили основой какой-то деревянной постройки, впоследствии сожженной (Городцов, 1947. С. 27).

Однако первое, что сразу вспоминается по интересующему нас поводу, это деревянные конструкции Ульских курганов. В первом из них, раскопанном в 1898 г., была открыта площадка, вход на которую был обозначен двумя поставленными вертикально деревянными столбами. За входом находились коновязи, а также 8 вертикальных столбов, тоже служивших коновязями. Вокруг этих столбов были обнаружены скелеты лошадей,

по 18 скелетов у каждого столба (ОАК, 1898. С. 30–31; *Артамонов*, 1966. С. 26, 215, 216; *Галанина*, 2015. С. 13–18).

С. С. Сорокин, посвятивший специальное исследование внекурганым памятникам ранних кочевников Азии (Сорокин, 1981), пришел к заключению, что всякого рода сооружения из вертикально поставленных или деревянных столбов у этих народов были связаны с проведением поминальных обрядов. Столбы при этом могли символизировать ворота, отделяющие царство мертвых от территории живых. Другое характерное значение вертикально поставленного столба — коновязь, которая отождествляется с родовым («мировым») деревом (Сорокин, 1981. С. 31). Деревянные столбы Ульского кургана, как представляется, имели ту же самую семантику, т. е. могли символизировать мировое дерево. Есть основания полагать, что эту же идею, являющуюся важнейшей при совершении погребального обряда, выражали и деревянные столбы, обнаруженные в некоторых боспорских курганах. Мировое дерево (мировая ось) — «характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира» (Топоров, 1987. С. 398).

Совершенно замечательное открытие, позволяющее лучше понять суть дела, совсем недавно (в 2012 г.) было сделано в Болгарии. Очень энергичная и удачливая исследовательница Диана Гергова, раскапывая Большой царский курган (его высота составляет 19 м) у села Свещари, что на севере Болгарии, в его насыпи обнаружила след истлевшего, вертикально стоявшего дерева — вяза или дуба. Это дерево было включено в первоначальную насыпь кургана, до сделанной здесь масштабной досыпки. На самой вершине дерева, в его кроне (на глубине 8 м от поверхности кургана), была сделана в высшей степени любопытная находка (Гергова, 2013а. С. 15; 2013б. С. 14–15). Там был установлен деревянный сундучок, сделанный из дуба и, судя по отпечаткам, раскрашенный полосами красной и черной краски. В сундучке находилась целая серия великолепно исполненных золотых ювелирных изделий (см.: Гергова, 2013б. С. 15–24).

Наиболее замечательный из них — диадема спиралевидной формы, украшенная изображениями львов, к хвостам которых прикреплены вращающиеся вокруг своей оси розетки. На обоих концах диадемы представлены изображения женских мифологических существ, как предполагает Д. Гергова, спутниц Диониса. Чрезвычайно интересны также браслеты, заканчивающиеся львиными головками; на один из них был надет золотой перстень с изображением Эрота.

В центре сундучка находились железные удила и более 200 золотых бляшек различных типов, украшавших узду. В ее состав входил также золотой наносник, украшенный изображением конской головы².

² Может быть, из-за этого наносника первоначально прошло сообщение, что в Болгарии открыли клад скифского золота, но скифского-то здесь, в общем, ничего нет.

Очень интересны довольно крупные золотые бляхи с изображением женских голов (в шлеме и без шлема). Нет сомнения, что на них представлены несколько богинь или различные ипостаси одной богини. Изображение в шлеме при этом чем-то схоже с образом Афины, представленным на знаменитых височных подвесках из Куль-Обы, явно навеянных фидиевой статуей Афины Парфенос (см.: *Артамонов*, 1966. С. 63, абл. 214, 215; *Уильмс, Огден*, 1955. С. 144–145; *Калашиник*, 2014. С. 136–137), но они грубей куль-обских. На бляхах из кургана в Свещари на лобовой части к тому же изображена крупная пальметка, т. е. символ действительно очень великой богини, чего у Афины как будто никогда не было.

В наборе предметов из сундучка имеются небольшие золотые бляшки в форме гераклова узла. Их присутствие позволяет согласиться с датировкой этого комплекса, предложенной Д. Герговой: конец IV — начало III в. до н. э. (*Гергова*, 2013а. С. 18; 2013б. С. 24).

Кратко резюмируя сказанное о Свещари, следует признать, что в Болгарии сделано археологическое открытие, которое вполне можно назвать великим. Прежде всего, в насыпи кургана обнаружен древний дуб (или вяз), на нем не было золотой цепи, как в сказке А. С. Пушкина, но на вершине находился ларец, в котором таилась совсем не смерть Кашея Бессмертного, а набор золотых предметов, безусловно имеющих большой сакральный смысл. В общем, контекст находки следует признать вполне архетипическим.

Это открытие, на мой взгляд, позволяет еще раз убедиться в том, что деревянные столбы, установленные вертикально в насыпях боспорских курганов, являлись символом древа жизни. Они должны были указать душе усопшего путь наверх, в мир богов и героев.

Ю. А. Виноградов (ИИМК РАН)

Приложение

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ...

Из истории Керченского историко-археологического музея в годы Великой Отечественной войны

История эта ведет свое начало от 1974–1975 гг. XX в., а в ретроспективе уводит к годам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 70-е гг. мы с мужем — Молевым Евгением Александровичем — работали в Керченском историко-археологическом музее после окончания университета. В те годы были очень увлечены античной археологией, и, казалось, кроме боспорских памятников и древностей, нас ничего не интересовало. Но жить в Керчи, тем более работать в музее, и не быть сопричастным к событиям минувшей войны невозможно. Все старые дома, включая здание музея (бывший особняк табачного фабриканта Месаксуди), побиты осколками от снарядов и бомб. Люди, пережившие две фашистские оккупации города, еще живы и рассказывают ужасные подробности, при этом упоминая, что музей, кажется, и в то время работал. Стало интересно: что же было с музеем в военные годы? Кое-что удалось узнать об этом от заведующей архивом Елены Игнатьевны Керман, которой в ту пору было уже за шестьдесят. Она подсказала мне, как разыскать секретаря музея Гуськову (имя-отчество я запомнила), работавшую там в годы войны и отсидевшую за сотрудничество с оккупантами после ее окончания.

То, что я услышала от этой старой женщины, меня поразило. Ее воспоминания были записаны и отпечатаны. Гуськова их подписала. Оставалось заверить ее подпись у нотариуса и сдать документ в архив. Я пошла просить у директора музея Николая Ивановича Литвиненко автобус, чтобы отвезти Гуськову к нотариусу. Прочитав записанные откровения, Николай Иванович покраснел и стал кричать, что я и его, и себя подвожу под тюрьму, и порвал все три листа записей в мелкие клочки. Затем категорически велел мне прекратить «заниматься такими делами». И тогда, и сейчас я совершенно уверена, что эти сведения не содержали никакого криминала, но документа нет. В этой статье я постараюсь отразить то, что сохранилось в памяти. В дополнение к этой истории сошлюсь на письмо известного питерского археолога М. М. Кубланова, принимавшего участие в раскопках на территории г. Керчи в предвоенные годы и полученное Е. А. Молевым в 1975 г. А также — на устные воспоминания Н. Л. Грач, начальника Нимфейской экспедиции, и несколько публикаций, сведения из которых дополняют мои

представления о событиях и действующих лицах керченской военно-музейной истории (Н. В. Александрова, А. Ю. Бауков, А. Ю. Манаев, Е. А. Молев, О. Ю. Соколова).

Начну с июня–июля 1941 г., когда в Керчи работали две экспедиции: в Нимфее, под руководством М. М. Худяка, и на Тиритаке (начальник В. Ф. Гайдукевич). Обе активно сотрудничали с Керченским музеем, директором которого был Юлий Юльевич Марти, на свою беду немец по происхождению (*Баукова*, 2007. С. 155). Уже в предвоенные годы он стал известным антиковедом-археологом, оказавшим огромное влияние на становление российской античной археологии (*Александрова*, 2016. С. 16). После начала войны деятельность экспедиций была свернута, а их начальники сделали все возможное и невозможное, чтобы отправить найденные артефакты в Ленинград (ИИМК и Эрмитаж). Так, М. М. Худяк и его сотрудники сумели отправить 22 посылки почтой, а сами добирались на перекладных, зашив античные золотые монеты в подкладку пиджака М. М. Худяка (*Соколова*, 2016. С. 453).

К сентябрю 1941 г. стало ясно, что Керчь будет оккупирована немцами. Началась спешная эвакуация всего, что можно было увезти, в том числе экспонатов из фондов музея. По указанию Комитета по эвакуации Ю. Ю. Марти руководил упаковкой ценностей и участвовал в их перевозке на Таманский берег катерами (*Александрова*, 2016. С. 23). Это происходило в последней декаде сентября. Море сильно штормило. В таких условиях грузить на катера античное стекло и тонкостенную керамику было равносильно их уничтожению. И тогда Ю. Ю. Марти решил соорудить тайник для этих вещей в подвале музея и замуровать его. Он скрыл это намерение от дочери Аллы и зятя (Шевелёва), работавших в музее на должностях научного сотрудника и фотографа. Вероятно, у него были основания для этого. Может быть, его насторожили домашние разговоры? Как показали дальнейшие события, его опасения полностью оправдались. В свои планы Ю. Ю. Марти посвятил научного сотрудника Н. П. Кивокурцева, честнейшего и порядочного человека, которого в последние два года (по воспоминаниям археологов) пытался выжить из музея, чтобы освободить место научного сотрудника для зятя-фотографа. Война этому помешала.

Н. П. Кивокурцев был родственником известного российского нумизмата и антиковеда А. Н. Зографа, который с юных лет привил ему интерес к античности. Увлечшись археологией Боспора, он еще в годы студенчества (1925–1928) стал членом коллектива по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов вместе с В. Д. Блаватским, Н. М. Лосевой, М. М. Кобылиной, Л. П. Харко (*Александрова*, 2016. С. 17). После окончания МГУ в начале 30-х гг. он приехал на работу в Керченский музей. М. М. Кубланов, знавший его в те годы, писал о нем следующее: «Когда я сейчас с высоты моих нынешних лет вспоминаю Н. П. Кивокурцева, главное, что

мне предстает в его духовном и нравственном облике, — это фанатичная преданность археологии края. Житейская неустроенность и аскетизм тогдашнего бытия его не тяготили. По-моему, он этого даже не замечал. Ему ничего не стоило отправиться по солнцепеку пешком за десяток километров, чтобы проверить слух о находке, даже самой заурядной... Отправлялся он в такие вояжи с неизменным вытертым дерматиновым портфелем под мышкой. В нем содержался его походный инвентарь и жизнеобеспечение — нож, лупа, бумага, карандаш и свободный от всяких гастрономических причуд и излишеств большой кусок хлеба» (письмо М. М. Кубланова Е. А. Молеву, 1975 г.). Он был углублен в себя, немного странен, над ним подшучивали студенты в экспедициях. Гуськова вспоминала, что брючины, по мере их разломачивания, он подстригал ножницами до тех пор, пока их длина не становилась неприличной, а затем искренне сокрушался, что надо покупать новые штаны. В фондах музея сохранились многочисленные находки, собранные Н. П. Кивокурцевым во время разведок и охранных раскопок. До войны он успел опубликовать только одну статью. Но всю свою недолгую жизнь Н. П. Кивокурцев посвятил изучению и, как выяснилось, спасению памятников археологии Керченского полуострова (Молев, 1976).

В тяжкую для Керчи и музея годину его директор Ю. Ю. Марти обратился за помощью именно к Н. П. Кивокурцеву. 23 и 24 сентября 1941 г. они вдвоем по ночам переносили вещи в тайник, закладывали его кирпичом и штукатурили стену. Необходимые для этой стройки материалы доставляли завхоз (его фамилию Гуськова не назвала) и секретарша.

26 сентября Ю. Ю. Марти с женой и Ф. Т. Иваненковой, представителем горкома ВКП(б), выехали из Керчи. Они везли 19 ящиков с наиболее ценными экспонатами. Среди них были античные древности, редкие книги и знаменитый «золотой чемодан». О последнем, его судьбе и пропаже много и по-разному написано. В дороге Юлий Юльевич заболел и был госпитализирован в Краснодарскую городскую больницу. Вещи из музея были вывезены в Армавир, и там их след, в частности «золотого чемодана», теряется. До окончания войны Ю. Ю. Марти находился на оккупированной немцами территории Северного Кавказа, работал учителем в начальной школе и хранил как зеницу ока справки о своей болезни и сданных в банк Армавира ящиках с вещами из КИАМ, что спасло его в послевоенные годы от тюрьмы, а может быть, и от расстрела. Это рассказывала его жена Е. Марти, жившая в здании Керченского музея до 1974 г.

Впоследствии, после длительных и тяжких мытарств в 1946–1948 гг. (Кабардино-Балкария, Херсонес, Мурманск), хлопотами В. Ф. Гайдукевича Ю. Ю. Марти получил должность главного хранителя Керченского музея и комнату в самом музейном здании, где прожил с женой с 1948 по 1959 г., до самой своей смерти.

А что же музей в годы оккупации? Их, этих оккупаций, было две: первая с октября по конец декабря 1941 г.; вторая — с мая 1942 по апрель 1944 г. Оказывается, музей работал. По запросу немецких властей все оставшиеся вещи (их было несколько тысяч) были сфотографированы и описаны. Ценнейшие из них, а также часть архива и библиотеки были вывезены в Германию. Научно-исследовательская работа сводилась к восстановлению экспозиции, вероятнее — выставки, на первом этаже музея и сбору информации про обнаруженные во время военных действий древности (*Баукова, 2007. С. 8*). В музее работали Алла Марти, в качестве научного сотрудника, и Шевелёв, назначенный директором музея. Кроме них секретарь Гуськова и завхоз, сторожившие музей и выполнявшие мелкие поручения (поднеси — подай). К документам и их печатанию у секретарши доступа не было. К их чести, место тайника в подвале музея они не выдали. Он был вскрыт после освобождения Керчи в 1944 г. Дочь Ю. Ю. Марти Алла и ее муж Шевелёв сразу после оккупации Керчи добровольно перешли на сторону фашистов. Хорошо владея немецким языком, А. Марти водила экскурсии немецким офицерам по музею и на Царский курган. Эта пара устраивала также приемы для оккупационных властей на втором этаже музея, где разжигался камин (дело завхоза) и горели свечи.

Однако менее чем через два месяца, в конце декабря, Керчь была освобождена в результате успешной Керченско-Феодосийской десантной операции. А. Марти и ее муж успели спешно покинуть город вместе с немцами. Зато объявился Н. П. Кивокурцев. Он был призван в Красную армию в начале октября 1941 г. и в составе частей 51-й армии участвовал в освобождении Керчи от оккупантов в конце декабря того же года. Его часть стояла недалеко от Керчи, на станции Семь Колодезей (*Молев, 1976*). Он тяжело заболел и попал в госпиталь. По словам Гуськовой, у него был тиф или воспаление легких. В одну из ночей, в самом начале января, он пешком пришел в музей в жару и лихорадке, со вшами. Ему открыли ворота (секретарь и завхоз всегда ночевали в музее). Н. П. Кивокурцев сразу пошел в подвал, убедился, что заклад тайника цел, благодарил за то, что они не выдали его немцам. Его напоили горячим чаем с сухарями, уговаривали переночевать, но в эту же ночь, обойдя разоренный музей, он ушел, еле передвигая ноги в госпиталь. Больше Н. П. Кивокурцева никто не видел, и о нем с тех пор ничего не известно. Вероятнее всего, он умер в госпитале.

Во время второй оккупации, длившейся почти два года, пара А. Марти и Шевелёв вновь появились в Керчи в том же качестве. Причем директор — Шевелёв — в то время уже носил немецкую офицерскую форму. И снова экскурсии и приемы, во время которых немецким офицерам дарились музейные экспонаты. У офицеров наиболее ценились вещи готского происхождения III в. н. э. По словам Гуськовой, среди таких подарков была конская сбруя

из пантикапейского некрополя. К 1942 г. относится и странная справка, подписанная Шевелёвым и скрепленная печатью со свастикой, выданная на имя Ю. Ю. Марти о том, что он вывез ящики с музейными экспонатами во время эвакуации. Кому и зачем понадобилась эта справка, для чего она предназначалась — непонятно. Однако этот документ хранится в архиве музея и несколько лет назад экспонировался вместе с коллективной фотографией археологической экспедиции на Тиритаке (вторая половина 30-х гг.), на которой изображены все действующие лица этой истории.

Супружеская пара Шевелёв — А. Марти в годы оккупации процветала. Алла Юльевна очень хорошо была одета. Однако 9 апреля 1944 г. они исчезли вместе с немцами, прихватив с собой нумизматическую коллекцию, оставшиеся ценные артефакты, документацию, в частности инвентарные книги, чем нанесли огромный ущерб Керченскому музею. 11 апреля город был освобожден нашими войсками.

Эта истории имела свое неожиданное продолжение в конце 60-х или в первой половине 70-х гг. XX в. Во время работы выставки античных древностей в Риме (организатор — Государственный Эрмитаж), которую сопровождала Н. Л. Грач, к ней подошла пожилая дама. Она была элегантно одета, в шляпе и перчатках. Сказала на русском языке, что эта выставка для нее — встреча с юностью, и тут же представилась: Алла Юльевна Марти. Дама доверительно сообщила, что они с мужем обосновались в Риме и последний работает диктором на радиостанции Ватикана, вещающей на СССР. Нонна Леонидовна онемела и не сказала женщине ни слова. Ведь все боспорские археологи послевоенных лет по слухам знали о предательстве дочери и зятя Ю. Ю. Марти, и руки бы этой даме никто не подал. Кроме того, выставку, как водилось в те времена, сопровождал сотрудник КГБ. Но все обошлось. Вероятно, эта мимолетная встреча не была замечена. А Н. Л. Грач рассказала мне об этом, когда в 1976 г. я поведала ей о том, что узнала от Гуськовой.

Однако до окончания войны весной 1944 г. оставался еще год. Уже летом этого года по просьбе музея экспедиция ИИМК под руководством В. Ф. Гайдукевича подвела итог обследованиям археологических памятников Керчи и составила «Акт» о различного рода повреждениях на них (Баукова, 2008. С. 9). В то же время экспедиция Государственного музея изобразительных искусств под руководством В. Д. Блаватского и И. Б. Зеест провела разведки в центре Керчи и на горе Митридат, и в том же году на Митридате были возобновлены археологические исследования (Манаев, 2016. С. 267–268).

Еще до капитуляции Германии, 24 февраля — 1 марта 1945 г., в Москве состоялось Всесоюзное археологическое совещание. В перечне недостатков в археологических работах было отмечено, что исследования на горе Митридат в г. Керчи, важнейшем памятнике античной культуры, не ведутся

в должном объеме (*Манаев, 2016. С. 266*). И с 1945 г. Пантикапеем занимаются сотрудники ГМИИ (Москва). Первым и на долгие годы бессменным начальником этой экспедиции, как известно, стал В. Д. Блаватский (*Баукова, 2007. С. 157*).

Так закончились годы войны для Керченского историко-археологического музея. Далеко не все подробности его жизни в эти четыре года известны. Я не знаю, возвратилось ли после войны что-нибудь из вывезенного фашистами в Германию. Вероятно — да. Очевидно то, что в это тяжелое и трагическое для всей страны и небольшого музея время проявились все человеческие качества его сотрудников, такие разные: и самые лучшие, и самые худшие.

Н. В. Молева
(*Институт международных отношений и мировой истории*
Нижегородского государственного университета)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История исследования курганов Керченского полуострова античного времени насчитывает уже более двухсот лет. Из них наиболее продуктивным в отношении ряда известных памятников древности, давно ставших хрестоматийными, оказался начальный этап, связанный с деятельностью российских археологов XIX — начала XX в. Среди них мы видим людей разных национальностей и разного уровня образованности и подготовки: уроженец Люксембурга, француз по языку и культуре, фактически самоучка Поль Дюбрюкс; почти его земляк, выходец из Фландрии, Иван Павлович Бларамберг, первый директор Одесского и Керченского музеев; потомок выходцев из Польши Иван Алексеевич Стемпковский, член-корреспондент Парижской Академии надписей; серб Антон Бальтазарович Ашик, преемник И. П. Бларамберга на посту директора Керченского музея; еще один директор — Александр Ефимович Люценко, по специальности инженер путей сообщения, получивший образование в Петербурге и др. В данном случае не важно, кто они были по происхождению. Все эти люди, выступавшие как представители российской науки, в той или иной мере были охвачены страстью к археологии Крыма и внесли свой вклад в ее развитие. В структуре созданной в 1859 г. Императорской Археологической Комиссии Восточному Крыму всегда отводилось особое место, поскольку Керченский музей находился в ее непосредственном подчинении и финансировался из Петербурга. Хранящаяся в Научном архиве ИИМК РАН документация и изобразительные материалы относительно раскопок тех лет начали активно использоваться, начиная с середины прошлого века (В. Ф. Гайдукевич и др.). В настоящее время комплексный подход к изучению ряда давно известных курганов Европейского Боспора предполагает не только систематизацию имеющихся архивных данных, но и привлечение данных, полученных с помощью дистанционных методов исследования, пространственного анализа расположения курганов, их точной топографической привязки, использование хроноиндикаторов для уточнения датировки. В отношении погребальных комплексов, рассматриваемых в данной коллективной монографии, это позволило получить дополнительную ценную информацию как об истории их иссле-

дования, так и о них самих. Сопоставление полученных результатов с археологическими данными, уже введенными в научный оборот, наглядно демонстрирует процесс развития погребальной архитектуры элитных захоронений этого района античного мира, их связь с отдельными сторонами процесса греко-варварских взаимодействий, с характеристикой культуры местной аристократии на отдельных этапах истории Боспорского государства.

В. А. Горончаровский (ИИМК РАН)

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова*, 2016 — *Александрова Н. В.* Переписка Ю. Ю. Марти и Л. П. Харко. 1926–1952 // БЧ. 2016. XVII. С. 16–25.
- Алексеев*, 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.
- Амельченко*, 2004 — *Амельченко В. М.* Древние клады и сокровища Черноморья. Ростов-на-Дону, 2004.
- Андрусов*, 1893 — *Андрусов Н. И.* Геотектоника Керченского полуострова: Материалы по геологии России. Т. XVI. СПб., 1893. С. 63–335.
- Артамонов*, 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966.
- Баукова*, 2007 — *Баукова А. Ю.* Археологічні розкопки на території Керчі під час Другої світової війни // Вісник Національного університету. Вып. 584. Львів, 2007. С. 155–158.
- Баукова*, 2008 — *Баукова А. Ю.* Науково-дослідна діяльність Керченського історико-археологічного музею (1922–1988 рр.): археологічний аспект: Автореф. ... канд. дис. Киев, 2008. 20 с.
- Беспальный Е. И. и др.*, 2007 — *Беспальный Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А.* Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1». Ростов н/Д., 2007.
- Бестужев*, 1956 — *Бестужев И. В.* Крымская война 1853–1856 гг. М., 1956.
- Блаватский*, 1955 — *Блаватский В. Д.* О происхождении боспорских склепов с уступчатым перекрытием // СА. 1955. Т. 24.
- Бовыкин*, 2006 — *Бовыкин Д. Ю.* Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII–XX века. 2006. Вып. 7. С. 77–86.
- Богданов, Захаров*, 2015 — *Богданов А. А., Захаров Е. В.* «Нумизматическая переписка» К. Р. Бегичева и А. Е. Люценко с Л. А. Перовским и С. Г. Строгановым // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 г. М., 2015. С. 210–214.
- Богданович*, 1876а — *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов. Т. III. СПб., 1876.
- Богданович*, 1876б — *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов. Т. IV. СПб., 1876.
- Буйских*, 2009 — *Буйских А. В.* Архитектура склепа Деметры // Зинько Е. А., Буйских А. В., Русяева А. С., Савостина Е. А., Стриленко Ю. Н., Ягги О. Склеп Деметры. Киев, 2009.
- Брашинский*, 1979 — *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. М., 1979.

- Бутягин А. М., Виноградов Ю. А.*, 2014 — *Бутягин А. М., Виноградов Ю. А.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь, 2014.
- Бутягин, Виноградов*, 2016 — *Бутягин А. М., Виноградов Ю. А.* Мирмекийский саркофаг в собрании Государственного Эрмитажа. СПб., 2016.
- Быковская*, 2015 — *Быковская Н. В.* Неизвестная война // Керченская старина. Вып. I / ред.-сост. Н. В. Быковская и др. Симферополь, 2015. С. 29–46.
- Вахтина*, 1991 — *Вахтина М. Ю.* «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 3–11.
- Вахтина*, 2016а — *Вахтина М. Ю.* Еще раз об основном погребении в кургане Темир-Гора и одном из путей распространения раннего греческого импорта в Северном Причерноморье // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время: Материалы Международного круглого стола. М., 2016. С. 12–18.
- Вахтина*, 2016б — *Вахтина М. Ю.* Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования: Материалы XVII Боспорских чтений. Керчь, 2016. С. 73–82.
- Вахтина*, 2016в — *Вахтина М. Ю.* О женских погребениях в гробницах 1 и 2 некрополя Нимфея // Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы Международного круглого стола. СПб., 2016. С. 112–120.
- Вахтина, Виноградов, Рогов*, 1980 — *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161.
- Вахтина, Столяренко*, 2013 — *Вахтина М. Ю., Столяренко П. Г.* Некрополь Порфмия (по материалам раскопок 2004–2012 гг.) // Культурный слой. Нижний Новгород, 2013. Вып. 2. С. 114–145.
- Веселов*, 2005 — *Веселов В. В.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора. Suppl. II. М., 2005.
- Вигель*, 1928 — *Вигель Ф. Ф.* Записки. Т. 1. М., 1928.
- Виноградов*, 1987 — *Виноградов Ю. А. В. Ф. Гайдукевич* и исследования Мирмекия // Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987. С. 172–177.
- Виноградов Ю. А.*, 1993 — *Виноградов Ю. А.* Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева) / Раев Б. А. (ред.). Новочеркасск, 1993. С. 38–51.
- Виноградов*, 2001 — *Виноградов Ю. А.* Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // ВДИ. 2001. № 4. С. 77–87.
- Виноградов*, 2004 — *Виноградов Ю. А.* Курган Малая Близница (история изучения и датировка) // БИ. 2004. Вып. 7.

- Виноградов, 2004* — *Виноградов Ю. А. В. Ф. Гайдукевич. Путь советского археолога // Мавродинские чтения 2004. СПб., 2004. С. 237–239.*
- Виноградов, 2005а* — *Виноградов Ю. А. Концепция греческой колонизации Боспора в трудах В. Ф. Гайдукевича // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича / ред. Д. Г. Савинов. СПб., 2005. С. 74–80.*
- Виноградов, 2005б* — *Виноградов Ю. А. К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича // АВ. 2015. № 12. С. 323–330.*
- Виноградов, 2005* — *Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 211–296.*
- Виноградов, 2006* — *Виноградов Ю. А. Памяти В. Ф. Гайдукевича // БИ. Вып. XIII. Симферополь; Керчь, 2006. С. 3–15.*
- Виноградов, 2007* — *Виноградов Ю. А. Золотой курган (Алтын-Оба) // БИ. 2007. Вып. XVII. С. 5–20.*
- Виноградов, 2009* — *Виноградов Ю. А. Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). СПб., 2009. С. 248–401.*
- Виноградов, 2010* — *Виноградов Ю. А. Золотой курган (Алтын Оба) // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. СПб. / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2010. С. 471–476.*
- Виноградов, 2012* — *Виноградов Ю. А. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917) // БИ. 2012. Вып. XXVII. Керчь.*
- Виноградов, 2013* — *Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб., 2013. С. 160–190.*
- Виноградов, 2014а* — *Виноградов Ю. А. Осклепах македонского типана Боспоре // БИ. 2014а. Вып. XXX. С. 171–189.*
- Виноградов, 2014б* — *Виноградов Ю. А. Цари Боспора и боспорские курганы // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 497–509.*
- Виноградов, 2014в* — *Виноградов Ю. А. Курган села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 510–528.*
- Виноградов, 2014г* — *Виноградов Ю. А. Еще раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 529–534.*
- Виноградов, 2014д* — *Виноградов Ю. А. Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 535–552.*
- Виноградов, 2015* — *Виноградов Ю. А. О гробнице на Карантинном мысу под Керчью (городище Мирмекий) // ЗИИМК. 2015. № 11. С. 97–108.*
- Виноградов, 2016а* — *Виноградов Ю. А. В. Ф. Гайдукевич и изучение культуры боспорской элиты // Элита Боспора и боспорская элитарная культура:*

- Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.) / отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб., 2016. С. 414–420.
- Виноградов*, 2016б — *Виноградов Ю. А.* Российский археолог Кирилл Родионович Бегичев // БЧ. XVII: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследователи. Керчь, 2016. С. 87–91.
- Виноградов*, 2016в — *Виноградов Ю. А.* О деревянных конструкциях в насыпях боспорских курганов // Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии: Сборник статей по материалам XIX и XX чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. СПб., 2016.
- Виноградов Ю. А.*, 2016г — *Виноградов Ю. А.* Юз-Оба — некрополь боспорской знати. Культура и хронология // Российский археологический ежегодник. № 5–6. 2015–2016. 2016. С. 79–99.
- Виноградов*, 2017а — *Виноградов Ю. А.* Культура боспорской элиты при Спартокидах // БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 112–223.
- Виноградов* 2017б — *Виноградов Ю. А.* Элита Боспора в митридатовское и постмитридатовское время // БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 261–287.
- Виноградов, Горончаровский*, 2009 — *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб., 2009.
- Виноградов и др.* 2012 — *Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь; Керчь, 2012.
- Власова*, 2000 — *Власова Е. В.* Открытие кургана Куль-Оба // Пантикапей-Боспор-Керчь — 26 веков древней столицы: Материалы международной конференции. Керчь, 2000. С. 27–33.
- Власова*, 2006 — *Власова Е. В.* Куль-Оба // БИ. 2006. Вып. XIII. С. 47–53.
- Гавиньей др.*, 2010 — *Гавинье Ж.-П., Рамос Э., Шильц В.* Польш Дюбрюкс, Куль-Оба и скифы // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 2010. С. 102–109.
- Гайдукевич В. Ф.*, 1941 — *Гайдукевич В. Ф.* Укрепленная villa rustica на Темиргоре // СА. 1941. VII. С. 45–60.
- Гайдукевич*, 1949 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гайдукевич*, 1955 — *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // АГСП. 1955. I.
- Гайдукевич*, 1959 — *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. Варшава, 1959.
- Гайдукевич*, 1981 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н. э. с уступчатым перекрытием // Гайдукевич В. Ф. Боспорские города. Л., 1981. С. 6–54.
- Гайдукевич и др.*, 1941 — *Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О.* Раскопки северной и западной частей Мирмекия // МИА. 1941. № 4. С. 110–148.

- Галанина*, 2015 — *Галанина Л. К.* Раскопки Ульских курганов в 1898, 1908 и 1909 гг. // Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. Москва; Берлин; Бордо, 2015.
- Гарский*, 1902 — *Гарский Б.* Патаниоти 2-й, Николай Юрьевич // Русский биографический словарь. Т. XIII. СПб., 1902. С. 368–369.
- Гергова*, 2013а — *Гергова Д.* Золотые дары из Свештари. София, 2013.
- Гергова*, 2013б — *Гергова Д.* Под знаком на Орион. Последни разкрития от царския некропол на гетите. София, 2013.
- Гёри*, 1876 — *Гёри К. К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII ст. до 1859 г. М., 1876.
- Герцигер*, 1984 — *Герцигер Д. С.* Античные канделябры в собрании Эрмитажа // ТГЭ. 1984. Т. XXIV. С. 83–99.
- Горев*, 1955 — *Горев Л.* Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955.
- Городцов*, 1947 — *Городцов В. А.* Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. // СА. 1947. Вып. VII.
- Грач*, 1999 — *Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. Л., 1999.
- Григорьев*, 1861 — *Григорьев В. В.* Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861.
- Гугуев*, 1992 — *Гугуев В. К.* Парадный конский убор из кургана 10 Кобяковского могильника // Донские древности. Вып. 1. Ростов н/Д., 1992.
- Гугуев*, 2000 — *Гугуев Ю. К.* О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000.
- Дубровин*, 1900в — *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. III. СПб., 1900.
- Дюбрюкс*, 2010 — *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. Т. I. СПб., 2010.
- Жиль*, 1854 — *Жиль Ф. А.* Введение // ДБК. Т. I. 1854. С. I–CLIV.
- Жиль*, 2009 — *Жиль Ф. А.* Письма о Кавказе и Крыме. Нальчик, 2009.
- Зайончковский*, 1908 — *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. СПб., 1908.
- Зинько*, 1994 — *Зинько Е. А.* Склеп Деметры. Буклет. Симферополь, 1994.
- Зимин*, *Соколов*, 2013 — *Зимин И. В.*, *Соколов А. А.* Ювелирные сокровища Российского императорского двора. М., 2013.
- Зинько*, 2009 — *Зинько Е. А.* История открытия памятника и изучения склепа Деметры // *Зинько Е. А.*, *Буйских А. В.*, *Русяева А. С.*, *Савостина Е. А.*, *Стриленко Ю. Н.*, *Ягги О.* Склеп Деметры. Киев, 2009.
- Зинченко*, 2001 — *Зинченко С. М.* Нашивные бляшки с изображением оленя из некрополя Нимфея (к вопросу об особенностях функционирования одного канонического образа) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Т. I. С. 115–123.

- Ильюков, 2000* — *Ильюков Л. С.* Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000.
- Калашник, 2014* — *Калашник Ю. П.* Греческое золото в собрании Эрмитажа. СПб., 2014.
- Канторович, 2015* — *Канторович А. Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция (рукопись докторской диссертации). Т. 1. М., 2015. 1724 с. // http://archaeolog.ru/media/dissovet/Kantor_diss.
- Карейша, 1846* — *Карейша Д. В.* Археологические разыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса // ЖМНП. 1846. Ч. 16.
- Киселев, 1949* — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9.
- Кларк, 1999* — *Кларк М. Е.-Д.* Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы // Археология и история Боспора. Т. III. Керчь. 1999. С. 11–38.
- Копейкина, 1972* — *Копейкина Л. В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972. № 1. С. 147–159.
- Королькова, Алексеев, 1994* — *Королькова (Чежина) Е. Ф., Алексеев А. Ю.* Олень из кургана Куль-Оба // Проблемы археологии. 1994. Вып. 3. СПб. С. 102–109.
- Кузнецова, 2002* — *Кузнецова Т. М.* Загадки Темир-Горы // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. II. С. 79–90.
- Кулатова, Супруненко, 2010* — *Кулатова І. М., Супруненко О. Б.* Кургани скифського часу західної округи Більського городища. Київ, 2010.
- Кунина, 2007* — *Кунина Н. З.* Стекланные сосуды из керченского склепа Деметры // EUNARISTHRION. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 57–62.
- Лазенкова, 2001* — *Лазенкова Л. М.* Керченский музей древностей. Исследователи. «Почтенный археолог» А. Е. Люценко // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2. СПб., 2001. С. 287–292.
- Лазенкова, 2003* — *Лазенкова Л. М.* Керченский музей древностей. Основатели, исследователи. Керчь, 2003.
- Лесков, 1968* — *Лесков А. М.* Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. 1968. № 1. С. 158–166.
- Майков, 1902* — *Майков П.* Перовский Лев Алексеевич // Русский биографический словарь. Т. XIII. СПб., 1902. С. 541–550.
- Максимова, 1955* — *Максимова М. И.* Резные камни // АГСП. 1955. I. С. 437–445.
- Максимова, 1956* — *Максимова М. И.* Глиняная ткацкая подвеска с оттиском печати // МИА. 1956. № 50. С. 190–196.

- Манаев*, 2016 — *Манаев А. Ю.* Археологические исследования в Крыму в послевоенные годы в контексте развития светской исторической науки // БЧ. 2016. XVII. С. 265–272.
- Марти*, 1926a — *Марти Ю. Ю.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
- Марти*, 1926b — *Марти Ю. Ю.* Путеводитель по керченским древностям. Керчь, 1926.
- Мартынов*, 1997 — *Мартынов А. К.* Золотые серьги из могильника Дорт-Оба // СГЭ. 1997. Вып. 57. С. 36–38.
- Масленников*, *Смекалова*, 2005 — *Масленников А. А., Смекалова Т. Н.* Следы древнего землевладения и землепользования на хоре Европейского Боспора (введение в тему) // Древности Боспора. 2005. № 8. С. 276–307.
- Медведева*, 2016 — *Медведева М. В.* К истории поступления и атрибуции архивных документов по изучению склепа Деметры (по материалам Научного архива ИИМК РАН) // Таврические студии. 2016. № 10. С. 111–117.
- Михайловский-Данилевский*, 1897 — *Михайловский-Данилевский А. И.* Из воспоминаний: Путешествие с императором Александром I по южной России в 1818 г. // Русская старина. 1897. № 7. С. 92–97.
- Молев*, 1976 — *Молев Е. А.* Всю свою жизнь... // Керченский рабочий. 10 июля 1976.
- Молев*, *Шестаков*, 1991 — *Молев Е. А., Шестаков С. А.* Некрополь Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 74–100.
- Муральт*, 1850 — *Муральт Э. Г.* Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Босфора Киммерийского // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. 1850. Т. II. С. 306–329.
- Мурзин*, 1984 — *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Неверов*, 1973 — *Неверов О. Я.* Дексамен Хиосский и его мастерская // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 51–61.
- Неверов*, 1986 — *Неверов О. Я.* Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная торевтика / ред. Н. Л. Грач. Л., 1986. С. 17–27.
- Петренко*, 1978 — *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // САИ. 1978. Вып. Д4–5.
- Петренко*, *Маслов*, *Канторович*, 2000 — *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Хронология центральной группы могильника «Новозаведенное II» // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 238–248.
- Петренко*, *Маслов*, *Канторович*, 2009 — *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Ново-

заведенное II в 1991–2003 гг. // Археологические открытия 1991–2004. Европейская Россия. М., 2009. С. 225–234.

Петрова, 1997 — *Петрова М. М.* Археология в жизни министра внутренних дел России Л. А. Перовского // Археология Крыма. Т. I. Симферополь, 1997. С. 190–191.

Полидович, Вольная, 2005 — *Полидович Ю. Б., Вольная Г. В.* Образ зайца в скифском искусстве // Древности Европы: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М., 2005. С. 425–436.

Пругло, 1963 — *Пругло В. И.* Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1961 года. Одесса, 1963. С. 72–78.

Публичное собрание, 1820 — Публичное собрание в Вольном обществе любителей российской словесности // Отечественные записки. 1820. Ч. II. С. 88–103.

Пушкин, 1937 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. XIII. М.; Л., 1937.
Ромашко и др., 2014 — *Ромашко В. А., Скорый С. С., Филимонов Д. Г.* Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье // РА. 2014. № 4. С. 107–117.

Ростовцев, 1906 — *Ростовцев М. И.* Керченская декоративная живопись и ближайшие задачи археологического исследования Керчи // ЖМНП. Май–июнь 1906. Новая серия. III. С. 211–231.

Ростовцев, 1913 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. Т. I. Атлас. СПб., 1913.

Ростовцев, 1914 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. Т. II. Текст. СПб., 1914.

Ростовцев, 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.

Рябкова, 2015 — *Рябкова Т. В.* Культурные взаимодействия предскифского и раннескифского времени (периода РСК-I) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий. СПб., 2015. С. 94–98.

Саверкина, 1962 — *Саверкина И. И.* Мраморный саркофаг из Мирмекия // ТГЭ. 1962. Т. VII. С. 247–266.

Савинов, 2012 — *Савинов Д. Г.* Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии // Труды САИПИ. Вып. 9. М.; Кемерово, 2012. С. 35–55.

Савостина, 1984 — *Савостина Е. А.* Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация): Автореф. ... дис. канд. историч. наук. М., 1984.

- Санжаровец*, 2015а — *Санжаровец В. Ф.* Романовы и Керчь // Керченская старина. Вып. 1. Симферополь, 2015. С. 58–85.
- Санжаровец*, 2015б — *Санжаровец В. Ф.* Керчь-Еникале и ее градоначальники // Керченская старина. Вып. 1. Симферополь, 2015. С. 86–113.
- Силантьева*, 1959 — *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5–107.
- Силантьева*, 1976 — *Силантьева П. Ф.* Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. 1976. Т. XVII. С. 123–137.
- Скальковский*, 1838 — *Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1796–1823. Ч. 2. Одесса, 1838.
- Скржинская*, 1986 — *Скржинская М. В.* Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 112–126.
- Смекалова, Кутайсов*, 2013 — *Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А.* Пастухи и земледельцы раннего железного века в северо-западном Крыму: Материалы к археологической карте Крыма. 2013. Т. VIII. Ч. 2.
- Смекалова, Смекалов*, 2005 — *Смекалова Т. Н., Смекалов С. Л.* Попытка реконструкции системы дорог и клеров городов европейского Боспора (по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок) // БИ. 2005. Вып. X. С. 27–60.
- Смирнов*, 2015 — *Смирнов Н. Ю.* Зверь и птица из Темир-Горы // БИ. 2015. Вып. XXI. С. 50–59.
- Соколова*, 2016 — *Соколова О. Ю.* Мы ехали сюда, что град Нимфей копать... // БЧ. 2016. XVII. С. 448–457.
- Сорокин*, 1981 — *Сорокин С. С.* К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. 1981. Вып. 22.
- Стародубцев*, 2004 — *Стародубцев В. М.* Новые возможности исследований на Ак-Буруне. 2004: <http://www.kerch.com.ru/articleview.aspx?id=1693>
- Сокольский*, 1969 — *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья // САИ. 1969. Вып. Г1–17.
- Сокольский*, 1971 — *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 178. М.
- Стоянов*, 2014 — *Стоянов Р. В.* Из истории исследования кургана Кара-Оба // БИ. 2014. Вып. XXX.
- Сумароков*, 1805 — *Сумароков П.* Досуги крымского судьи. Ч. II. СПб., 1805.
- Тайна золотой маски*, 2009 — Тайна золотой маски: Каталог выставки. СПб., 2009.
- Тарле*, 2005 — *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. II. М., 2005.
- Темир-Гора и Широкая балка* // Крым для россиян. (www.crimea.ru/item_info_big.htm).
- Тетбу де Мариньи*, 1848 — *Тетбу де Мариньи Э. В.* Павел Дюбрюкс // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 229–231.

- Тихонов, 2012* — *Тихонов И. Л.* Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г. Е. Кизерицкий // Мнемон. 2012. Вып. 11. С. 419–438.
- Топоров, 1987* — *Топоров В. Н.* Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. I. М., 1987.
- Тохтасьев, 2015* — *Тохтасьев С. Р.* Из ономастики Северного Причерноморья. XXII: несколько скифских и сарматских имен // Индоевропейские языки и классическая филология. СПб., 2015. С. 890–898.
- Трейстер, 2013* — *Трейстер М. Ю.* Золотые бляшки ахеменидского стиля из кургана Баксы в Восточном Крыму // ДБ. 2013. Т. 17. С. 345–360.
- Трейстер, 2014* — *Трейстер М. Ю.* Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н. э. — V в. н. э. (генезис и хронология основных типов) // Погребальная культура Боспорского царства: Материалы Круглого стола, посвященные 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998). СПб., 2014. С. 54–65.
- Тункина, 2002* — *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
- Тункина, 2010* — *Тункина И. В.* «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 2010. С. 13–101.
- Тункина, 2011* — *Тункина И. В.* Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. Киев, 2011.
- Уильямс, Огден, 1995* — *Уильямс Д., Огден Дж.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н. э. СПб., 1995.
- Хицунов, 1841* — *Хицунов П. И.* Заметки по пути от реки Дона до Пятигорска, с кратким описанием Ставрополя, Пятигорска и окрестных Минеральных Вод // Отечественные Записки. 1841. Т. XVII. № 7–8. Отд. VII. С. 1–17; 49–61.
- Фармаковский, 1914* — *Фармаковский Б. В.* Милетские вазы из России // Древности. 1914. Т. XXV. С. 47–61.
- Федосеев, 2011* — *Федосеев Н. Ф.* Публикации монографии «Склеп Деметры» // Научный сборник Керченского заповедника. III. Симферополь, 2011. С. 486–508.
- Черненко, 1966* — *Черненко Е. В.* О шлеме из Нимфея // СА. 1966. № 4. С. 194–195.
- Черненко, 1968* — *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968.
- Черненко, 1970* — *Черненко Е. В.* Погребения с оружием из некрополя Нимфея // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970. С. 190–198.
- Черненко, 1981* — *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Шаров, 2011а* — *Шаров О. В.* О дате «бронзовой пряжки» из склепа Деметры в Керчи // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. СПб., 2011. С. 120–121.
- Шаров, 2011б* — *Шаров О. В.* К вопросу о «сарматской» знати на Боспоре в позднееримскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии:

- Материалы и исследования по археологии юга России. 2011. Вып. 3. Ростов н/Д. С. 426–453.
- Шаров*, 2016 — *Шаров О. В.* Склеп Деметры в Керчи: неизвестные страницы (по материалам научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) // *Stratum plus*. 2016. № 4. С. 319–334.
- Шелов*, 1967 — *Шелов Д. Б.* Танаис. Потерянный и найденный город. М., 1967.
- Шкорпил*, 1896 — *Шкорпил В. В.* Сообщение от 3 марта 1896 года, заслушанное 15 марта на заседании № 294 Одесского общества истории и древностей // *ЗООИД*. 1896. Т. XIX. С. 56–58.
- Шкорпил*, 1914 — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // *ИАК*. 1914. Вып. 56. С. 1–74.
- Шрамко*, 2015 — *Шрамко И. Б.* Роговые наконечники луков с Западного Бельского городища // *Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы*. ТГЭ. 2015. Т. LXXVII. С. 487–511.
- Щукин*, 1989 — *Щукин М. Б.* Фибулы типа «Алезия» из Среднего Приднепровья и некоторые проблемы греко-варварских контактов на рубеже нашей эры // *СА*. № 3. С. 61–70.
- Яковенко*, 1970 — *Яковенко Э. В.* Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма // *КСИА*. 1970. № 124. С. 54–60.
- Яковенко*, 1972 — *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-Горе // *СА*. 1972. № 3. С. 259–267.
- Яковенко*, 1976a — *Яковенко Э. В.* Древнейший памятник искусства скифов // *СА*. 1976. С. 236–239.
- Яковенко*, 1976b — *Яковенко Э. В.* Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. М., 1976. С. 128–137.
- Яковенко*, 1977 — *Яковенко Э. В.* Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // *Скифы и сарматы / отв. ред. А. И. Тереножкин*. Киев, 1977. С. 140–145.
- Boardman*, 1970 — *Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings. London, 1970.
- Cook, Dupont*, 1998 — *Cook J. M., Dupont P.* East Greek Pottery. London; New-York, 1998.
- Eggers*, 1951 — *Eggers H. J.* Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951.
- Gajdukevič*, 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- Gardner*, 1884 — *Gardner E. A.* Ornaments and Armors from Kerch in the Museum at Oxford // *Journal of Hellenic Studies*. 1884. Vol. 5. P. 62–73.
- Higgins*, 1980 — *Higgins R.* Greek and Roman Jewellery. London, 1980.
- Kalashnik*, 2007 — *Kalashnik Yu. P.* Necropolis of Pantikapaion. Slab tomb // *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles, 2007. P. 147–151.

- Kerschner, Schlotzhauer*, 2005 — *Kerschner M., Schlotzhauer U.* A New Classification System for East Greek Pottery // *East & West*. 2005. Vol. 4. N. 1. P. 1–56.
- Kreuz*, 2013 — *Kreuz P.-A.* A Cautious Reading of a Well-Known Monument: the Attic Relief Sarcophagus from Myrmekion // БФ: Греки и варвары на Евразийском. СПб., 2013. S. 213–218.
- Lund-Hansen*, 1987 — *Lund-Hansen U.* Römischen Import im Norden. Kopenhagen, 1987.
- McPherson*, 1857 — *McPherson D.* Antiquities of Kerch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus. London, 1857.
- Marcenko, Limberis*, 2008 — *Marcenko I. I., Limberis N. Ju.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen unterer Donau und Kuban (Archäologie in Eurasien. 2008. Bd. 23). S. 265–400.
- Nuber*, 1972 — *Nuber H. U.* Kanne und Griffshale. Ihr Gebrauch in täglichen Leben (Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. 1972. Bd. 53). Berlin.
- Petrovski*, 1993 — *Petrovski R.* Studien zu römischen Bronzegefassen mit Meisterstempel // Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen. Bd. 1. Köln, 1993.
- Piotrovsky, Galanina, Grach*, 1986 — *Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid 7th to 3rd Century B. C. Leningrad, 1986.
- Raev*, 1977 — *Raev B. A.* Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien (Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. 1977. Bd. 58). Berlin.
- Shefton*, 1992 — *Shefton B.* The Baksy Krater once more and some observations on the East Pedium of the Parthenon // *Kotinos*. Festschrift für Erika Simon / Hrsg. H. Froning, T. Hölscher, H. Mielsch. Mainz/Rhein, 1992. P. 241–250.
- Simonenko*, 2008 — *Simonenko A. V.* Römische Importe in sarmatischen Denkmälern Schwarzmeergebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen unterer Donau und Kuban (Archäologie in Eurasien. 2008. Bd. 23). S. 3–94.
- Strong*, 1966 — *Strong D.* Greek and Roman Gold and Silver Plate. Glasgow, 1966.
- Vickers*, 1979 — *Vickers M.* Scythian Treasures in Oxford. Oxford, 1979.
- Vickers*, 2002 — *Vickers M.* Scythian and Thracian Antiquities. Oxford, 2002.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. СПб.
- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
- БИ — Боспорские исследования. Керчь.
- БЧ — Боспорские чтения. Керчь.
- БФ — Боспорский феномен: Материалы Международной научной конференции.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
- ДБ — Древности Боспора. М.
- ДБК — Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854.
- ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ИАК — Известия Императорской Археологической Комиссии.
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- МАО — Московское археологическое общество.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- НА — Научный архив.
- ОАК — Отчеты Археологической Комиссии.
- РА — Российская археология.
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников. М.
- САИПИ — Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа.
- ТОАМ — Труды Отдела истории, искусства и культуры античного мира Государственного Эрмитажа.

Н а у ч н о е и з д а н и е

РОССИЙСКИЕ АРХЕОЛОГИ XIX — НАЧАЛА XX в.
И КУРГАННЫЕ ДРЕВНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА
Коллективная монография

Редактор XXX
Корректор XXX
Компьютерная верстка *Е. М. Денисова*

Подписано в печать XX.XX.2017. Формат 70×100 1/16
Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,2. Тираж XXX экз.
Зак. № XXX

Отпечатано в типографии «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38

Рис. 1. Триумфальная арка Марка Аврелия в Безансоне

Рис. 2. Луи-Жозеф де Бурбон Конде

Рис. 3. Т. Лоуренс. Портрет Армана-Эммануэля де Ришелье. 1818г.

Рис. 4. Мушкетер и обер-офицер Французского Дворянского полка принца Конде. 1797–1800 гг.

Рис. 5. У. Симпсон. Крепость Еникале.
1855 г.

Рис. 6. Керчь. Вид на набережную с крепостью и гору Митридат.
1821 г.

Рис. 7. Орден Св. Людовика

Рис. 8. Д. Доу. Портрет Александра Федоровича Ланжерона. Около сер. 1820-х гг.

Рис. 9. Великий князь Николай Павлович. Около 1820 г.

Рис. 10. Великий князь Михаил Павлович. 1819 г.

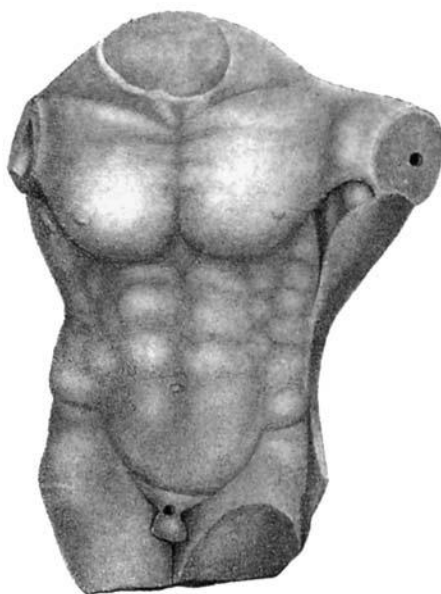

Рис. 11. Мраморный торс «Геракла», найденный на горе Митридат в 1817 г.

Рис. 12. Мраморная статуя сидящей Кибелы, найденная на горе Митридат

Рис. 13. Александр Иванович Михайловский-Данилевский. Около 1832 г.

Рис. 14. Э. Бушарди. Иван Алексеевич Стемповский. Не позднее 1819 г.

Рис. 15. Д. Энгр.
Дезире Рауль-Рошетт.
1830 г.

Рис. 16. Д. Доу.
Портрет Михаила Семеновича Воронцова.
Около сер. 1820-х гг.

Рис. 17. И. Кригубери.
Иван Павлович Бларамберг.
Около 1830 г.

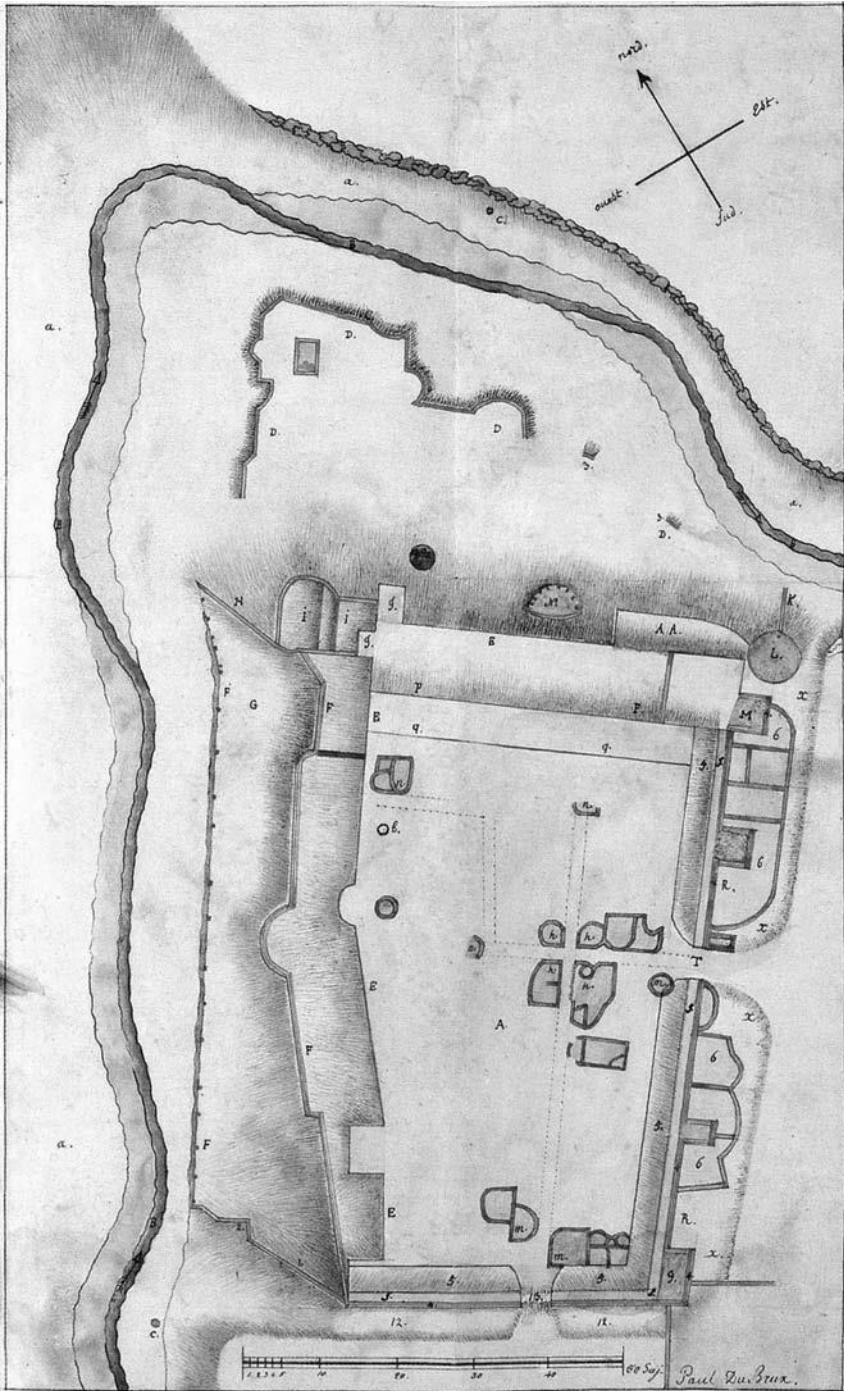

Рис. 18. П. Дюбрюкс. «План развалин акрополя, расположенного в Кермеш-Келечике» (городище Илурат). Не позднее 1833 г.

Рис. 19. Императорский Эрмитаж в начале XIX в. Литография К. Ланга

Рис. 20. К. Босоли. Общий вид Керченского пролива с горы Митридат. 1840–1842 гг.

Рис. 21. Алексей Николаевич Оленин.
1822 г.

Рис. 22. Лев Алексеевич Перовский
(ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 357)

Рис. 23. Александр Ефимович
Люценко (по: Марти, 1926)

1

2

3

4

Рис. 24. А. Е. Люценко на рисунках Ф. И. Гросса:
1 — НА ИИМК, р. 1, д. 691, л. 33; 2 — НА ИИМК, р. 1, д. 691, л. 37;
3 — НА ИИМК, р. 1, д. 564, л. 5; 4 — НА ИИМК, р. 1, д. 691, л. 36

Рис. 25. Кирил Родионович Бегичев (?)
(ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 1)

1

2

Рис. 26. Современный вид кургана Темир-Гора:
1 — с юго-запада, со стороны дороги на с. Глазовка; 2 — с вершины кургана

1

2

Рис. 27. Памятник в нижней части северо-западного склона кургана:
1 — общий вид; 2 — памятная надпись

Рис. 28. Вид кургана Темир-Гора после завершения раскопок в 1870 г.
Рисунок Ф. И. Гросса (НА ИИМК, р. 1, д. 693, л. 7)

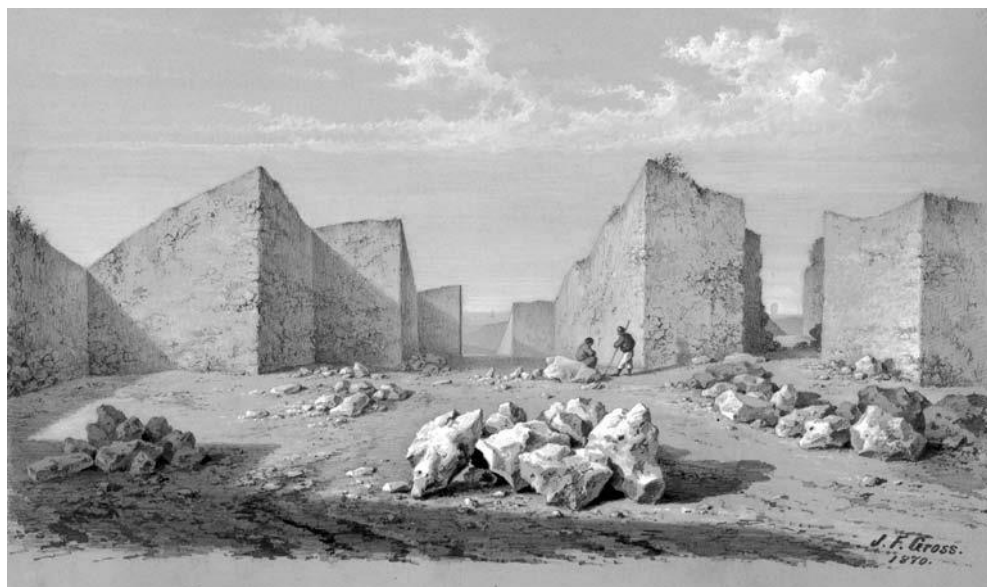

Рис. 29. Раскопки кургана.
Рисунок Ф. И. Гросса (НА ИИМК, р.1, д. 693, л. 7 об.)

1

2

Рис. 30. Современный вид вершины кургана:
1, 2 — следы раскопок XIX в. в центральной части

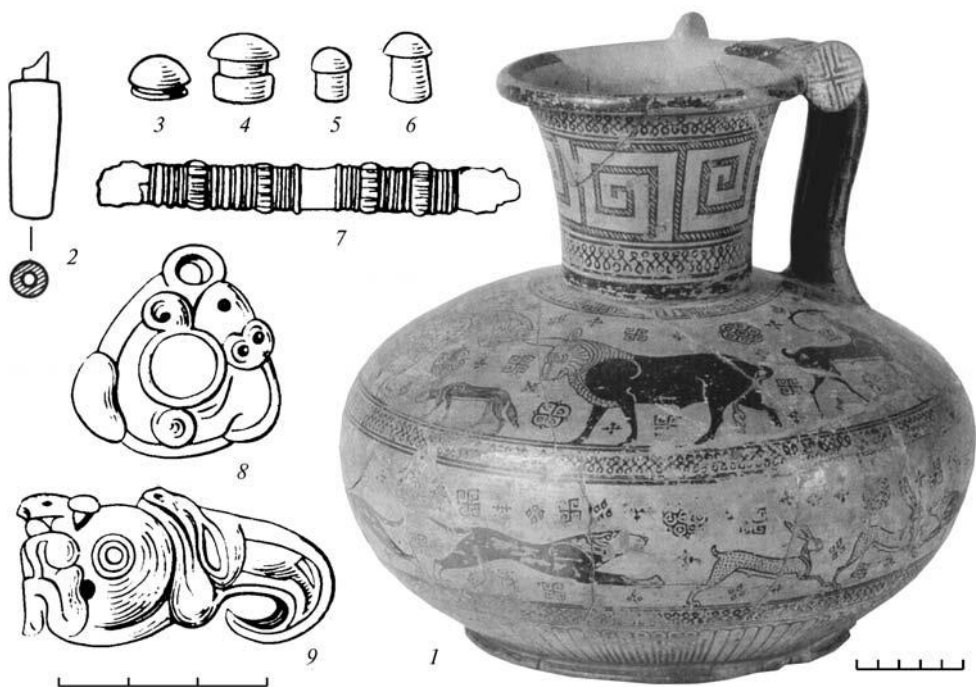

Рис. 31. Находки из основного погребения кургана на Темир-Горе (№ 81):

1 — греческая ойнохоя; 2 — костяная полая трубочка; 3–6 — костяные «пугови»; 7 — бронзовая, обложенная золотым листом застежка колчана; 8, 9 — изделия из кости в зверином стиле

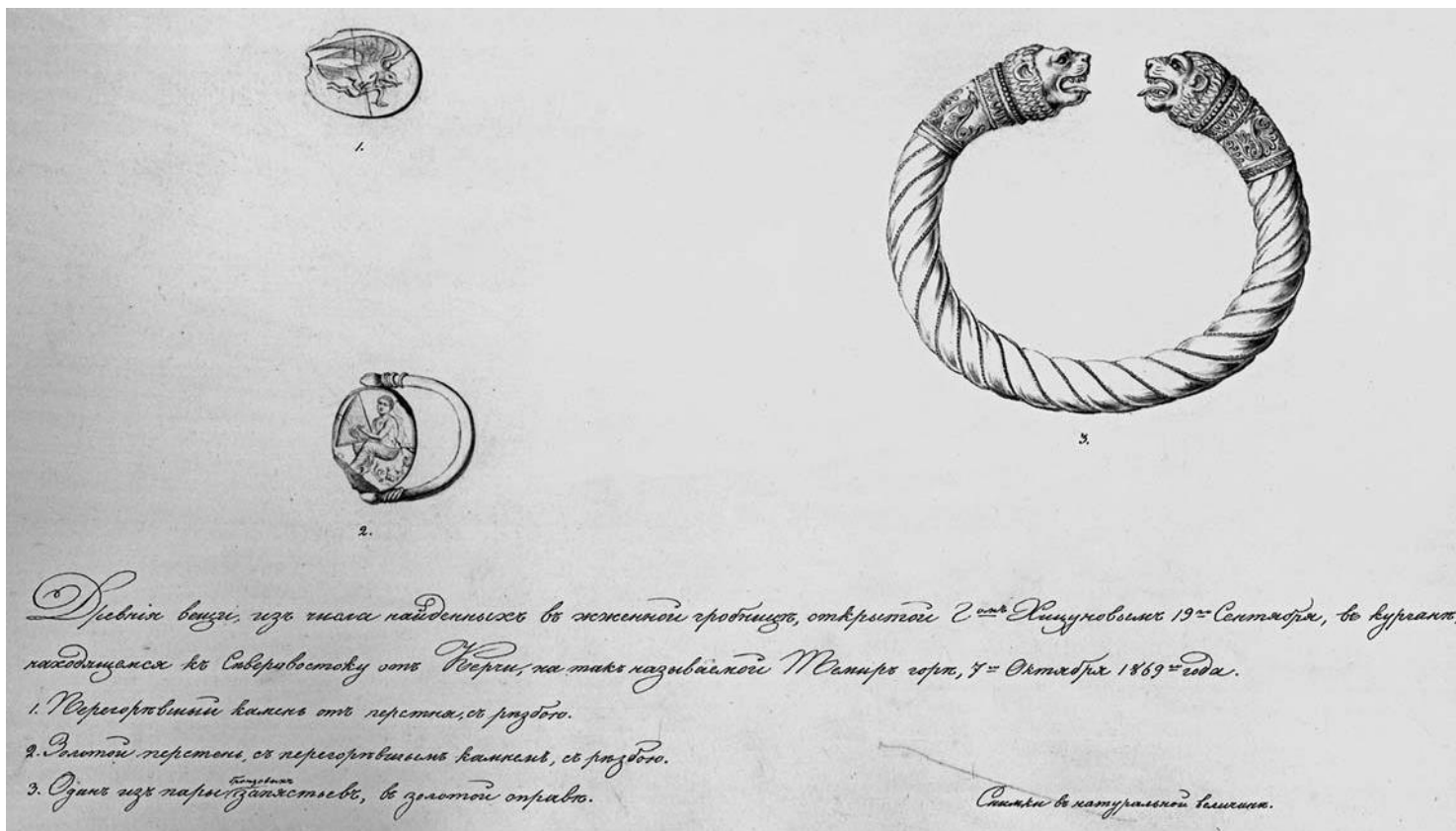

Рис. 33. Находки из женского погребения по обряду кремации:

- 1 — вставка от перстня; 2 — вставка от перстня в золотой оправе;
 3 — бронзовый, обложенный золотым листом браслет с золотыми головками львов на концах.
 Рисунок Ф. И. Гросса (НА ИИМК, р. 1, д. 693, л. 3 об.)

Рис. 34. «Цистерна». Рисунок Ф. И. Гросса (НА ИИМК, р. 1, д. 693, л. 8)

Рис. 35. Руины башни (?). Рисунок Ф. И. Гросса (НА ИИМК, р. 1, д. 693, л. 8 об.)

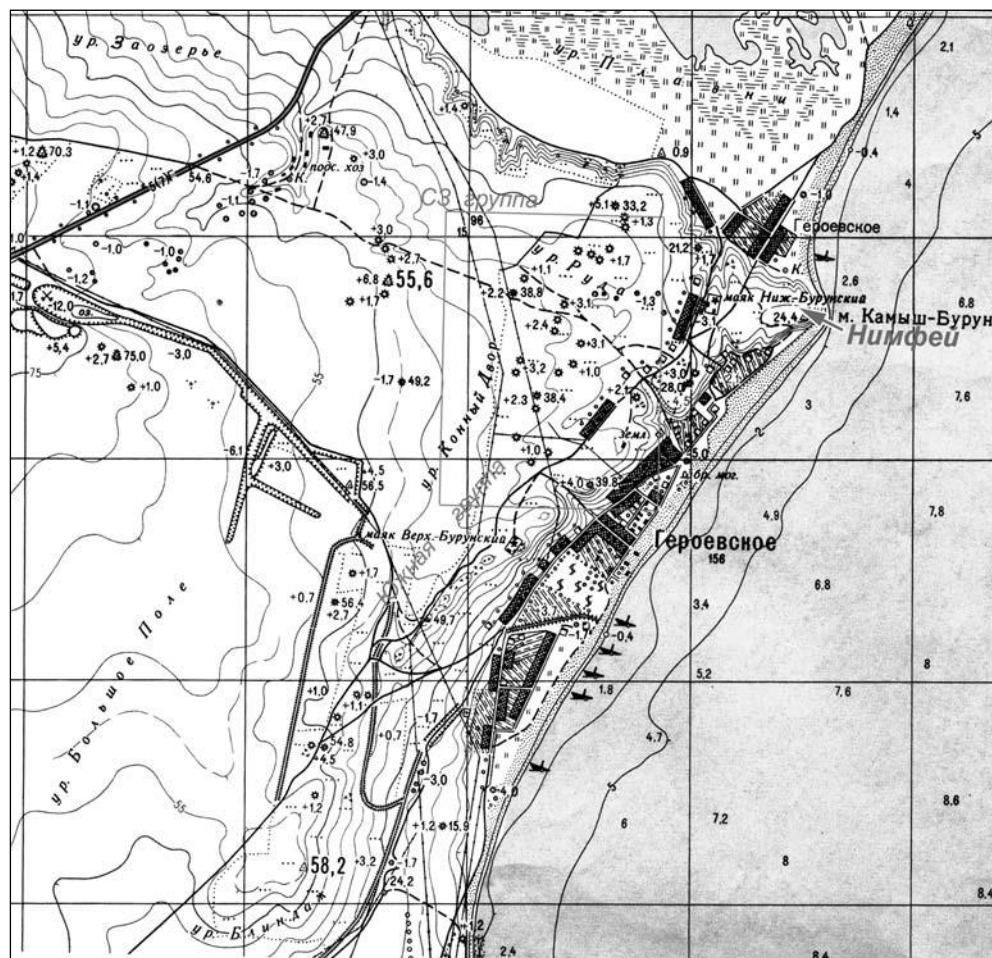

Рис. 36. Городище Нимфей и близлежащий курганный некрополь на карте 1957 г. масштаба 1 : 25 000. Клетка на карте имеет размеры 1 × 1 км. Отмечены Северо-Западная и Южная курганные группы

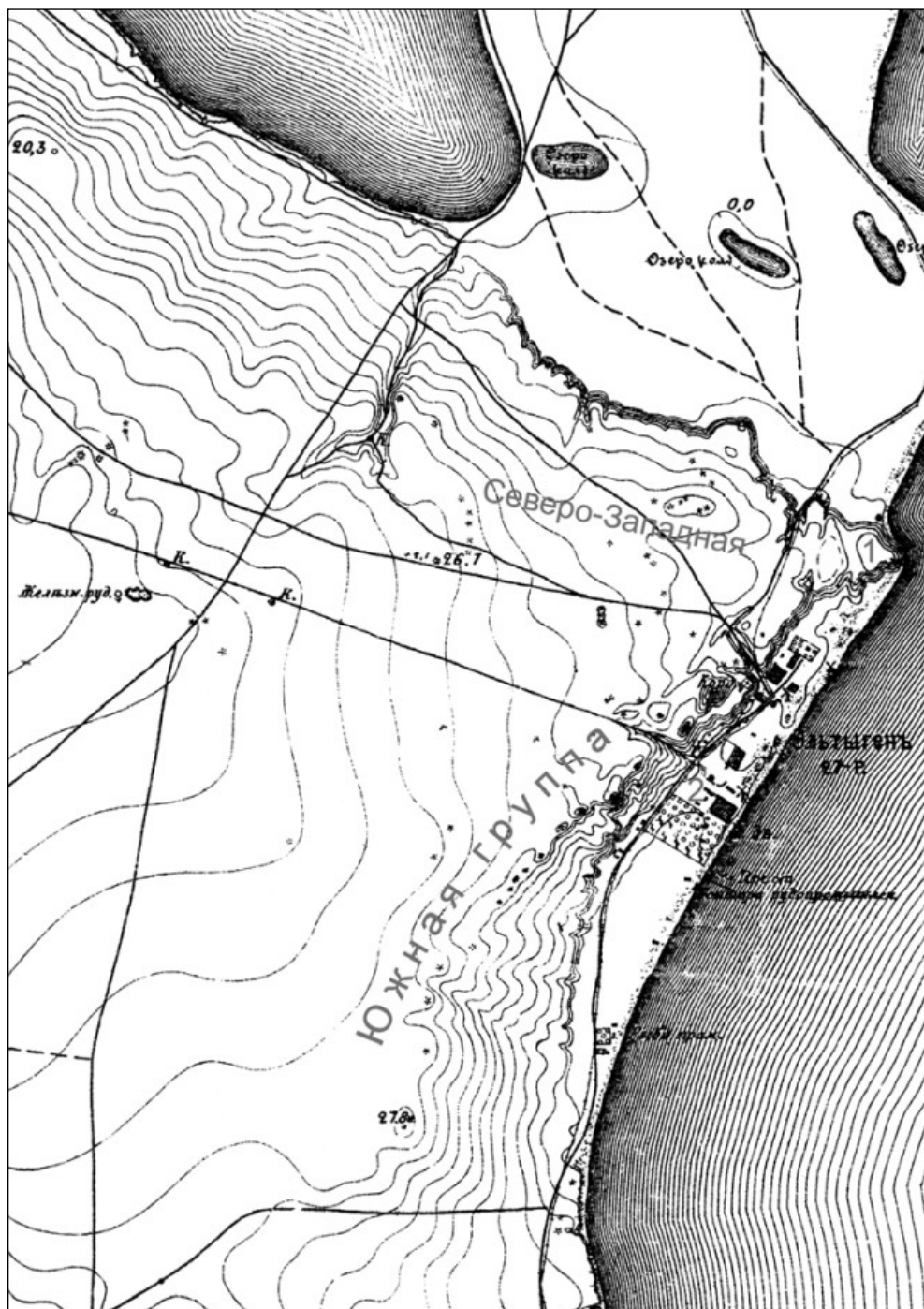

Рис. 37. Древний город Нимфей (1) и курганный некрополь на полуверстовой карте (масштаб 1 : 21 000), съемки 1897 г. Цифрой «2» отмечен господский дом

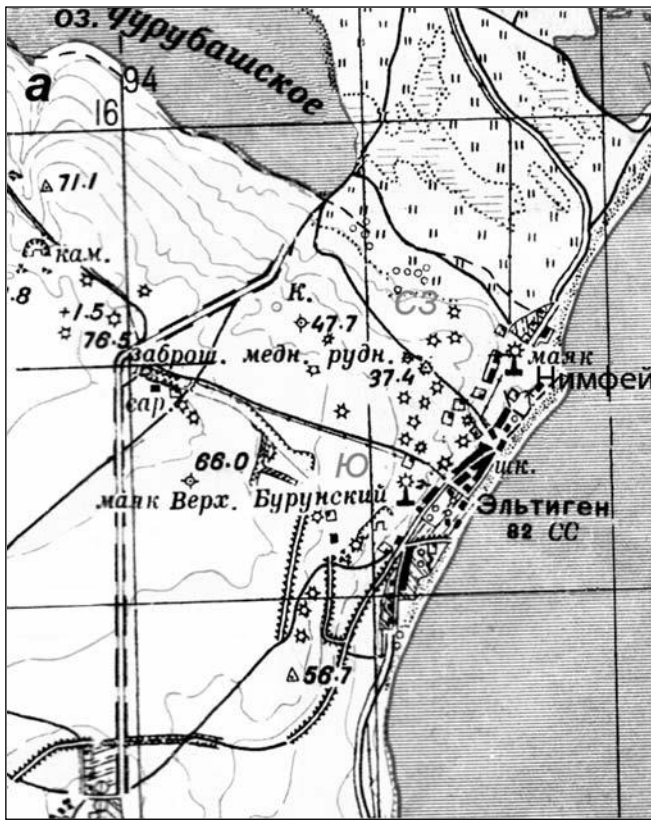

Рис. 38:

a — Нимфей и курганные группы: СЗ — Северо-западная и Ю — Южная на довоенной карте; *b* — Курганы южной группы, идущие по кромке прибрежной возвышенности, на трехмерном космическом снимке от 7 октября 2011 г. Вид с юга. Стрелкой показано положение городища Нимфей

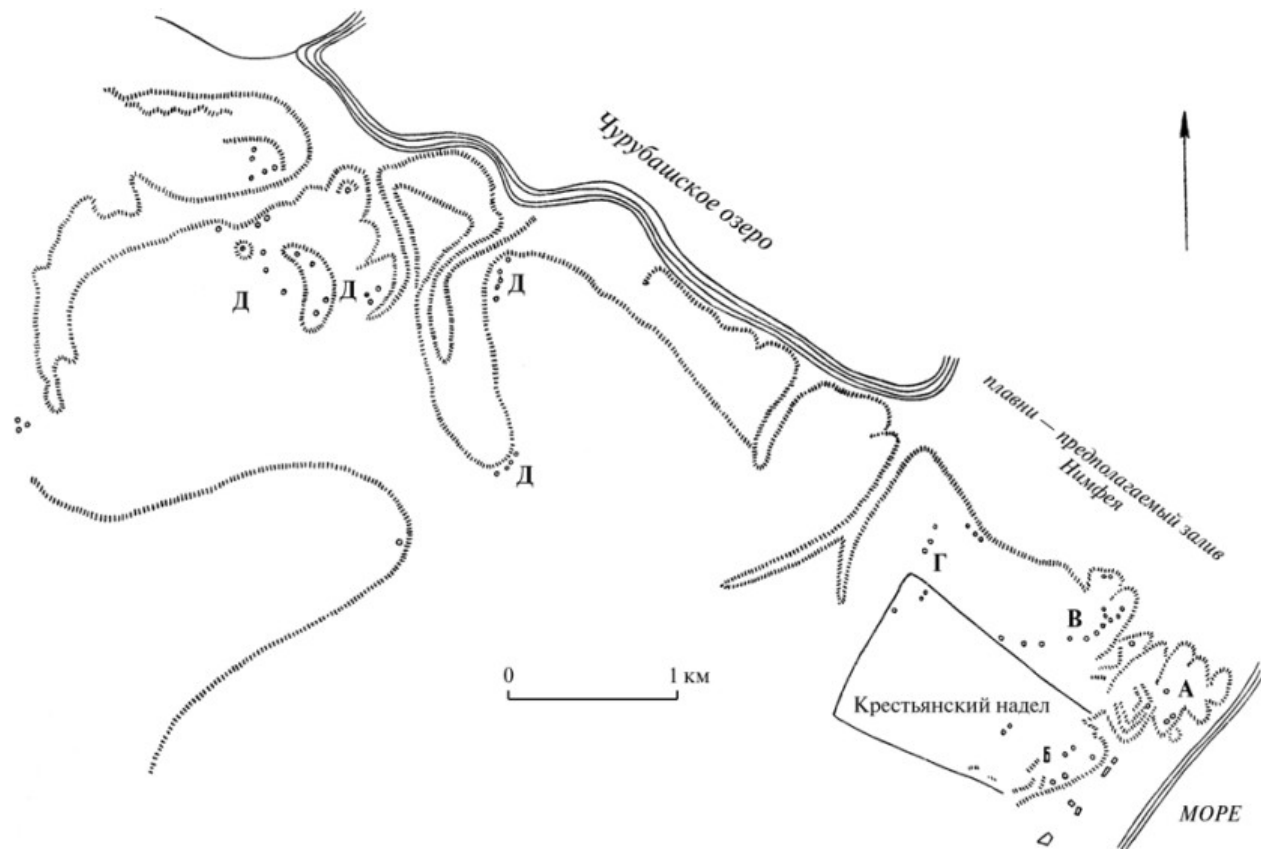

Рис. 39. План городища Нимфей и прилегающей к нему территории (по: Н. П. Кондакову):
А — городище; *Б* — южная курганная группа; *В* — северо-восточная (по Н. П. Кондакову — е);
Г — северо-западная (по Н. П. Кондакову — d); *Д* — за пределами некрополя Нимфея (по Н. П. Кондакову — f, h, f)
 (по: Силантьевой, 1959, рис. 1)

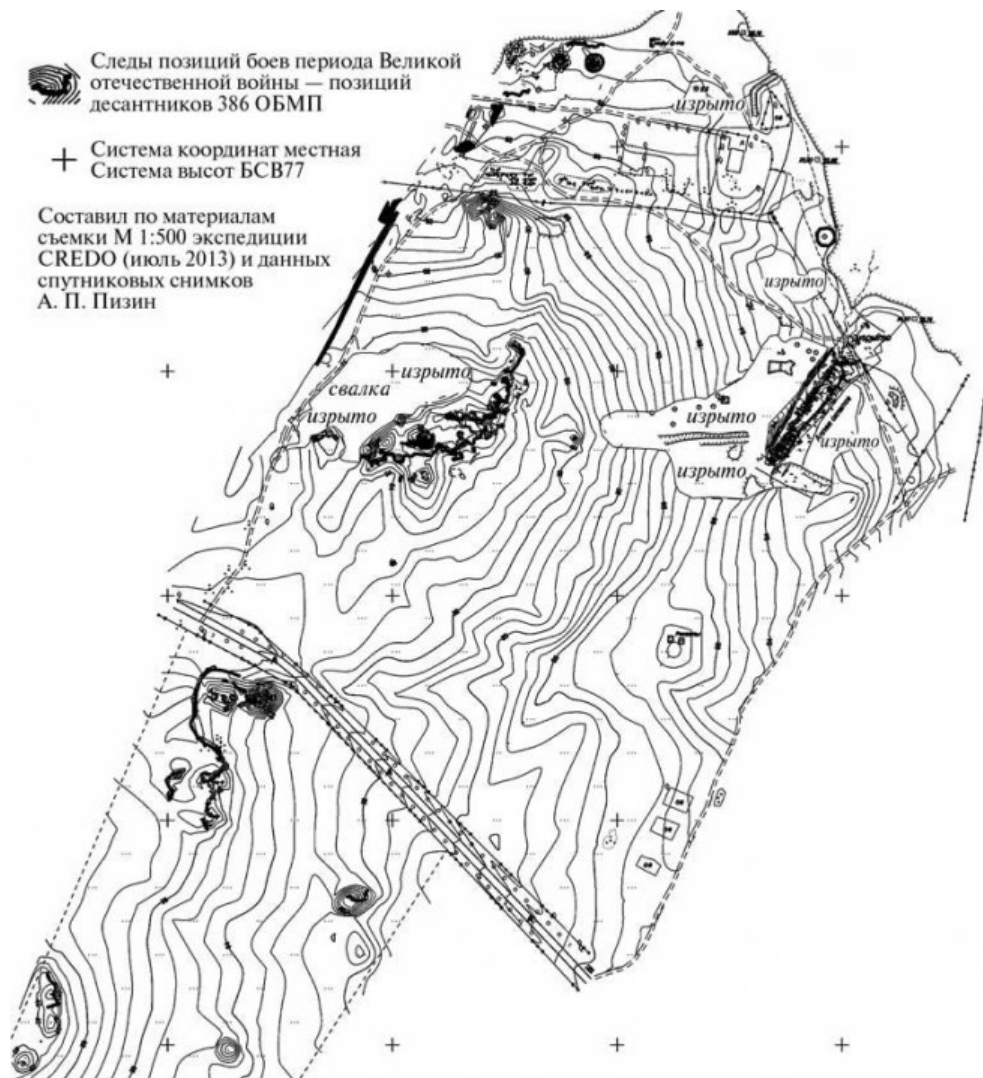

Рис. 40. Окрестности Нимфея.

План составлен А. П. Пигиным на основе съемки масштаба 1 : 500 экспедиции «CREDO» (июль 2013 г.)

Рис. 41. План курганного некрополя к юго-западу от Нимфея (по: Грач, 1999. С. 311, рис. 179):

1 — курган; 2 — ДОТ военного времени; 3 — памятник; 4 — маяк

Рис. 42. Совмещение плана курганного некрополя, изображенного на рис. 6, с современной картой масштаба 1 : 5000. Цифрой «1» обозначено городище Нимфей

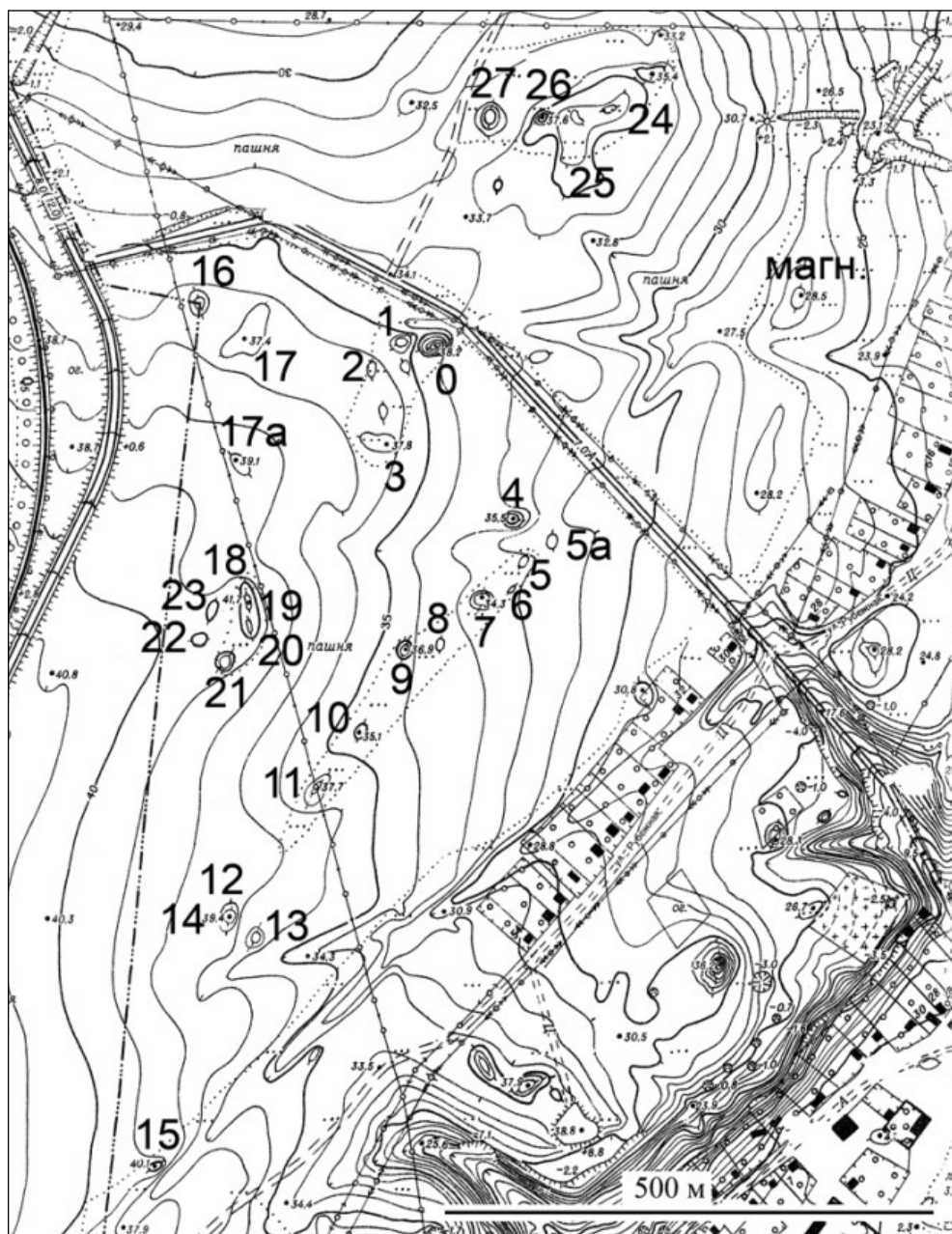

Рис. 43. Курганы, обследованные в 2015 г. на фоне современной карты масштаба 1 : 5000. Отмечено место проведения магнитной съемки («магн.»)

Рис. 44. Курганы, обследованные в 2015 г. на фоне космического снимка от 7 октября 2011 г.

Словом «магн.» отмечено место проведения магнитной съемки:

1 — городище Нимфей; *2, 3* — возможные древние дороги, заметные на космических снимках в виде темных линий

Рис. 45. Панорамный трехмерный космический снимок от 7 октября 2011 г. Курганы, обследованные в 2015 г., отмечены номерами 0–26. Словом «магн.» обозначено место проведения магнитной съемки:

1 — городище Нимфей; *2, 3* — возможные древние дороги

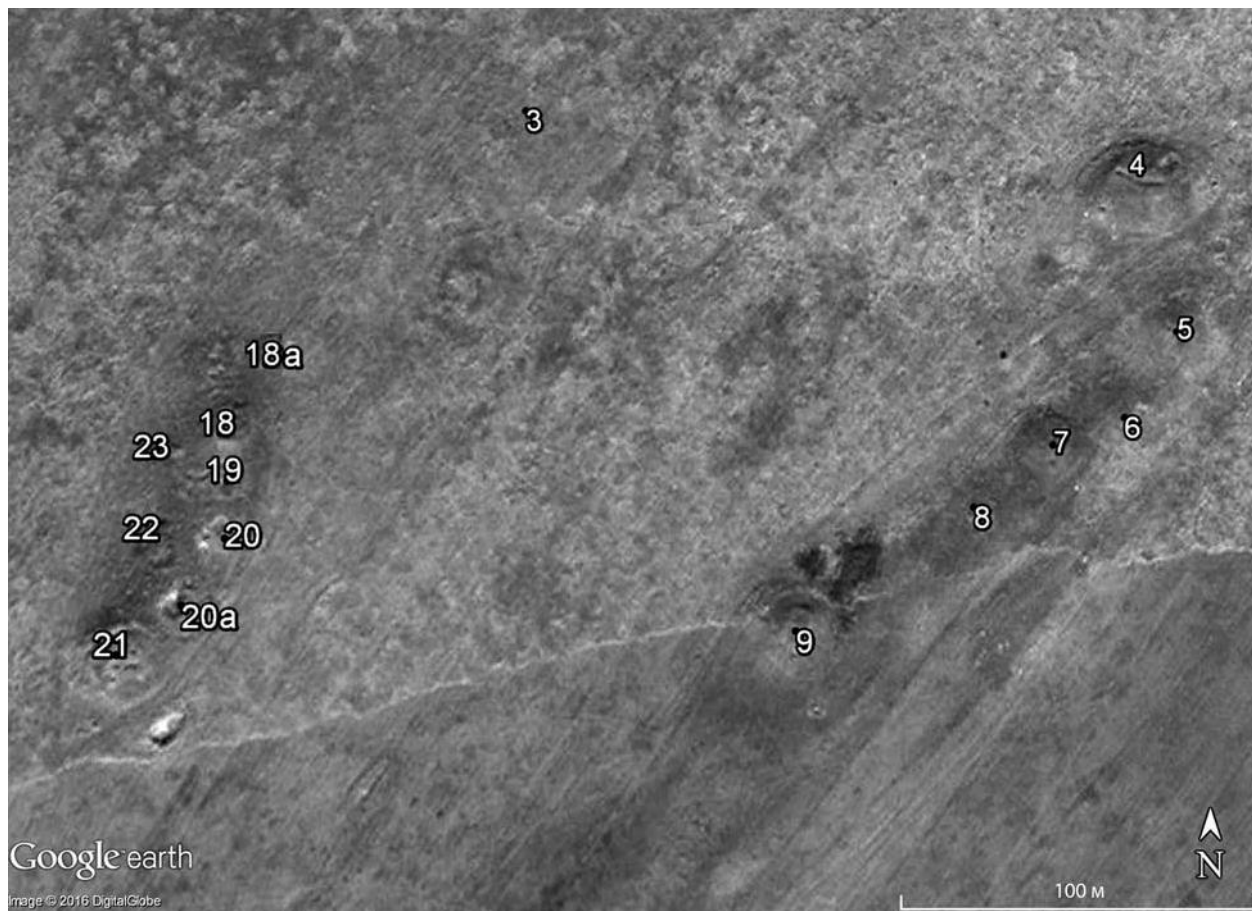

Рис. 46. Центральная часть юго-западной курганной группы на космическом снимке от 7 октября 2011 г.

Рис. 48. Темир-гора (отмечена стрелкой) на космическом снимке от 3 октября 2015 г.

Рис. 49. Вид на Темир-гору с юго-запада.
Фотография 23 мая 2016 г.

Рис. 50. Темир-гора на карте масштаба 1 : 25 000 съёмки 1955 г. Цифрами показаны:
1 — Темир-гора; 2 — Царский курган

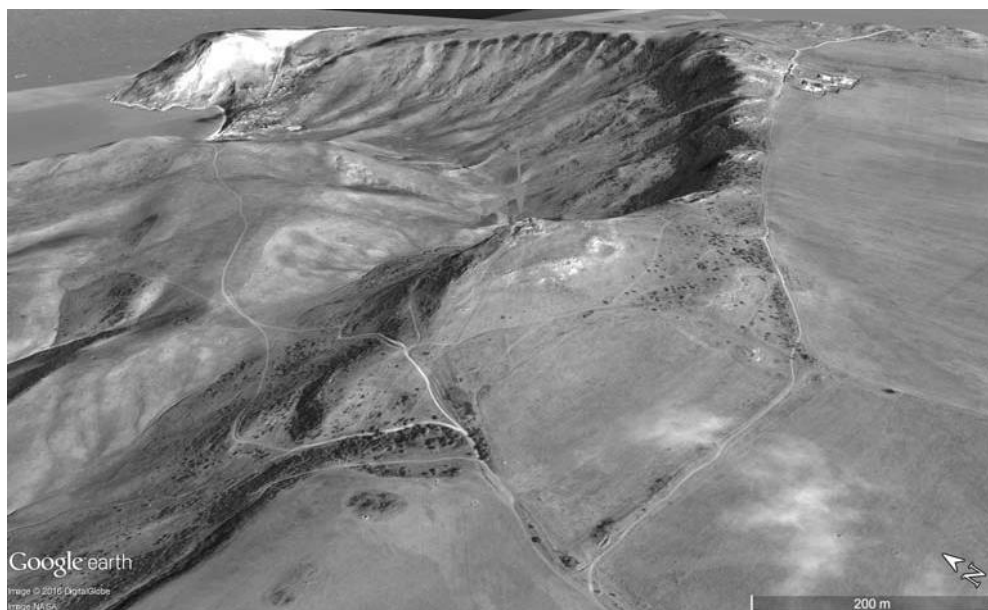

Рис. 51. Темир-гора. Трехмерный космический снимок от 4 ноября 2011 г.
Вид с запада

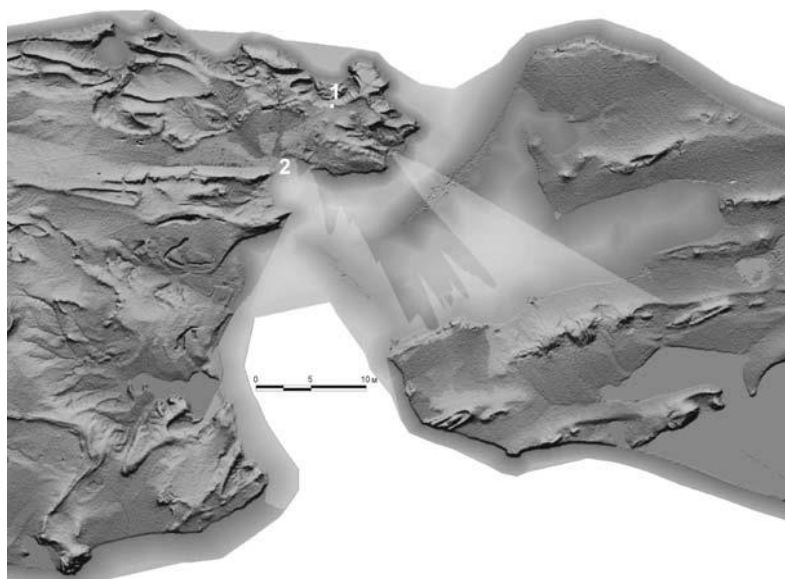

Рис. 52. Результат анализа прямой видимости (viewshed analysis) от Темир-горы, показанный на основе цифровой карты рельефа местности.
Видимые области более светлого оттенка:
1 — Темир-гора; 2 — Пантикапей

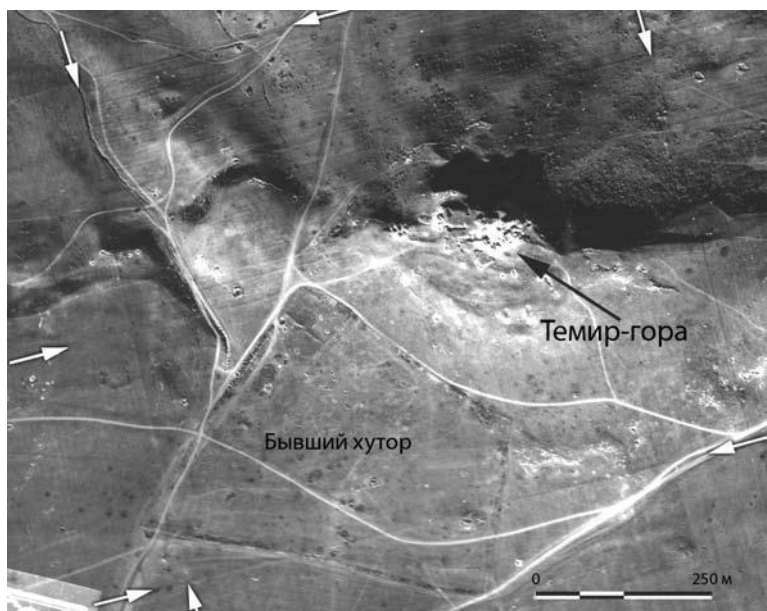

Рис. 53. Немецкий трофейный аэрофотоснимок от 19 ноября 1943 г. на Темир-гору (показана черной стрелкой). Белыми стрелками отмечены линии, относящиеся к ортогональному кадастру, проходящие под старинным хутором

Рис. 54. Аэрофотоснимок 1972 г. Темир-горы. Показаны контуры старого хутора. Белыми стрелками отмечены границы участков ортогональной межевой системы, проходящие под хутором

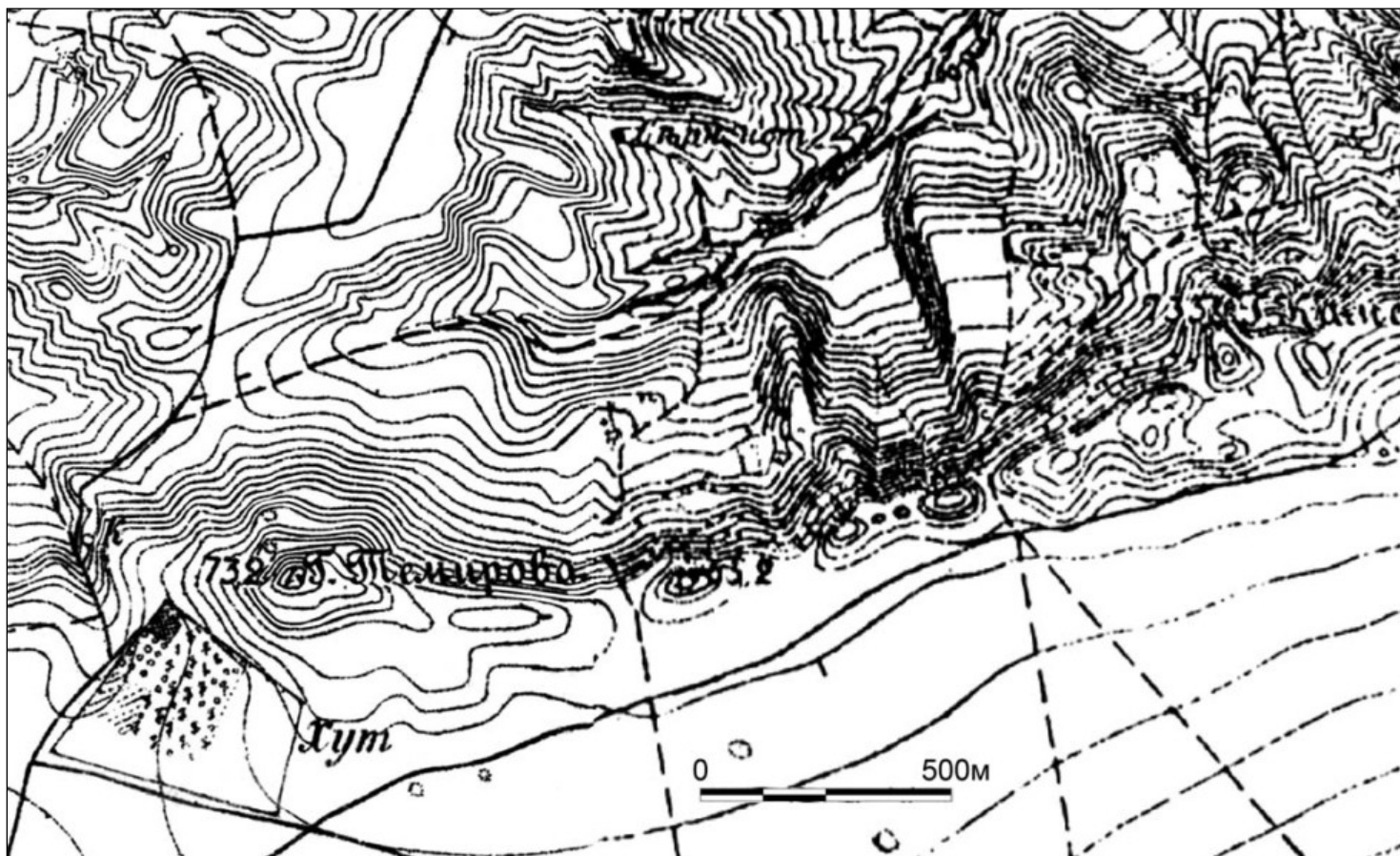

Рис. 55. Темир-гора на полуверстовой карте 1895 г. На южном склоне горы показан хутор

Рис. 56. Мыс Ак-Бурун на военно-топографической карте 1988 г. масштаб 1 : 100 000

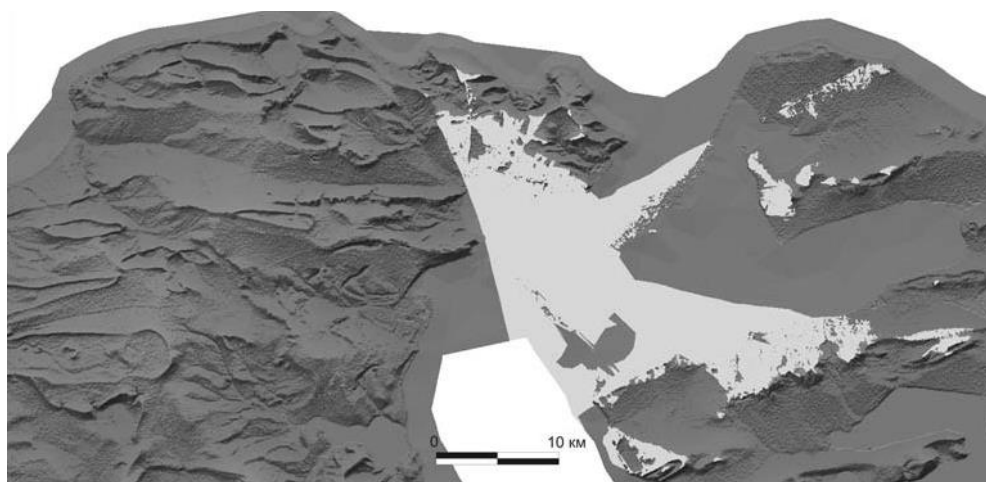
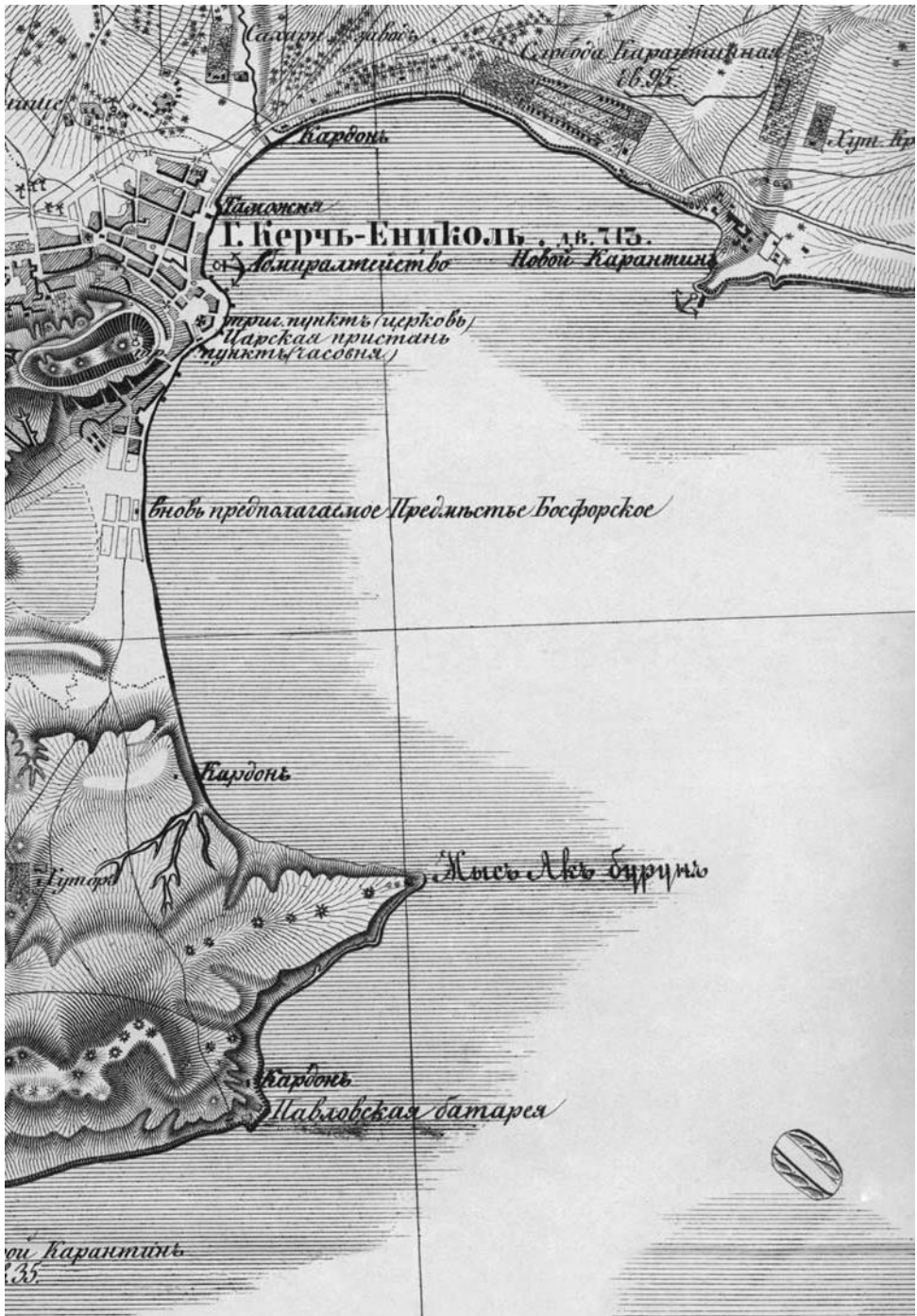

Рис. 57. Результат компьютерного анализа прямой видимости от мыса Ак-Бурун (viewshed analysis), проведенного с помощью программы MapInfo и его Vertical Mapper. Чертеж Т. Н. Смекаловой

Рис. 58. Курганы на мысе Ак-Бурун, являющиеся восточным окончанием могильника Юз-Оба, показанные на карте и 1857 г. (съёмка полковника Бетева 1837 г.)

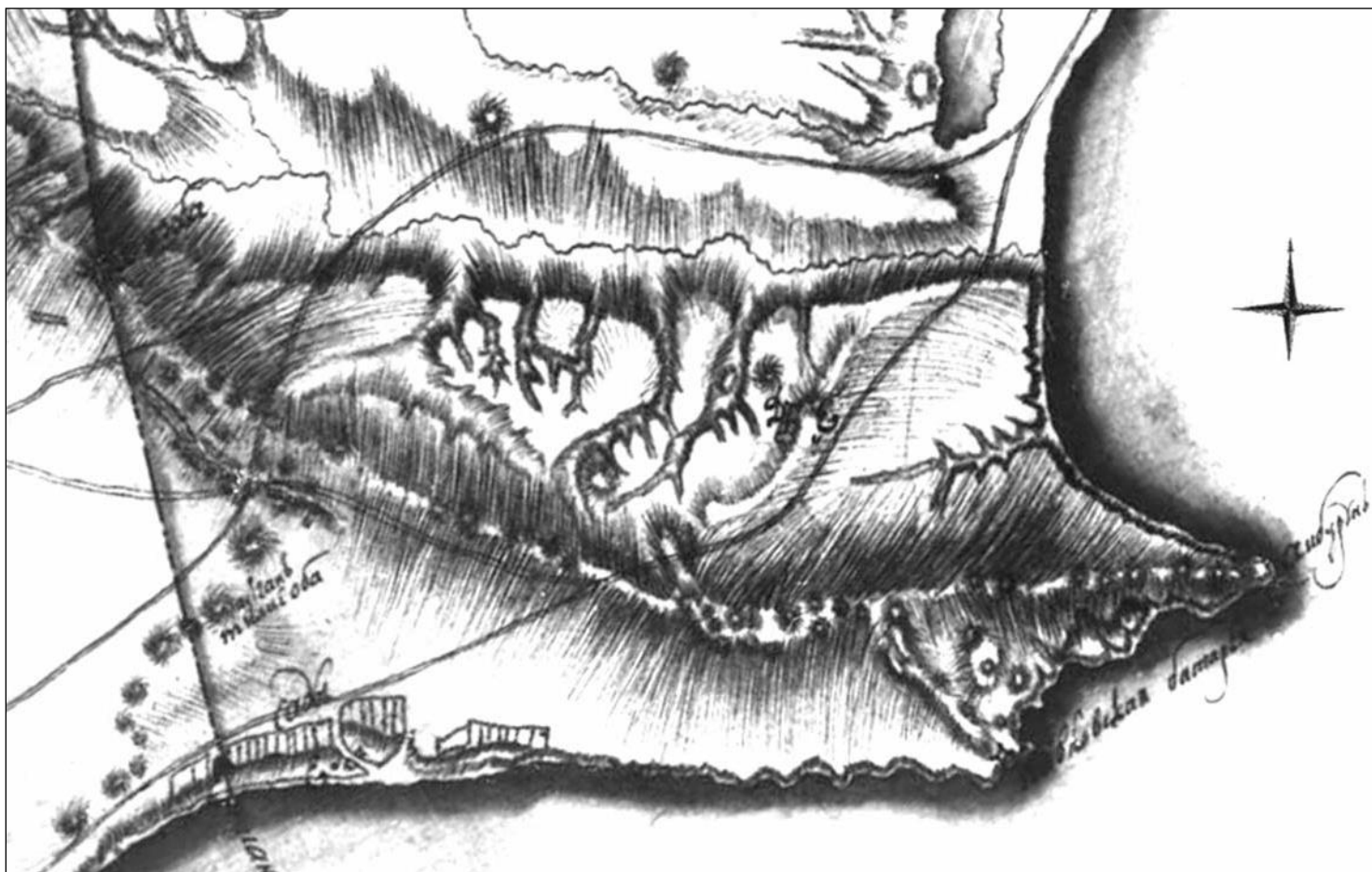

Рис. 59. Мыс Ак-Бурун, показанный на «Карте с показанием границы, отведенной к г. Еникале и Керчи» 1775 г.

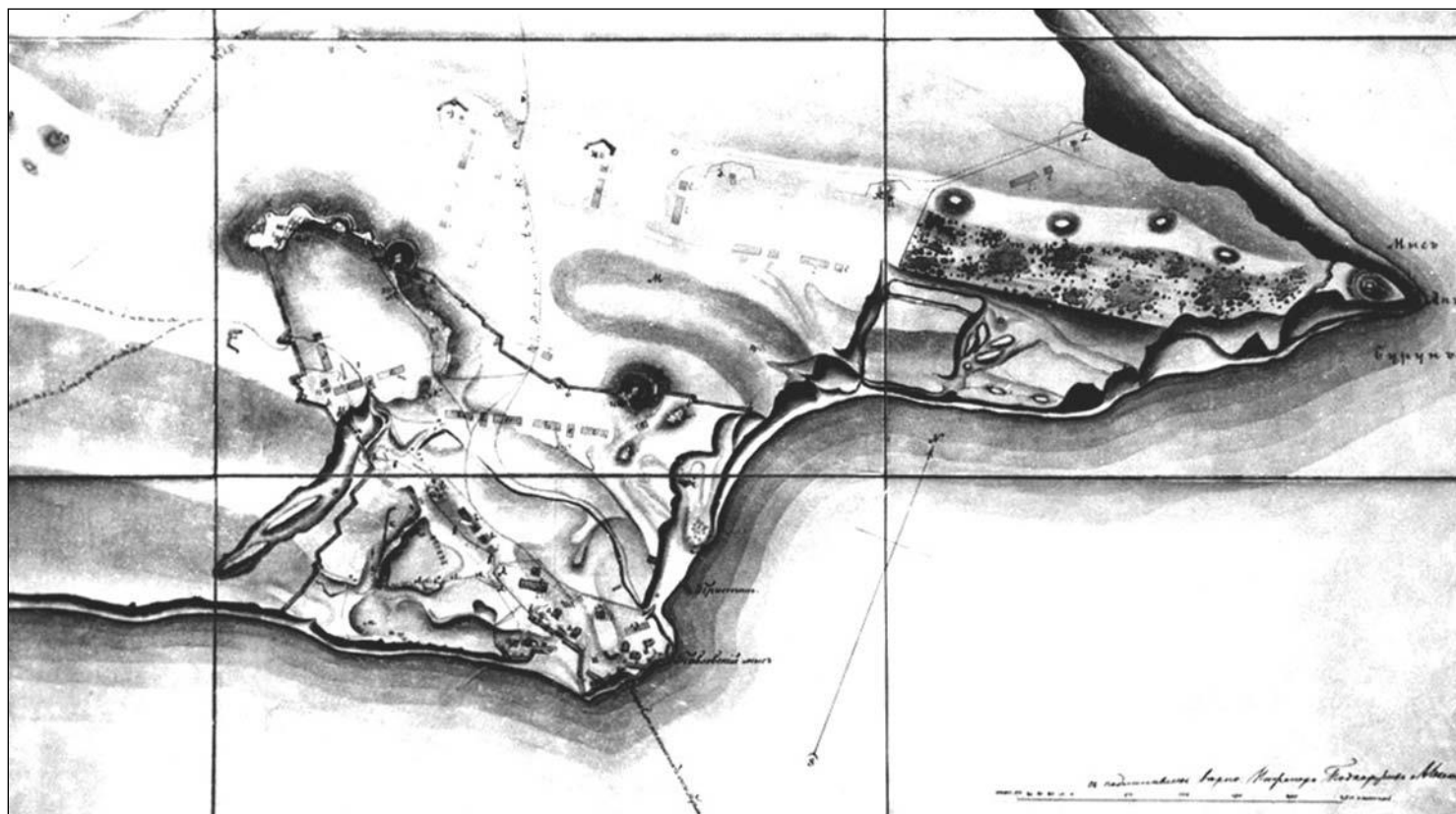

Рис. 60. «План местности у Павловского мыса и Ак-Буруна с показанием выстроенных и предполагаемых к постройке фортификационных сооружений» 1857 г.

Рис. 61. Схематическое положение участков 1 и 2 прецизионной геодезической съемки 2017 г. в мысовой части Керченской крепости, показанное на фоне современного космического снимка.
Чертеж Т. Н. Смекаловой

Рис. 62. Геодезические измерения с помощью дифференциального GPS приемника TRIMBLE R8. Оператор А. Н. Гаврилюк. Фото Т. Н. Смекаловой

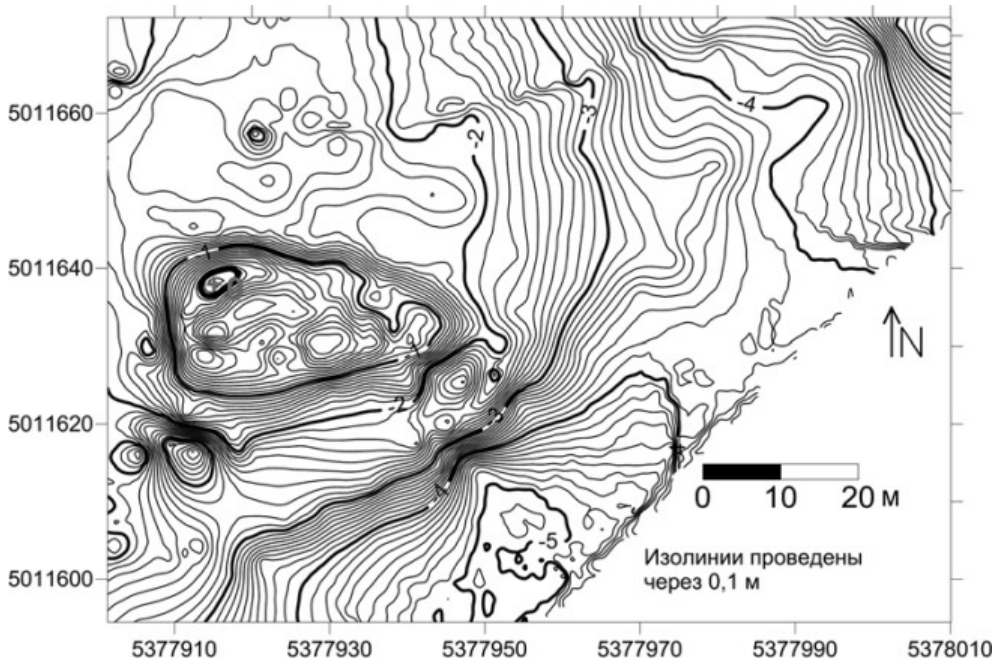

Рис. 63. Результаты топографической съемки с помощью дифференциального GPS в виде изолиний высот крайнего мысового кургана. Съемка А. Н. Гаврилюка, чертеж Т. Н. Смекаловой

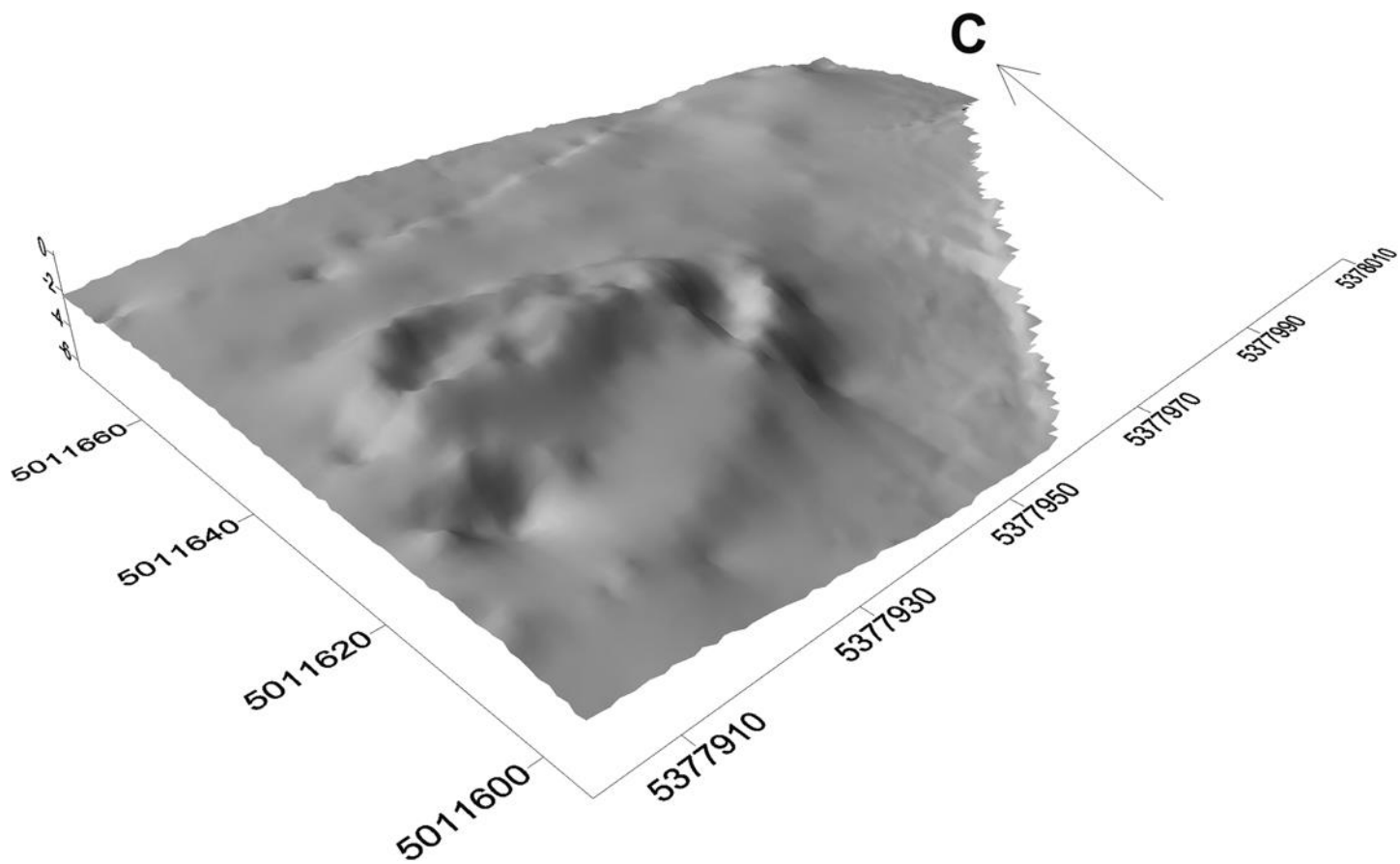

Рис. 64. Трехмерная топографическая карта крайнего мысового кургана, полученная с помощью дифференциального GPS. Съемка А. Н. Гаврилюка, чертеж Т. Н. Смекаловой

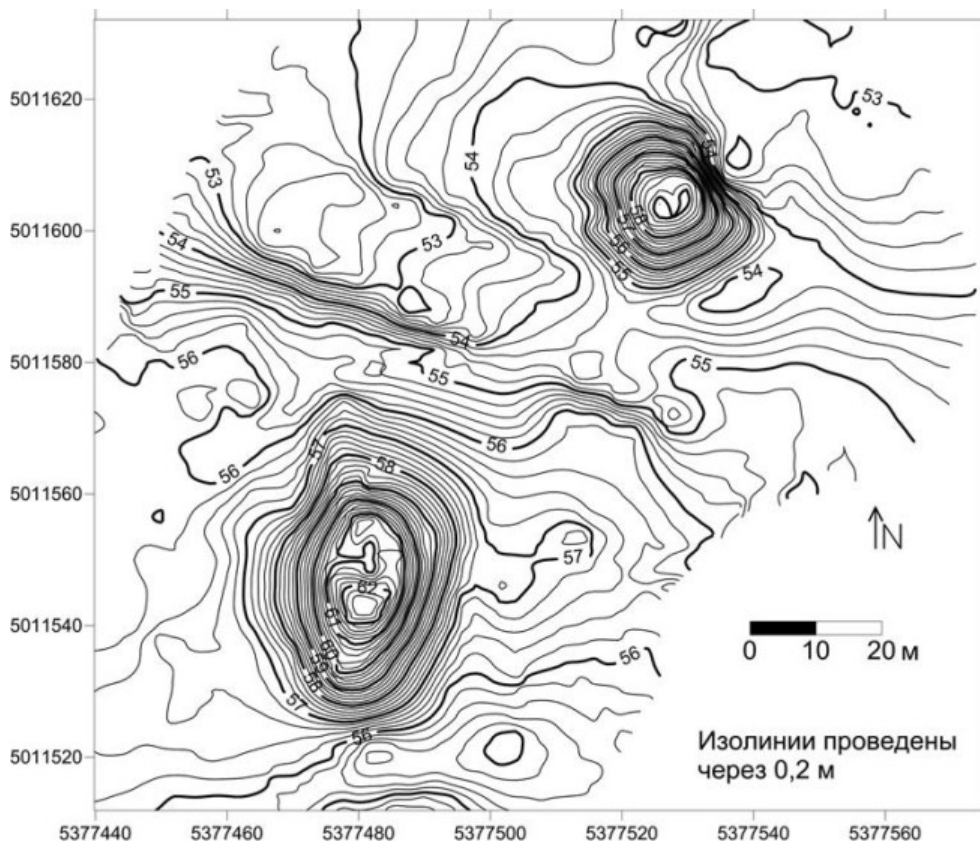

Рис. 65. Результаты топографической съемки двух курганообразных возвышенностей в 300 м к западу от кургана 1872 г. с помощью дифференциального GPS в виде изолиний высот. Съемка А. Н. Гаврилюка, чертеж Т. Н. Смекаловой

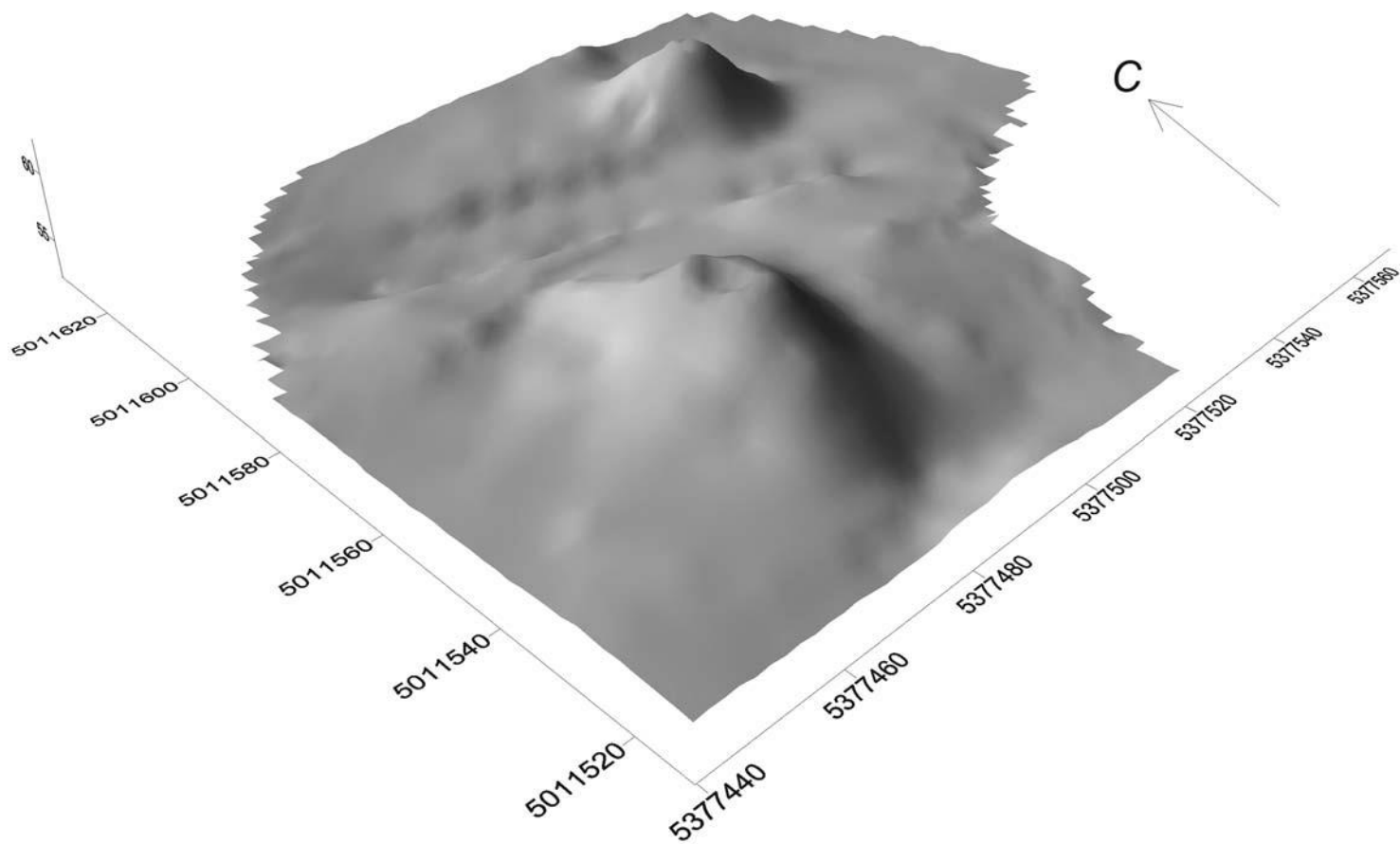

Рис. 66. Трехмерное представление топографической карты, показанной на предыдущем рисунке.
Съемка А. Н. Гаврилюка, чертеж Т. Н. Смекаловой

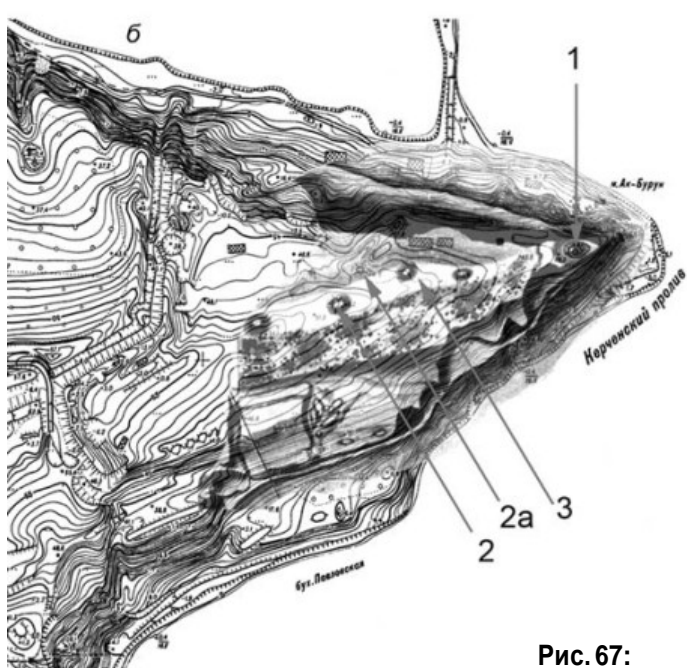
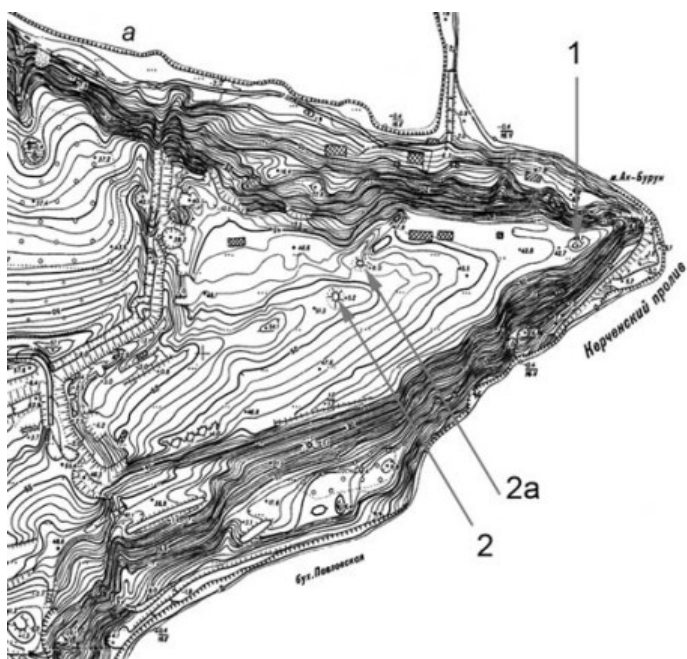

Рис. 67:

а — Современная топографическая карта мысовой части Керченской крепости; *б* — совмещение плана 1857 г. мысовой части крепости с современной топографической картой

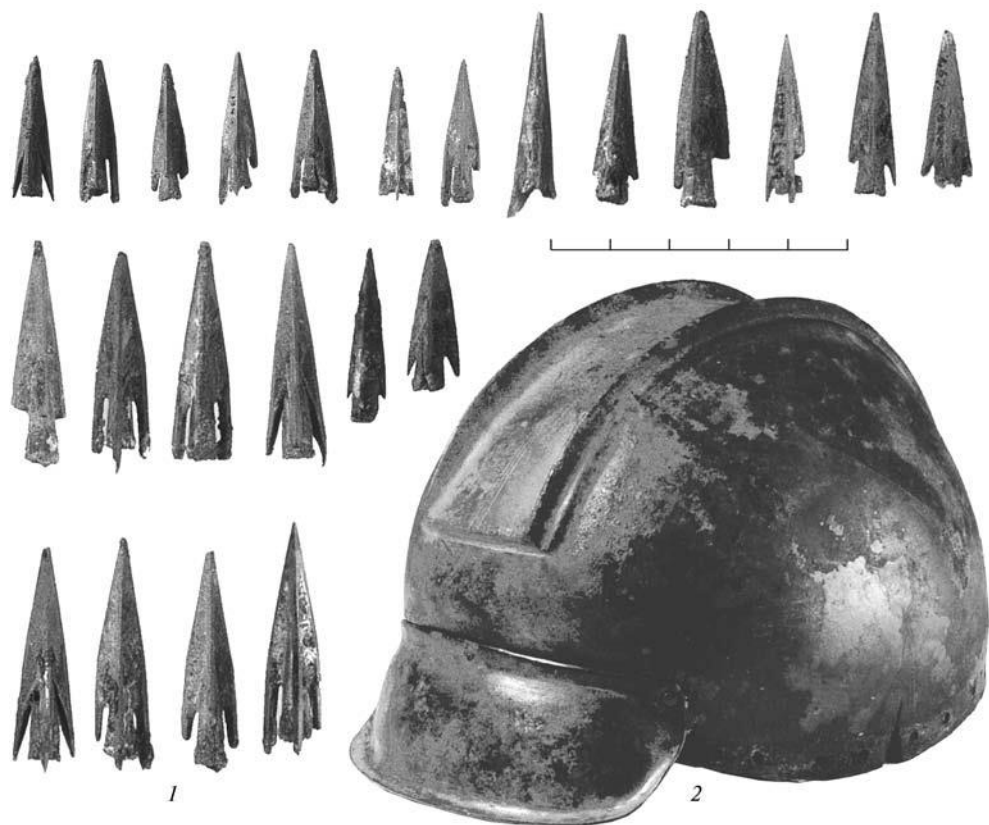

Рис. 68. Некрополь Нимфея. Инвентарь гробницы 1. Мужское погребение (по: Vickers, 1979; 2002):

1 — бронзовые наконечники стрел; 2 — бронзовый шлем

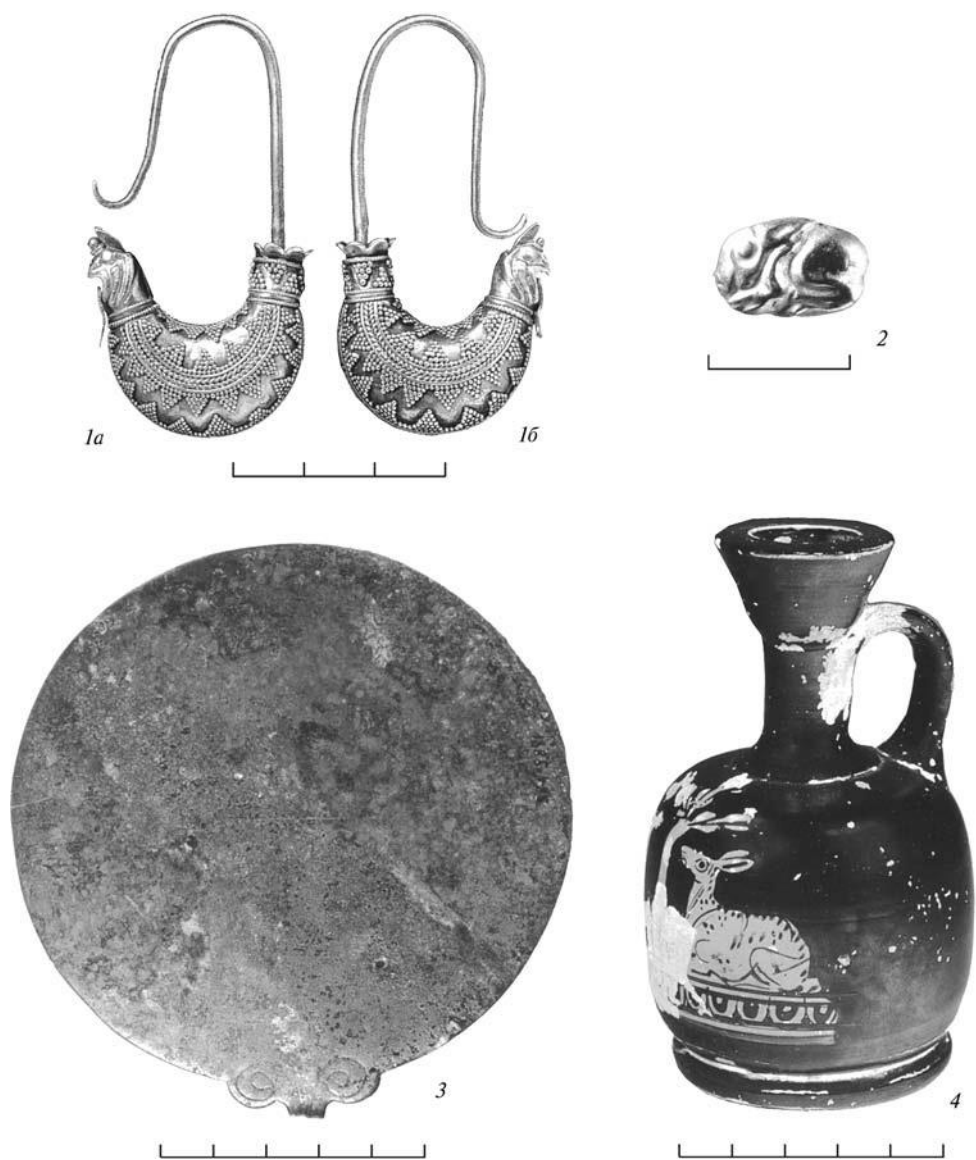

Рис. 69. Некрополь Нимфея. Инвентарь гробницы 1. Женское погребение
(по: Vickers, 1979; 2002):

1а, б — золотые подвески; 2 — золотая бляшка; 3 — фрагмент бронзового зеркала;
4 — краснофигурный лекиф

Рис. 70. Некрополь Нимфея. Инвентарь гробницы 2 (по: Vickers, 1979; 2002):
 1 — электровое кольцо; 2 — золотое ожерелье; 3, 3а — золотые застёжки;
 4–8 — греческие сосуды; 8а — граффито на дне чернолакового скифоса

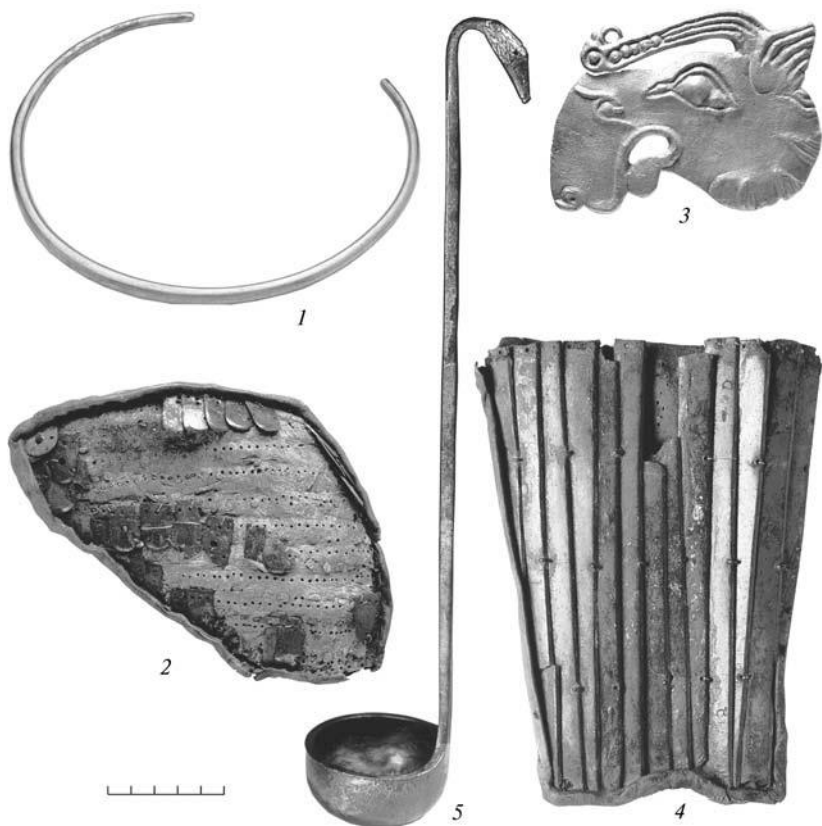

Рис. 71. Некрополь Нимфея. Инвентарь гробницы 6 (по: Vickers, 1979; 2002):
 1 — золотая шейная гривна; 2 — фрагмент чешуйчатого панциря;
 3 — бронзовая бляха; 4 — фрагмент бронзовых поножей; 5 — бронзовый черпак

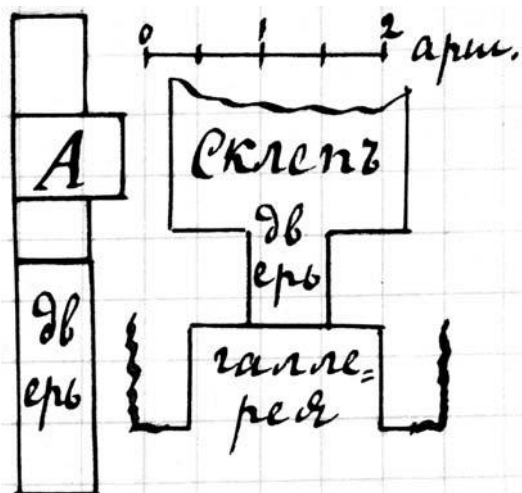

Рис. 72. План склепа Дементры
 из отчета К. Е. Думберга, 1897 г.
 (НА ИИМК, ф. 1, 1896,
 д. 58, л. 152 об.)

табл. IV

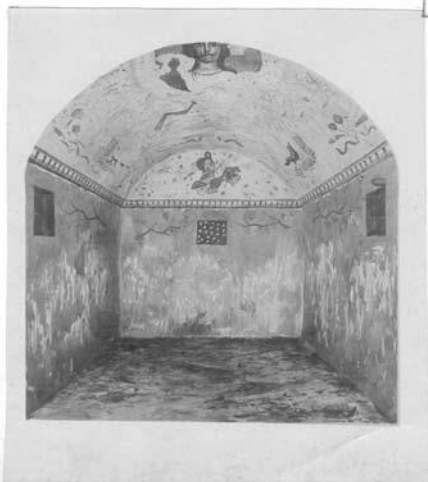
Видъ древняго склепа во дворе Зайцевой 1895

Г. А. И. М. К.
Фот. Отдел
№ 4-8659

Видъ северной половины.

Г. А. И. М. К.
Фот. Отдел
№ 4-8660

Видъ южной половины.
с акварельныхъ рисунковъ Ридигера.

Къ рапорту Завед. Керт. Муз. отъ 30 Окт. 1897 г. № 37

Рис. 73. Общие виды склепа Деметры, 1896 г.
Фото с акварелей П. Ридигера (НА ИИМК, отп. Q 305/10)

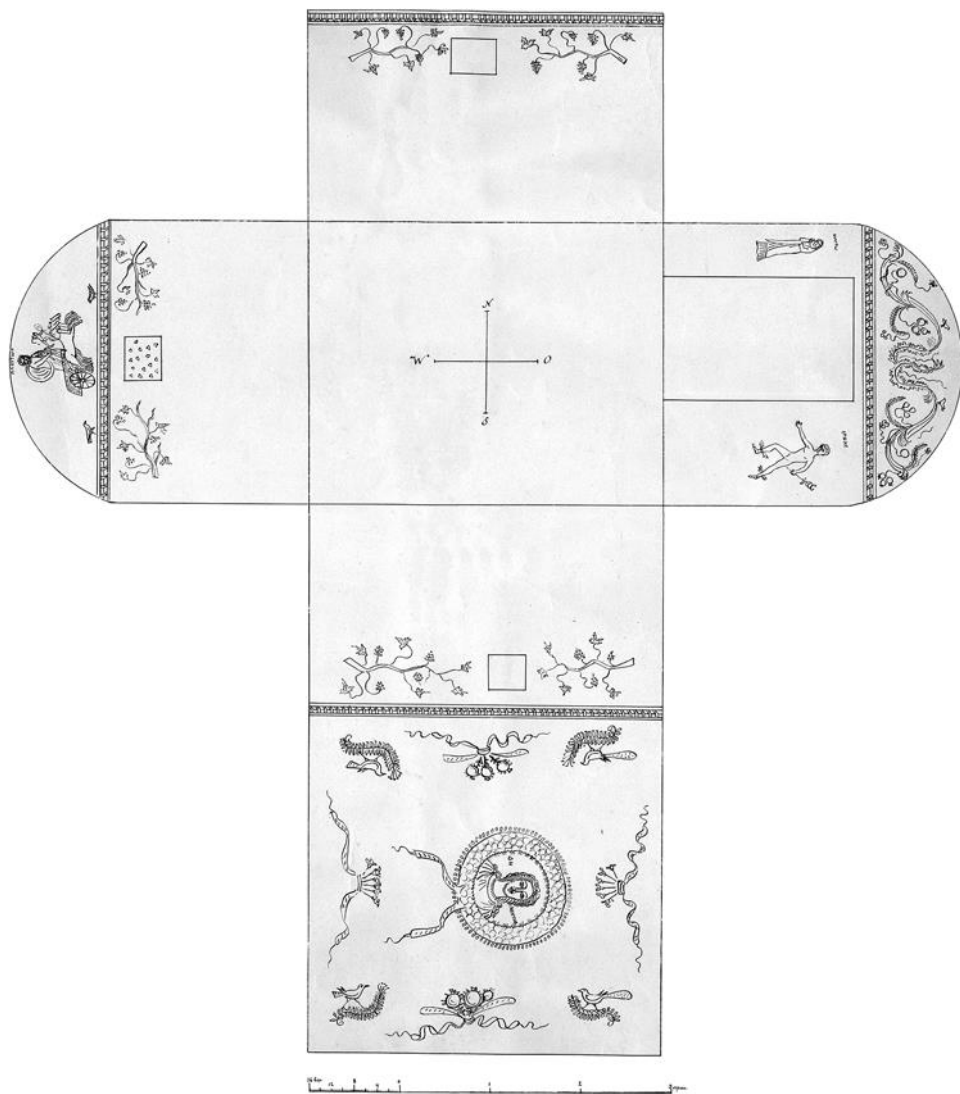

Рис. 74. Схема расположения фресковой росписи склепа Деметры.
 Рисунок П. Ридигера, 1896 г. (НА ИИМК, р. 1, оп. 1, д. 227, л. 12)

Рис. 75. Копия фресковой живописи склепа Деметры на выставке древностей, добытых ИАК в 1896 г., в Эрмитаже. Сцена похищения.
Фото акварели П. Ридигера (НА ИИМК, отп. Q 646/1)

Рис. 76. Копия фресковой живописи склепа Деметры на выставке древностей, добытых ИАК в 1896 г., в Эрмитаже. Орнамент над входом.
Фото акварели П. Ридигера (НА ИИМК, отп. Q 646/8)

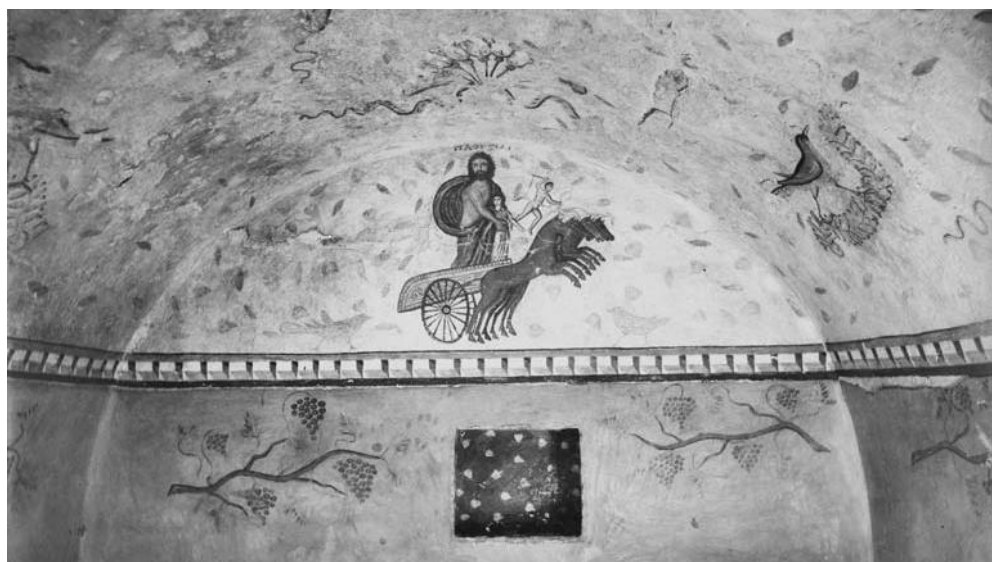

Рис. 77. Склеп Деметры. «Похищение Персефоны».
Фото М. С. Рубанчика, 1896 г. (НА ИИМК, отп. Q 305/32)

Рис. 78. Склеп Деметры. Роспись у входа.
Фото М. С. Рубанчика, 1896 г. (НА ИИМК, отп. Q 305/33)

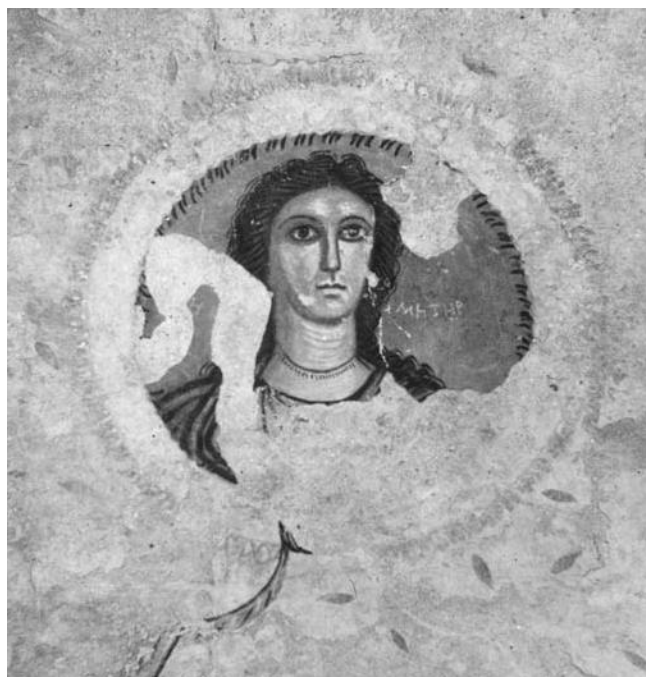

Рис. 79. Склеп Деметры.
Роспись плафона.
Фото М. С. Рубанчика,
1896 г.
(НА ИИМК,
отп. Q 305/34)

Рис. 80. Склеп Деметры. Часть росписи с птицей.
Фото М. С. Рубанчика, 1896 г. (НА ИИМК, отп. Q 305/35)

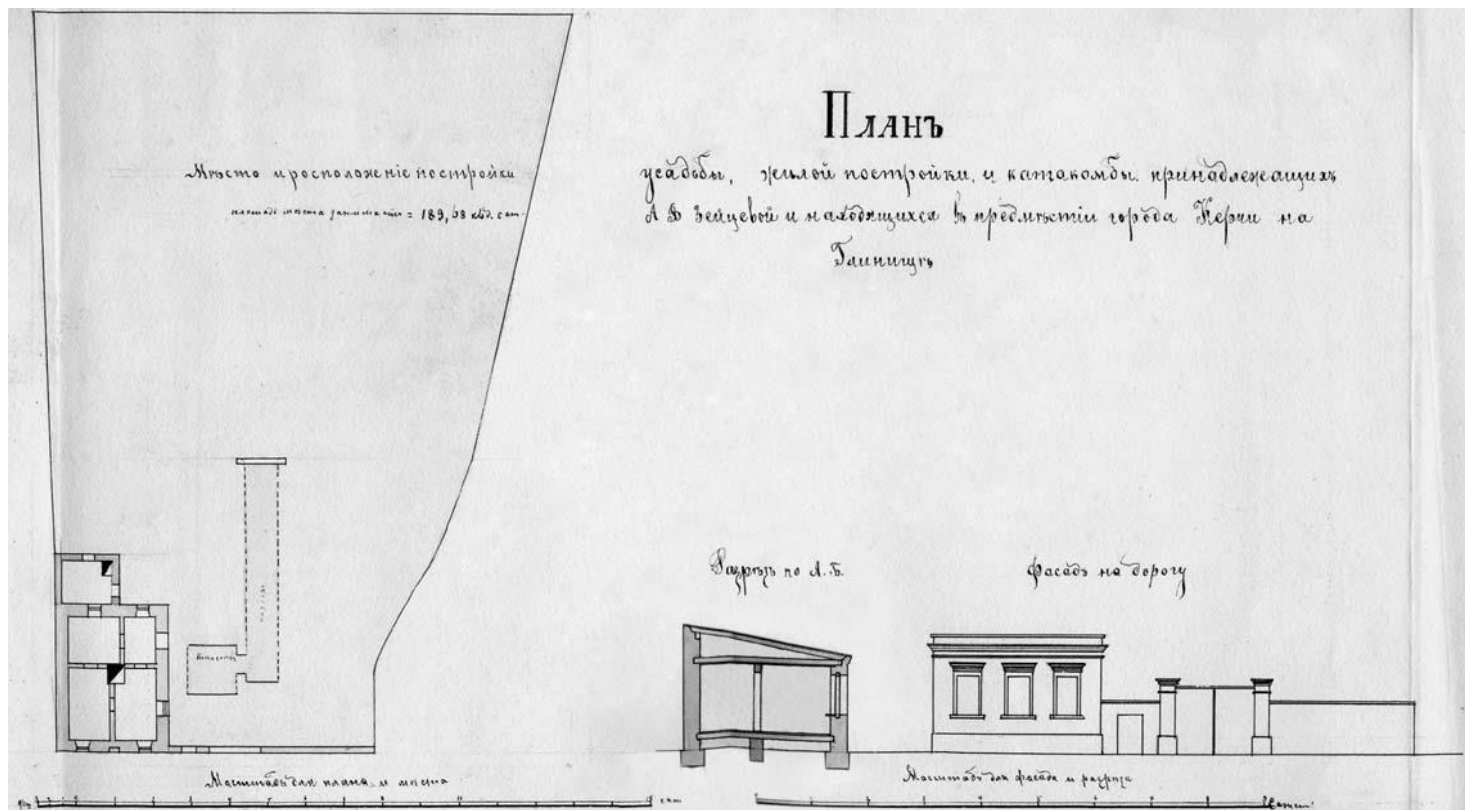

Рис. 81. План усадьбы А. М. Зайцевой, жилой постройки и катакомбы, 1902 г.
 (НА ИИМК, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 32, л. 133)

Рис. 82. Склеп Деметры.
Внутренний вид на северную стену.
Фото Е. Ф. Кешеля, 1910 г.
(НА ИИМК, отп. Q 305/11)

Рис. 83. Внутренний вид
на северную стену склепа Деметры
с росписью. Фото Е. Ф. Кешеля,
1910 г. (НА ИИМК, отп. Q305/12)

Рис. 84. Склеп Деметры. Общий вид южной стены склепа.
Фото Е. Ф. Кешпеля, 1910 г. (НА ИИМК, отп. Q 305/14)

Рис. 85. Склеп Деметры. Роспись лонета южной стены склепа.
Фото Е. Ф. Кешпеля, 1910 г. (НА ИИМК, отп. Q 305/16)

Рис. 86. Склеп Деметры. Изображение в плафоне.
Фото Е. Ф. Кешпея, 1910 г. (НА ИИМК, отп. Q 305/18)

Рис. 87. Склеп Деметры. Фигура Калипсо.
Фото Е. Ф. Кешпея, 1910 г. (НА ИИМК, отп. Q 305/21)

Рис. 88. Склеп Деметры. Фигура Гермеса.
Фото Е. Ф. Кеппеля, 1910 г. (НА ИИМК, отп. Q 305/22)

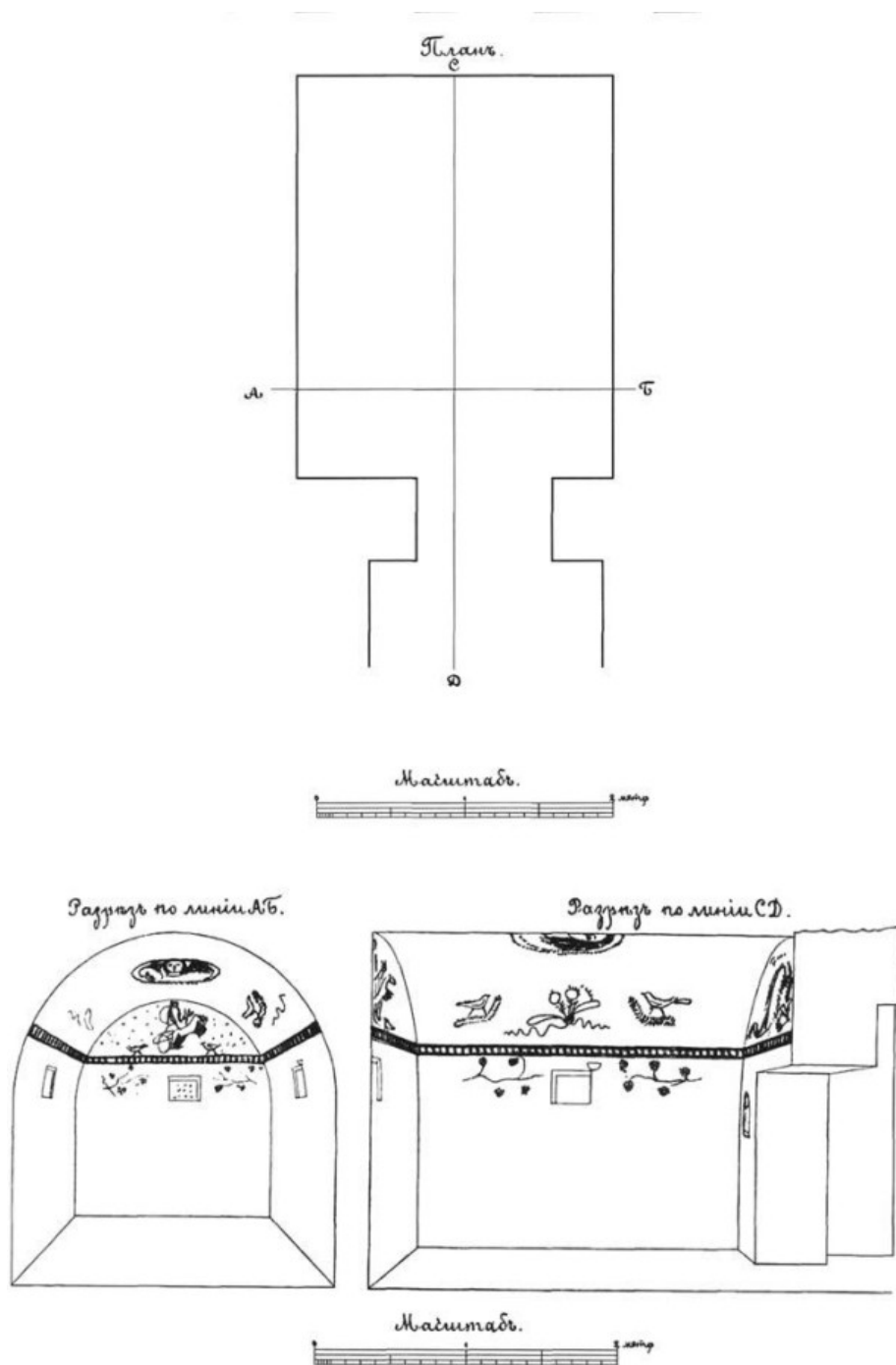

Рис. 89. План склепа Деметры по М. И. Ростовцеву (1914. Рис. 35–37)

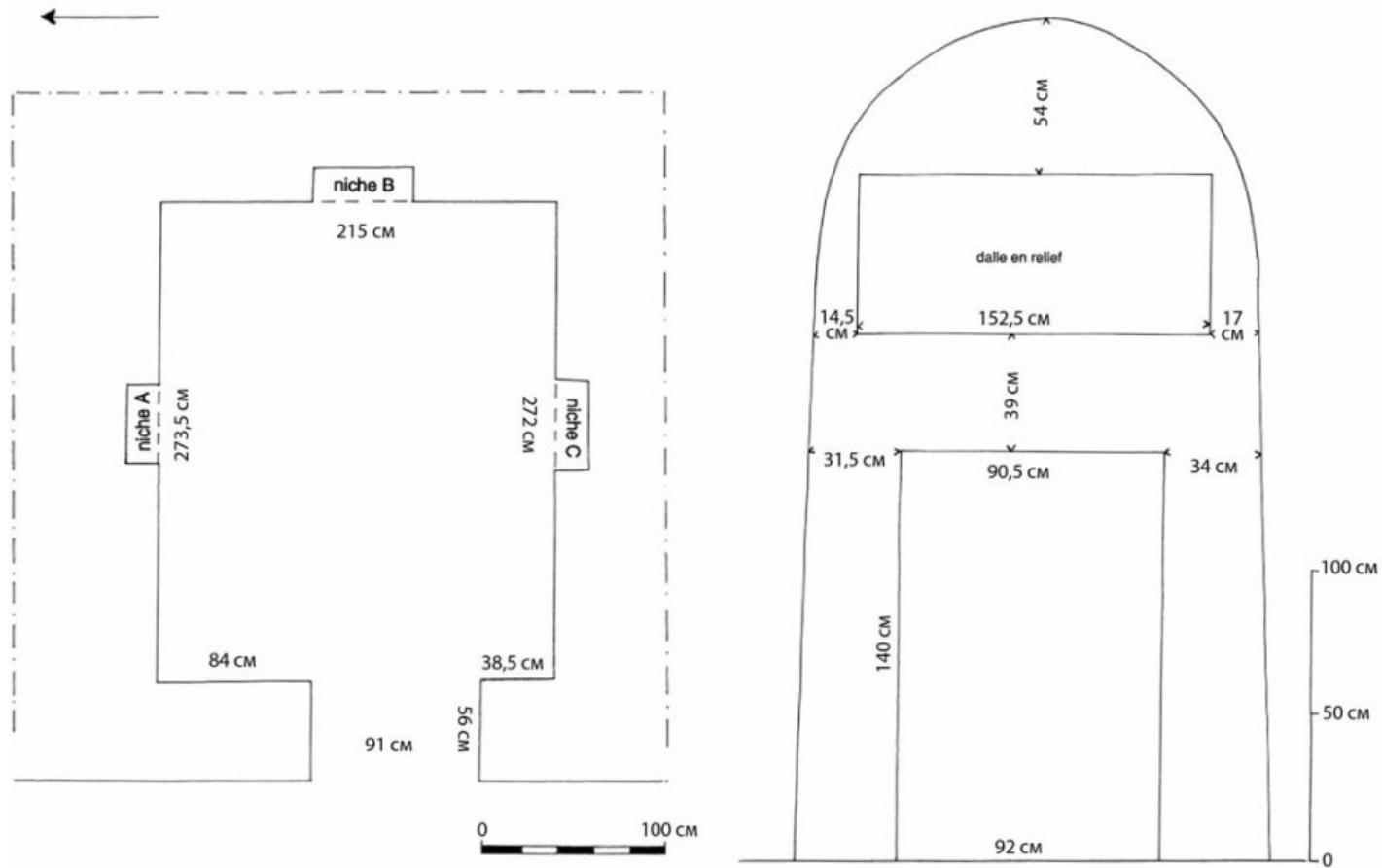

Рис. 90. План склепа Деметры по А. Барбье (по: Федосеев, 2011. Рис. 5–6)

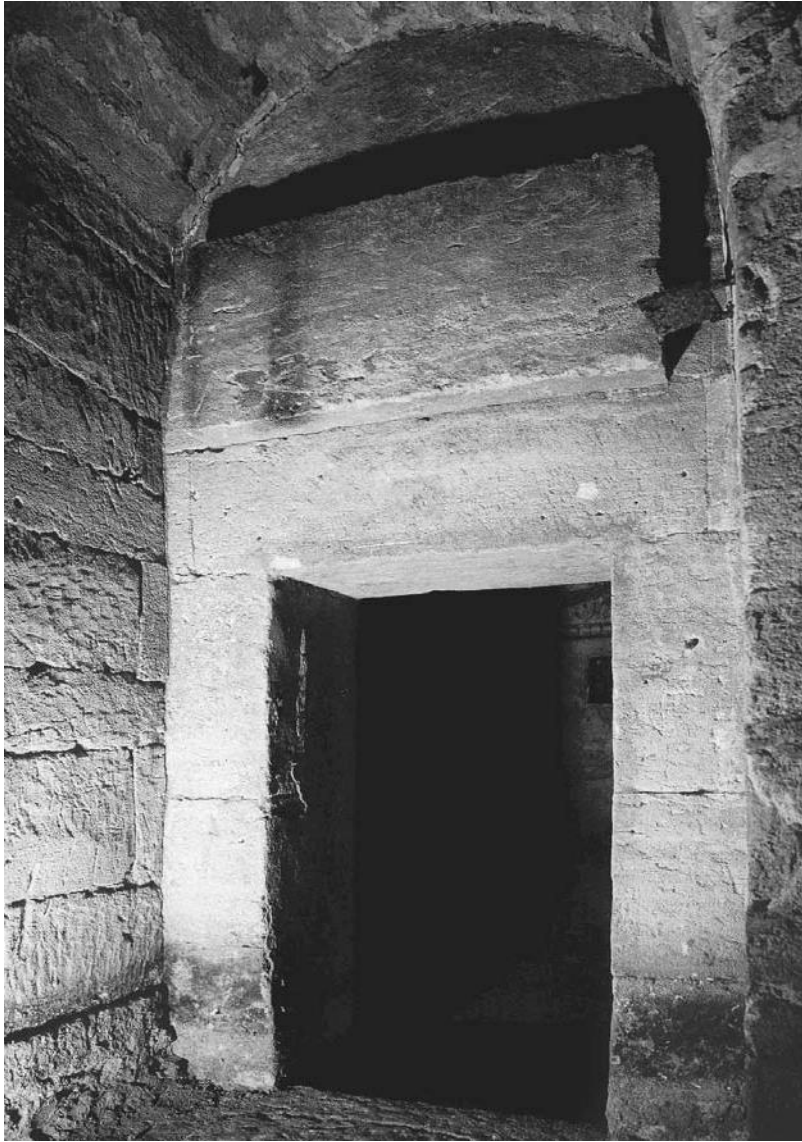

Рис. 91. Фото дромоса и входа в склеп Дементры
(по: Буйских, 2009. Рис. 6)

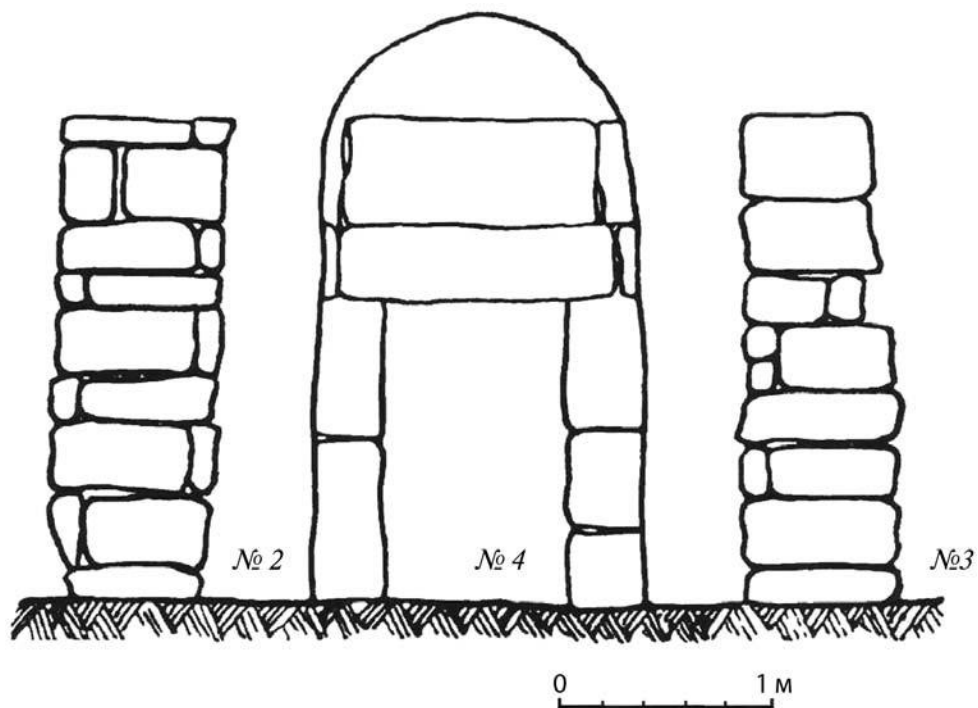

Рис. 92. Фасы восточной (№ 2), западной (№ 3) и северной стен (№ 4) склепа (по: Буйских, 2009. Рис. 4)

Рис. 93. Склеп Деметры. Вид с юга.
Акварельный рисунок П. Ридигера 1896 года.
Фото Е. Ф. Кепеля (НА ИИМК, отп. О.1230/17)

Рис. 94. Бронзовая патера из склепа Деметры (НА ИИМК, отп. Q 828/5)

Рис. 95. Каменное навершие меча и костяная пиксида из склепа Деметры (НА ИИМК, отп. Q 614/23)

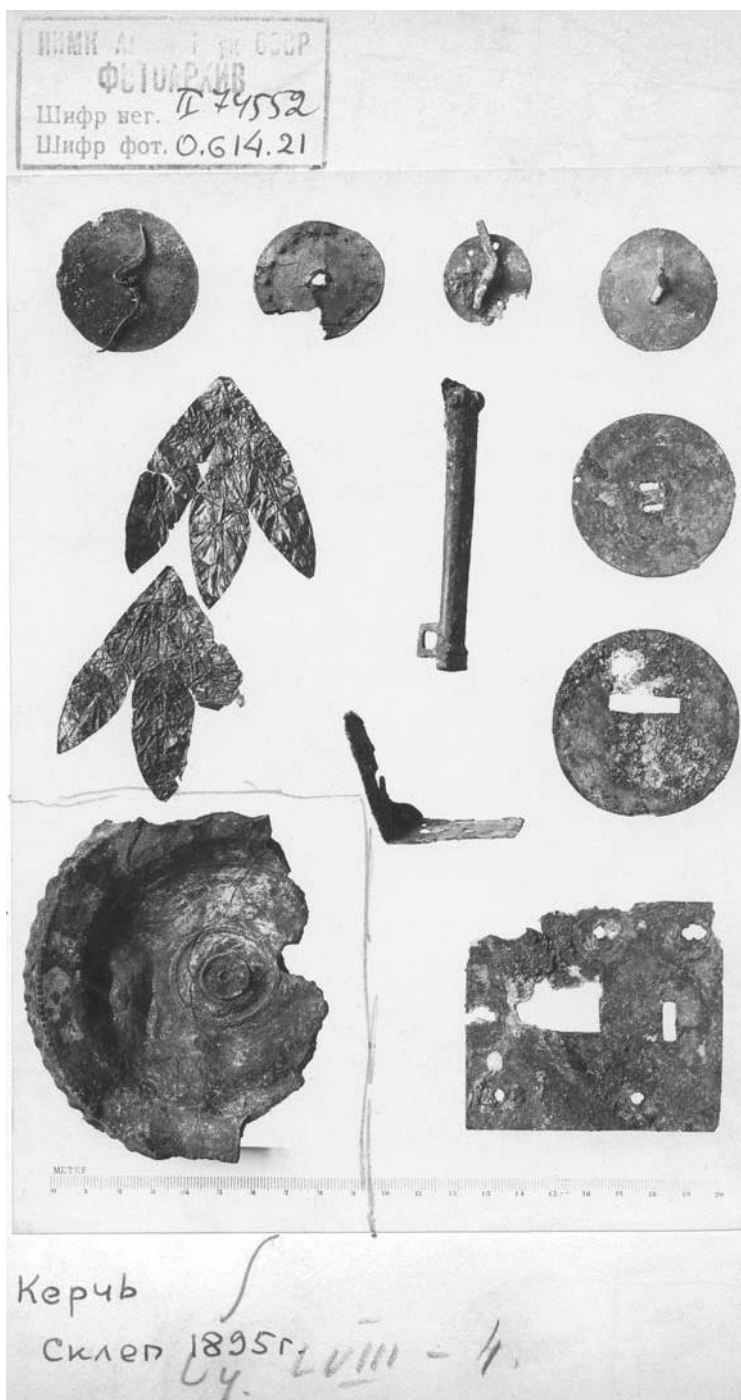

Рис. 96. Бронзовые детали замка шкатулки; трилистники от золотого венка из склепа Деметры (НА ИИМК, отп. Q 614/21)

Рис. 97. Вещи, найденные в склепе
 (по: М. И. Ростовцеву. 1913. Табл. LXI)

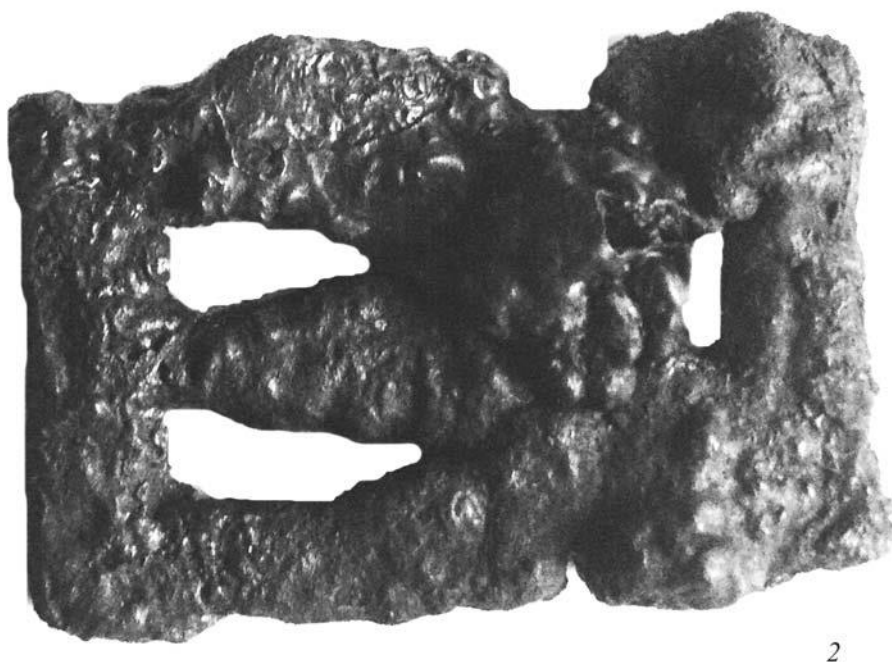

Рис. 98:

1 — серебряная пряжка с изображением сфинкса;
2 — железный распределитель ремня конской упряжи
(по: Шаров, 2011. Рис. 4)

ISBN 978-5-88812-880-0

9 785888 128800